

Андрей Анисин, Дарья Макарова, Дарья Ратникова, Иван Усков

ХРОНИКИ
DEMONS GRAVE
—♦— ДЕЛО №0 —♦—

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дарья Макарова

Хроники DemonsGrave - Дело 0

«Автор»

2026

Макарова Д.

Хроники DemonsGrave - Дело 0 / Д. Макарова — «Автор», 2026

Эта книга рассказывает о городе Демгрейв, стоящим на месте древней битвы Богини Ливиры с Великим Демоном, о людях, его населяющих, о судьбах героев, готовых изменить мир. У каждого из них своя история, своя дорога и своя судьба, которая незаметно, вроде бы случайно, но неразрывно сплетается в такой тугой и запутанный узел, развязать который попросту невозможно. Можно только разрубить, невовремя, но очень горячо и искренне пожелав этого. Разрубить так, что концы обрубленных судеб с размаху ударят пожелавшего И именно тогда ты наконец поймёшь, что самое страшное чудовище во вселенной смотрит на тебя из твоего собственного зеркала. А когда вы дойдёте вместе с героями до финала, то знайте, что это совсем не конец истории. Это только начало. Интересно? Тогда вперёд! Демгрейв ждёт вас!

© Макарова Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	28
Глава 3	44
Глава 4	59
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Дарья Макарова, Иван Усков, Андрей Анисин, Дарья Ратникова Хроники DemonsGrave - Дело 0

Пролог

887-й год с окончания Великой Войны. 18:46. Город Лакония. Резиденция графа О'Нилла.

Тусклые отблески газовых фонарей пробивались сквозь густую дымку, зависшую над узкими улицами старого города. С неба оседал серый пепел, смешиваясь с влагой мостовой. Где-то вдали тишину разорвал заводской гудок, извещая об окончании смены, но никто не спешил к трубам, возвышавшимся подобно безмолвным гигантам. Взгляды горожан были прикованы к массивному особняку семьи О'Нилл. Витражные окна дворца дрожали от света свечей и ламп, за которыми сустились слуги. Их тени метались из комнаты в комнату, словно в предчувствии неминуемого бедствия.

На втором этаже, в кабинете графа Себастьяна О'Нилла, горел свет. Хозяин дома стоял у огромного окна с тяжёлыми шторами, наблюдая за суматохой во дворе. На его обычно хладнокровном лице застыло беспокойство. Сквозь мутный свет фонарей он видел, как лакеи запрягают кареты и загружают сундуки, — в их движениях сквозил лихорадочный страх.

Себастьян отвернулся и шагнул к массивному столу из красного дерева. Его руки на миг замерли над выдвижным ящиком. Внутри лежал револьвер — оружие с позолоченной гравировкой «Кровь за кровь». Он выглядел внушительно и... трагично. Граф провёл пальцами по холодному металлу, вспоминая день, когда получил его.

Перед глазами оживило прошлое. Шумный плац стрелковой академии, сверкающие на солнце офицерские награды. Молодой Себастьян стоял в строю, высоко задрав подбородок, когда его вызвали на середину. С гордостью, смешанной с волнением, он внимал словам командира. Но радость сменилась свинцовой тяжестью, когда ему вручили деревянный ларец. В нем покоилось личное оружие его сестры — пятизарядный револьвер.

Вероника, старше его на восемь лет, всегда верила в его успех. Она ушла в дальний поход, пообещав вернуться к его выпуску. Но ей не суждено было снова пересечь порог академии.

Звук упавшего предмета за дверью вырвал Себастьяна из меланхолии. Подхватив револьвер, он быстро пристегнул кобуру к поясу и набросил длинное пальто. Его шаги гулко отдавались в тишине коридора.

В просторной спальне горел тёплый свет. Елизавета, его супруга, торопливо укутывала маленькую дочь в плащ. Девочка смотрела на мать огромными глазами, в которых дрожали слёзы.

— Себастьян, мы должны уехать сейчас же, — сказала Елизавета, оборачиваясь. Голос её дрожал, но взгляд оставался твёрдым.

— Папа, я не хочу уезжать! — Мари подбежала к отцу и вцепилась в его ногу. — Нам тут так хорошо... Зачем?

— Мари, не плачь. Мы ненадолго отправимся к знакомым в Демгрейв, — он взял её на руки и крепко прижал к себе. — Помнишь своего двоюродного брата Андро? Он, небось, уже подрос, как и ты.

Посмотрев на дочурку, он невольно улыбнулся, и на душе стало капельку теплее.

— Помню, конечно... — протерев лицо кулачками, Мари немного успокоилась. Она взглянула на маму, собиравшую разбросанные вещи, и прошептала отцу в плечо: — Но я всё равно не хочу.

Себастьян усадил её на мягкую перину кровати.

— Послушай... Я знаю, ты не хочешь. Честно признаться, никто из нас не хочет, но так нужно. Чем быстрее мы соберёмся, тем лучше. Ты у меня умная девочка и всё понимаешь. Мама расскажет тебе причины в дороге.

Девочка молча кивнула. Елизавета подошла ближе, коснувшись руки мужа.

— Им нельзя отдавать кристалл, Себастьян, — прошептала она, указывая на кулон в форме голубого ромба на шее дочери. — Если он попадёт в их руки...

Договорить она не успела. Снизу раздался тяжёлый стук, сопровождаемый звоном разбитого стекла. Себастьян замер, встретившись взглядом с женой.

— Они здесь, — выдохнула Елизавета.

В комнату ворвался охранник. Его лицо было напряжено, а голос выдавал предельное волнение:

— Люди Лакруа уже на территории! Охрана убита, похоже, нас предали. Мы держим оборону, но это ненадолго.

— Выведите мою семью. Немедленно! — скомандовал Себастьян.

Мужчина бросился к камину, открывая скрытый проход. Но время стремительно утекало. Снизу донёсся оглушительный взрыв, стены дома содрогнулись. Нападавшие штурмовали особняк, не считаясь с потерями. Звуки мушкетных выстрелов и лязг клинков заполнили здание. Где-то рушились двери, снова бились витражи. Стражники сражались до последней капли крови, храня верность своему господину.

Себастьян взял Елизавету за плечи.

— Уводи её через потайной ход к оранжерее. Я задержу их.

— Но...

— Иди! — резко оборвал он, доставая револьвер.

Как только Елизавета с Мари скрылись за гобеленом, двери в комнату с треском слетели с петель. В проёме появился статный мужчина с пепельными волосами. Его холодные, словно мёртвые глаза скользнули по помещению и остановились на графе.

— О'Нилл, — начал он, вскидывая оружие. — Ты знаешь, зачем я здесь. Отдай кристалл, и, возможно, я позволю тебе умереть с честью.

— Гори ты на Чёрных тропах, Михаил, — твёрдо ответил граф. — Кристалл ты не получишь.

Прогремел выстрел. Звук эхом отозвался в коридорах. Стиснув зубы от резкой боли в плече, Себастьян выронил револьвер, пытаясь сменить позицию. Михаил не спешил стрелять снова. В его взгляде читалось презрение.

— Глупо, Себастьян. Ты всегда лезешь в драку, когда проигрыш неизбежен.

— Если я не остановлю тебя, ты погубишь всех, — огрызнулся граф, пятясь к двери.

Михаил оказался быстрее. Рывок, резкий удар ногой — и Себастьян отлетел к стене. В руках врага сверкнуло тонкое лезвие. Михаил наклонился к нему:

— Знаешь, что самое забавное? Ты всё ещё пытаешься играть по правилам, которые давно никто не соблюдает.

Себастьян резко ударил его локтем в солнечное сплетение. Михаил пошатнулся, и этой секунды графу хватило, чтобы нырнуть в темноту коридора.

...

Елизавета, крепко держа Марию за руку, торопливо следовала за охранником. Роберт — так звали молодого человека — был новичком в личной гвардии Себастьяна. Графиня знала его плохо, но муж отзывался о нём как о старательном и сообразительном малом.

Влажный, пропитанный ароматом цветов воздух оранжереи немного приглушал звуки сражения, доносившиеся из главного зала. Потайной ход вывел их в небольшой боковой сад, надёжно укрытый от посторонних глаз живой стеной из густого плюща.

— Мама, кто эти люди? — прошептала Мария, сжимая руку матери так сильно, что побелели костяшки.

— Те, кто хочет причинить нам зло, — коротко ответила Елизавета, подталкивая дочь вперёд.

Оранжерея поражала масштабами: стеклянные купола терялись в вышине, пропуская внутрь лишь тусклый, призрачный свет звёзд. Здесь, в тени экзотических листьев и пышных бутонов, можно было затаиться, но предчувствие беды не покидало женщину.

В какой-то момент Роберт замер, тревожно озираясь. Его рука потянулась к эфесу, клинок наполовину вышел из ножен, но в ту же секунду с лязгом упал на плиты пола. Елизавета вздрогнула от неожиданности. Она даже не успела понять, что произошло, как охранник без единого звука рухнул на землю. Из его шеи торчал короткий арбалетный болт.

Раздались неспешные шаги. Сердце Елизаветы забилось в самом горле. Из глубокой тени материализовалась высокая фигура в маске и длинном плаще. На поясе незнакомца тускло блестели кинжалы, а в руках он держал арбалет, который принялся методично перезаряжать.

— Михаил, как обычно, оказался прав, а я теперь должен ему двадцатку. Ну что ж, не велика потеря, — проговорил мужчина, снимая маску. Под ней скрывалось удивительно молодое, почти мальчишеское лицо, но его взгляд был пропитан ледяной жестокостью. — Отдайте кристалл, и я сохраню вам жизнь. Ваша кровь мне не нужна.

— Никогда! — отрезала Елизавета, закрывая собой дочь.

— Тогда ты сама выбрала смерть.

Наёмник вскинул оружие, но прежде чем болт сорвался с тетивы, из-за ближайшей колонны выскользнул Себастьян. Грохнул выстрел, следом — второй. Тёмная фигура пошатнулась. Упав на колени, незнакомец успел лишь прохрипеть:

— Глупец... Это всё равно ничего не изменит...

Елизавета бросилась к мужу, прижимаясь к его плечу.

— Они не остановятся, Себастьян! Нам нельзя здесь оставаться.

— Знаю, — он тяжело дышал, оглядывая помещение. — Но сперва нужно сделать так, чтобы нас не выследили.

Граф подошёл к убитому наёмнику и вытащил из его внутреннего кармана сложенную бумагу. Это была подробная схема особняка с пометками, указывающими на все секретные выходы.

— Они знали всё, — прошептал он, сминая карту в кулаке.

Себастьян перевёл взгляд на тело Роберта, и его челюсти плотно сжались от ярости. Он помнил, как принимал этого парня на службу, как тот до изнеможения тренировался на плацу. В нём был огромный потенциал, оборванный в одно мгновение. Мир был жесток, и граф в очередной раз убедился: справедливости в нём нет.

Пока Елизавета и Мария прятались в глубине оранжереи, Себастьян, понимая, что каждая секунда на счету, обрушил стеклянную стену в восточном крыле сада, создавая видимость их побега в ту сторону.

...

Тем временем Михаил, придя в себя после столкновения, уже спешил к оранжерее. Его люди методично окружали поместье, зачищая каждый угол и не оставляя шанса случайным свидетелям.

— Мы найдём их. Они не уйдут, — холодно бросил он, на ходу проверяя механизм оружия.

За этой уверенностью стояла не просто жажда наживы, а старая, глубоко пустившая корни обида. Михаил знал Себастьяна слишком долго. Слишком много крови и пыли они разделили на «Чёрных тропах», чтобы он мог простить былые разногласия. Михаил до сих пор помнил тот день, когда Себастьян отверг его план. Всего одно использование найденного кристалла — и они получили бы власть, о которой другие не смели и мечтать. Но Себастьян, этот чистоплюй, который и сам-то порой не брезговал грязными методами, внезапно пошёл на попятную.

«Но предательство я тебе не прощу никогда», — пронеслось в голове Михаила. Сдача властям Демгрейва и два года в казематах из-за «принципов» бывшего напарника стали точкой невозврата. Сегодня старые долги должны быть оплачены.

Внутри оранжереи Себастьян прижал к груди карту. Тревога когтями скребла сердце; его взгляд лихорадочно метался между женой, дочерью и разбитым стеклом. Холодный ветер, ворвавшийся в пролом, бесцеремонно трепал лепестки экзотических цветов и шёлковую ткань занавесей.

— Лиззи, бери Марию и уходите лесом. Я задержу их, сколько смогу, — голос графа звучал твёрдо, но в глубине зрачков плескалась обречённая тоска.

— Себастьян, нет! — вскрикнула Елизавета, до боли сжимая плечи дочери. — Мы справимся вместе, как и всегда!

— Если мы останемся здесь втроём, у Мари не будет и шанса, — голос его на мгновение дрогнул. — Ты должна защитить её, даже если... — он не договорил, но в его взгляде Елизавета прочла горькое окончание фразы.

Она сдержала слёзы, понимая: спорить сейчас — значит погубить всех.

— Папа, ты ведь вернёшься? — спросила Мари. Она смотрела на отца огромными глазами, в которых застыл первобытный ужас.

Себастьян опустился на одно колено, чтобы быть с ней вровень, и ласково провёл рукой по волосам дочери.

— Конечно, милая. Но ты должна проявить силу и во всём слушаться маму. Мы обязательно увидимся, я обещаю.

Он в последний раз крепко обнял их обеих, а затем решительно подтолкнул к скрытому лазу, затерянному в зарослях плюща.

— Идите. И не оглядывайтесь.

Елизавета, мёртвой хваткой вцепившись в ладонь Мари, повела её в темноту. Она ни разу не обернулась — боялась, что, увидев прощальный взгляд мужа, уже не сможет заставить себя уйти.

...

Михаил вошёл в оранжерею. Его высокая фигура казалась зловещей тенью, скользящей сквозь калейдоскоп бликов, которые отбрасывали стеклянные панели. Следом за ним, бесшумно и слаженно, двигались наёмники — они вымеряли каждый шаг, держа под прицелом каждый куст и каждую колонну.

— Себастьян! — голос Михаила, усиленный акустикой купола, раскатился под сводами. — Всё кончено. Это бесполезно. Ты сам знаешь, что живым тебе отсюда не выйти!

— Уж лучше встретить смерть здесь, чем уступить тебе, — отозвался голос графа. Эхо исказило звук, заставляя его доноситься одновременно отовсюду, из самой глубины тропических зарослей.

Михаил вышел на открытое пространство в центре зала и замер. Себастьян стоял прямо перед ним, освещённый призрачным светом звёзд. На губах графа застыла слабая, почти безразличная улыбка. Рукав его пальто пропитался кровью, но взгляд оставался ледяным и сосредоточенным. В левой руке он сжимал связку динамитных шашек, в правой — свой верный револьвер.

— Ты правда готов разнести себя на куски? — Михаил сделал осторожный шаг вперёд, подняв ладони в примирительном, но фальшивом жесте. — Ради чего? Ради этой побрякушки?

— Это не просто побрякушка, — вены на шее Себастьяна вздулись от запредельного напряжения, а в глазах вспыхнул яростный огонь. Он не шелохнулся, крепко сжимая свой последний и самый весомый аргумент. — Это ключ к спасению.

Лицо Михаила исказила кривая, полная желчи усмешка.

— К спасению? От кого? От меня?! Нет, Себастьян, не лги хотя бы самому себе. Это ключ к безграничной силе. К власти, которой достоин лишь один из нас. И ты понимаешь это лучше любого другого! — Михаил сорвался на крик, не в силах больше сдерживать закипающую внутри ярость. — Ты бросил меня гнить в казематах Демгрейва вовсе не из-за морали. Ты просто хотел прибрать кристалл к рукам. Решил в одиночку изменить свою судьбу!

В этот момент один из наёмников, решив, что граф отвлёкся на перепалку, резко подался вперёд, вскидывая мушкет. Грохот выстрела Себастьяна разорвал воздух мгновенно. Стекланный купол отозвался звоном, а испуганные птицы с криком взметнулись к потолку. Наёмник рухнул навзничь.

— Следующий, кто рискнёт, узнает, каково это — гореть в аду раньше срока, — ледяным тоном бросил граф.

Михаил сделал резкий жест рукой, приказывая своим людям замереть. Он видел, что Себастьян на грани.

— Думаешь, выиграешь время? Что ж, пускай. Твоя семья, возможно, и доберётся до опушки леса, но не дальше. Мои люди уже там. А вот ты... ты к ним уже не успеешь.

Себастьян никак не отреагировал на эту угрозу, лишь уголок его губ едва заметно дрогнул в ответ на дешёвую уловку врага. Его глаза, отражающие свет ламп, казались двумя раскалёнными углями.

— За все эти годы ты ничуть не изменился, Михаил. Всё те же попытки запугать, всё та же жажда вывести меня из равновесия. Но как и раньше — у тебя ничего не выйдет.

Он разжал пальцы, и шашки динамита с глухим стуком упали на плиты пола у его ног. Себастьян глубоко вдохнул, и в наступившей мёртвой тишине оранжереи его голос прозвучал подобно приговору:

— Gudjar!

...

Елизавета и Мария уже миновали границу сада, углубившись в лесную чащу. Здесь, под сводами древних деревьев, звуки города и поместья стихли. Вокруг царил давящая, неестественная тишина, которую нарушал лишь хруст веток под их ногами, сбивчивое дыхание и шелест листвы, дрожащей под порывами холодного ветра.

— Мама, мне страшно... — едва слышно шепнула Мария, спотыкаясь о выступающий корень.

— Всё будет хорошо, милая. Мы почти на месте, — ответила Елизавета.

Она лгала, и эта ложь жгла ей горло. Графиня чувствовала погоню кожей. Наёмники не кричали, не ломились сквозь кусты, но само лесное безмолвие казалось пропитанным их присутствием. Преследователи были где-то рядом, словно тени, скользящие между стволами.

Внезапно со стороны поместья донёсся глухой, рокошующий взрыв. Земля под ногами ощутимо вздрогнула, а вековые деревья качнулись, осыпая беглецов сухими иглами и пылью. Мария резко остановилась, оборачиваясь на зарево, разгорающееся за их спинами.

— Папа... — её голос сорвался.

— Не смотри назад, Мари! — Елизавета схватила дочь за плечи, разворачивая к себе. В её глазах стояли слёзы, но голос был твёрд как сталь. — Он сделал это для нас. Чтобы мы жили. Иди!

Но стоило им сделать шаг, как из непроглядной темноты впереди выступил человек. Его плащ был изорван в клочья, а лицо пересекал чудовищный, багровый шрам, из-за которого один глаз казался вечно прищуренным. В руке он сжимал массивный кремнёвый пистолет, дуло которого смотрело прямо в грудь Елизаветы.

— Надо же, как далеко вы зашли, — прохрипел он, и на его лице промелькнуло подобие мерзкой усмешки. — Но здесь ваши тропы обрываются.

Мария замерла, вцепившись в платье матери. Внутри маленькой девочки бушевал ураган: страх, отчаяние и жгучая, почти взрослая ненависть к человеку с «мёртвыми» глазами. Её руки мелко дрожали, но она мёртвой хваткой сжала кулон на груди, словно ища в нём защиты.

В этот миг кристалл отозвался.

Сначала это был лишь слабый пульс, но через секунду ослепительное голубое сияние вспороло лесной сумрак. Свет был настолько чистым и мощным, что наёмник невольно вскрикнул и прикрыл лицо свободной рукой.

— Что за чертовщина?! — прорычал он, пытаясь нажать на спуск, но было поздно.

Ослепительный свет от кристалла пронзил пространство. Мощная волна энергии, сорвавшаяся с камня, прошла сквозь наёмника, сквозь деревья и с оглушительным грохотом прокатилась дальше. Мир вокруг внезапно застыл. Замерли в падении сорванные листья, застыл пороховой дым, вырвавшийся из ствола пистолета и застывшая пуля, летящая прямо в грудь матери.

Мари чувствовала, как кристалл вибрирует, отдаваясь гулом в самых костях. Её сознание начало неумолимо затягивать в бездну этого лазурного сияния, стирая звуки и образы реальности.

— Беги... — донёсся до неё затихающий, словно из глубины, шёпот матери.

Но слова Елизаветы утонули в финальной ослепительной вспышке, поглотившей лес, страх и саму Мари.

...

Мари открыла глаза.

Мир вокруг был залит мягким, золотистым светом раннего утра. Сквозь приоткрытое окно кареты тянуло бодрящей прохладой и ароматом скошенной травы. Где-то в вышине заливались птицы, а мерный стук колёс по мощёной дороге убаюкивал, создавая иллюзию полного покоя.

Она лежала на мягком сиденье, укутанная в тяжёлое шерстяное одеяло. Каждое колышание экипажа отдавалось в теле лёгкой вибрацией.

— Ты проснулась, милая? — раздался тихий, до боли знакомый голос.

Елизавета сидела напротив. Она выглядела почти так же, как всегда: жизнерадостная, спокойная, в безупречном дорожном платье, она сидела облокотившись к окну и наблюдала

за пробегающим пейзажем. Казалось, не было ни ночного бегства, ни выстрелов, ни пролитой крови и того ужаса, что случилось ранее. Лишь в глубине её глаз затаилась едва уловимая, свинцовая усталость, а под веками залегли тонкие тени.

— Да... — прошептала Мари. Горло саднило, пересохло, а каждое слово давалось с трудом. — Где мы?..

— По дороге в столицу, дорогая, — мягко ответила мать, протянув руку и поправив выбившуюся из-под капюшона прядь волос дочери. — Скоро будем на месте. Отдыхай, тебе нужны силы.

Мари с трудом приподнялась на локте и выглянула в окно. За стеклом неслась идиллическая картина: изумрудные поля, аккуратные домики с черепичными крышами и сизые струйки дыма над деревенскими трубами. Всё выглядело слишком... обычным. Слишком правильным.

«Как мы здесь оказались? Мы ведь были в лесу...» — пронеслось в голове.

В памяти, словно осколки разбитого зеркала, начали всплывать обрывки кошмара. Нападение на поместье. Крики слуг. Оранжевый, запах экзотических цветов, смешанный с запахом пороха. Убитый Роберт... Который играл с ней последнее время... И отец. Она ясно видела его лицо, уставшее, покрытое морщинами и тяжестью прожитых дней, когда он опустился перед ней на колено. Его последние слова: «Мы увидимся, я обещаю». А потом, бешеная гонка сквозь лесную чащу, колючие ветви, хлеставшие по лицу, и тот человек со шрамом на опухшей... Чёрное дуло пистолета, направленное в упор матери.

Всё озарилось вспышкой.

Мари опустила взгляд на кулон. Кристалл больше не сиял, теперь он казался обычным куском голубоватого камня, лишь безучастно отражающим утреннее солнце. Но она готова была поклясться, что в глубине грани чувствуется едва уловимое, ритмичное биение. Будто у камня было собственное сердце. И этот ритм, с каждым новым ударом успокаивал её.

— Мам... — тихо позвала она, и страх ледяной иглой коснулся её души. — А где папа?..

Елизавета на мгновение замерла. Её пальцы, поправлявшие одеяло, дрогнули, но лицо осталось непроницаемым. Она улыбнулась — странно, сдержанно, будто перелистывала страницу книги, которую давно хотела сжечь.

— Отец? — переспросила она, и в её голосе послышалось искреннее недоумение. — Милая, он умер, когда ты была совсем крошкой. Неужели ты забыла? Лихорадка унесла его за считанные дни.

Мари нахмурилась. В груди что-то болезненно кольнуло, поднялась волна необъяснимого протеста. Слёзы подступили к глазам, хотя она не могла понять, почему слова матери кажутся ей чудовищной, неправильной ошибкой.

— Но... — начала она, но голос подвёл её. Образ отца в памяти начал стремительно бледнеть, таять, словно утренний туман под лучами солнца.

Солнце поднималось всё выше, заливая мир ослепительным светом. Мари чувствовала, что внутри всё буквально разрывается от растерянности, но логика и спокойный голос матери неумолимо брали верх. «Неужели... это был просто сон?» — подумала она, судорожно пытаясь уцепиться за ускользающий образ отца. Кошмар о ночном нападении, взрывах и лесе теперь казался лишь причудливым порождением лихорадочного бреда, тающим под лучами утреннего солнца.

Она прижалась лбом к прохладному стеклу, убеждая себя, что этот мир настоящий. А боль в груди, лишь отголосок дурного сна, который скоро забудется.

Должен забыться.

Глава 1

«Автор»

Первые лучи солнца едва-едва коснулись шпилей башен города Демгрейв, окрашивая их в бледно-розовый цвет, напоминая неосторожны мазки краски по ним. Новый день, как всегда, начинался с зевков и потираний глаз. Горожане, ещё не до конца проснувшиеся, потянулись к жизни, в то время как отморозки и бандиты заползали в свои логова, чтобы отдохнуть после долгой и беспокойной ночи.

Торговые лавки, с треском открывающие свои двери, наполняли улицы ароматами свежей выпечки, которая так и манила пробудить аппетит, ювелиры не торопясь выкладывали свои драгоценные товары на полки, отчего площадь заливалась всеми цветами радуги, пока остальные торговцы готовились принимать к себе покупателей. Тем временем на заводах начиналась новая смена, гремели машины, и жизнь, как старая, но верная лошадь, вновь начинала набирать свои обороты. Будни в Демгрейве проходили куда спокойнее, чем ночи, особенно если ты забрёл в Шёлковый угол. Чёрт возьми, не позавидуешь тому, кто оказался там в тёмное время суток — шансы вернуться живым были близки к нулю.

Полдень постепенно окутывал город, и слухи, как зловещие шёпоты, начали расползаться по улицам. Ночь выдалась поистине беспокойной: две преступные группировки столкнулись в жестоком противостоянии. Подробности о том, кто это были, умалчивались, как будто сами головорезы стыдились своих дел. Что они не поделили? Да хрен его знает! Но итог был печален: тринадцать человек, чьи жизни оборвались в один миг, как свечи, задутые сильным ветром.

Стража с недовольными лицами собиралась перекрыть одну из улиц Шёлкового угла, но кто, чёрт возьми, им это позволит? Отправленный туда отряд законников вернулся ни с чем, будто их просто не заметили. Что именно произошло, никто не афиширует. Кто-то шепчет, что глава одной из банд заплатил приличную сумму, чтобы территорию оставили в покое, другие же утверждают, что патрульных просто запугали. И кто из них прав — неизвестно, но в этом городе правда всегда была на вес золота.

В Бедном районе ситуация становилась всё более критической. Заболевших становилось всё больше, и у здешних жителей не хватало денег на лекарства. Простуда, казалось, стала здесь настоящим убийцей, и большинство людей умирало, подобно мухам. Родственники, не в состоянии выплатить «налог на смерть», вынуждены были отдавать тела усопших на перedelку в голема. Только за сегодняшнее утро оттуда вынесли пять покойников, двое из которых были детьми. Бедняжки, они не должны были покидать этот мир в столь юном возрасте, и в глазах их родителей читалась безысходность.

В остальном время для города начиналось совершенно обычно. Происшествия случались, но они были не столь громкими, как могли бы быть. Для каждого жителя Демгрейва утро начиналось по-своему, и никто не знал, что ждёт его за углом. Каждый шаг мог стать последним, а каждый взгляд — предвестником чего-то ужасного.

897-й год с окончания Великой Войны. 21 мая, 00:22. Богатый район. Особняк маркиза Де Факруа.

В просторной комнате, окутанной полумраком, царила тишина, столь абсолютная, что даже слабый шёпот ночного ветра за окнами звучал как шорох страниц в старой книге. Едва заметные лучи лунного света пробивались сквозь тяжёлые шторы, падая на белоснежное покрывало кровати. На ложе, утопая в мягких складках одеяла, мирно спала девушка. Её длинные, шелковистые волосы тёмным каскадом покрывали подушку, создавая впечатление бархатной мантии. Свет луны ласково касался её лица, подчёркивая изящество черт: аккуратный

носик, нежные щёки, бархатные губы. Она выглядела как ожившая статуэтка из слоновой кости — хрупкая, неземная, отрешённая от всего, что происходило вокруг.

У кровати, в старинном кресле с резными подлокотниками, неподвижно сидел молодой мужчина. Его осанка была ровной, а взгляд — устремлённым на спящую.

Эмир де Факруа. Его лицо не выражало абсолютно никаких эмоций, а на губах играла лёгкая усмешка, скорее механическая, чем нечто искреннее. Девушка напоминала ему белого лебедя, которого он когда-то наблюдал в городском парке. Тогда птица плыла по тихой глади ручья, изящно расправляя крылья, её движения были грациозны и наполнены каким-то природным достоинством. Эмир на мгновение отвлёкся, погрузившись в воспоминания, но реальность тут же вернула его.

Девушка во сне перевернулась, одеяло немного сползло, открывая изящное плечо. Эмир невольно задержал взор, но тут же отвёл его, перед этим запретным плодом. На его лице мелькнула лёгкая улыбка, едва заметная в полумраке комнаты. Однако она продлилась недолго, уступив место мрачной задумчивости.

Его взгляд упал на смятый лист бумаги, лежавший на столе. Письмо. Простой, но страшный символ того, что его покой скоро закончится. Он получил послание сегодня днём от личного курьера отца, и с тех пор текст жёг его изнутри.

«Михаил»

Имя, от которого леденеет кровь. Его отец, человек-легенда. Или, скорее, тень, которая нависает над всем, чего касается. Эмир знал: Михаила не интересуют оправдания, эмоции или какая-то мораль. Только результат, который должен быть идеальным. Любая ошибка каралась жестоко, а слабость — презрением.

Эмир глубоко вздохнул, едва слышно скрипнув зубами. Воспоминания о детстве хлынули на него, сбивая мощным потоком. В отличие от других отцов, он не воспитывал, а выковывывал его, как меч. Каждый день был заполнен изнурительными тренировками, порой на грани человеческих возможностей. Его тело до сих пор помнило удары, растяжения, кровь и невыносимую боль, которую нельзя сравнить ни с чем. На протяжении многих лет над ним измывались, пытали и пытались выточить из него тот самый огранённый алмаз. Но физическая боль была лишь половиной страданий. Михаил требовал полного подчинения, методично и безжалостно ломая психику сына. Шрамы на теле, оставшиеся после бесчисленных инъекций и экспериментов, до сих пор иногда саднили, напоминая: ты — не человек, ты — оружие. Как раз после этого и изменился его цвет волос. Некогда прекрасные светлые пряди окрасились в тусклый пепельный оттенок, давая понять, что организм принял в себя всё то, чем его пичкали долгие годы.

Его взгляд вновь обратился к спящей. Эльза — дочь богатого купца Линкольна фон Крауса. Её отец был влиятельным человеком, успешным торговцем и предпринимателем, сколотившим на страданиях бедных целое состояние. Покупая и продавая человеческие жизни за бесценок, он беспринципно выкидывал людей на улицу. Нет, это было не рабство или что-то похожее. Просто работа на этого человека превращала подчинённых лишь в жалкую и беспомощную оболочку, которая только и может, что влачить остатки жизни, сгнивая в трущобах и грязных переулках. Но для Эмира это не имело значения. Ему было плевать на окружающих и на то, как ведёт дела напыщенный купец. У него была простая задача: убрать его дочь как пешку с шахматной доски, тем самым ослабив Линкольна и поставив ему шах. А вот когда придет отец, то уже и мат не за горами.

Эльза же, наоборот, вела жизнь, о которой он мог только мечтать. Балы, пиры, светские разговоры. Всё это казалось ему чуждым и в то же время манило, как недостижимая звезда. На одном из таких празднеств он и встретил её. Она была окружена мужчинами, которые пытались произвести впечатление своим богатством или умением красиво говорить. Эмир, напротив, был сдержанным, излучающим холодное очарование. Несколько бокалов вина, пара ком-

плиментов — и вот девушка уже смотрела на него как на единственного человека в комнате, способного понять её чувственную и ранимую натуру.

И теперь она лежала в его постели. Его задание было выполнено наполовину. Почему же он не смог завершить его сразу? Почему позволил ей остаться живой ещё хотя бы на день?

Симпатия? Желание? Любовь? Нет. Эти слова давно не имели для него значения. Скорее, это был простой интерес. Ему хотелось узнать, что она за человек, что скрывается за маской благородной аристократки. Но, к сожалению, он понял, что за красивой обёрткой ничего нет. Пустышка. Как и большинство в этом городе.

Эмир также не вдавался в подробности дел родителя, но понимал, что все эти люди ничего не значат для него — лишь инструменты. В глубине души он осознавал, что и сам в какой-то степени стал орудием, самым острым скальпелем, вырезающим опухоль. Ему было уже плевать на это: не осталось ни обиды, ни радости. Просто ничего... Возможно, этого и хотел отец в глубине души.

Эмир поднялся с кресла и подошёл к кровати. На его лице снова появилась лёгкая улыбка. Он медленно провёл рукой по её волосам, и спящая во сне улыбнулась.

— Красивая... Да и только, — прошептал он себе под нос.

Он стоял так несколько секунд, а затем резко отступил. Лицо снова стало холодным, взгляд — отрешённым.

«Скоро это закончится...» — подумал он. Ему нужно было подготовиться, ведь отец не простит задержки. Но в глубине души он знал, что каждое принятое решение отдаляет его от той жизни, о которой он мечтал. Или нет, и ему это всё причудилось как страшный сон — он не понимал. Мысли путались, и от этого становилось больнее. Не было ясности.

Эмир прошёл к столу, поднял письмо и развернул его. Последняя строка, написанная твёрдым, уверенным почерком Михаила, снова ударила в грудь:

«Жду отчёта. И помни, мальчик, слабость — это роскошь, которую ты не можешь себе позволить».

Эмир сжал бумагу в кулаке, а его глаза сверкнули холодным огнём. Он посмотрел пустым взглядом на девушку и подумал: «Ничего личного, просто тебе не повезло, как и многим другим в этом мире».

Взяв в руки лежавшую рядом подушку, он бесшумно подошёл к Эльзе и в последний раз взглянул на её прекрасное лицо.

— И вправду. Ты очень красивая... — шёпотом проговорил он и, не задумываясь больше ни секунды, приступил к завершению своей работы.

21 мая, 09:47. Богатый район. Особняк семьи фон Ашины.

Солнечные лучи, пробиваясь сквозь тонкие занавески, ложились мягкими узорами на полированную поверхность туалетного столика. В комнате царил порядок, где каждая вещь знала своё место и не смела покидать его без разрешения хозяйки. Девушка сидела перед зеркалом, аккуратно расчёсывая длинные чёрные волосы. Её оранжевые глаза, казалось, светились изнутри, отражая тепло раннего утра. На лице выделялись веснушки — маленькие, но такие характерные, они делали внешность Ребекки одновременно игривой и милой.

На ней был надет тёмно-коричневый приталенный жакет, под которым виднелся жилет с золотыми пуговицами. Он имел аккуратный крой, подчёркивающий фигуру, и дополнялся белым кружевным топом с высоким воротником. В центре ворота находилась крупная брошь с янтарным камнем. Этот образ завершали элегантные серьги из бронзы с удивительным узором, инкрустированные небольшим янтарём. Волосы украшал чёрный цветок в виде розы.

Ничего лишнего, всё в меру, как и подобает девушке её положения. Она всегда предпочитала практичность и изящество показной роскоши, что отличало её от многих других аристократок.

Рука замерла на миг, когда взгляд Ребекки упал на миниатюру и маленькую брошь в виде пчелы, стоящую на столике. Это был их совместный портрет: Андро, Майк и она, сидящая посередине. Трое друзей, запечатлённых в один из тех дней, когда жизнь казалась бесконечной чередой радостных моментов. Они смеялись и обнимались, будто весь мир принадлежал им. Девушка взяла рамку в руки, проводя пальцем по изображению.

— Как же давно это было... — прошептала она, улыбаясь своим мыслям.

Воспоминания нахлынули снова, забрасывая её в водоворот прошлого. Ребекка вспомнила тот день, когда они впервые встретились с Андро. Ей тогда было всего восемь лет, и она только переехала в Демгрейв вместе с семьёй. Отец приобрёл здесь небольшой, но роскошный по меркам дворянина дом. В первый день в новой школе она чувствовала себя потерянной, маленькой птичкой, выпущенной из клетки в огромный мир. Но именно тогда Андро подошёл к ней и протянул руку помощи, предложив погулять после учёбы. Конечно, она была немного растерянной и пугливой, но его улыбка и доброжелательность растопили тот лёд и помогли побороть страх. С тех пор они стали неразлучными друзьями.

А потом она познакомилась с Майком — весельчаком и душой компании, который всегда находил способ рассмешить даже самых серьёзных людей. Вместе они провели множество вечеров, играя в карты втайне от родителей, споря о книгах или просто болтая обо всём на свете. Особенно запомнился тот день, когда друзья решили устроить пикник на берегу реки. Андро принёс гитару, Майк — корзину с едой, а она собрала букет полевых цветов. Они смеялись, шутили и даже попытались построить плот, чтобы переправиться на другой берег. Судно, конечно, развалилось, стоило им отплыть на несколько метров, но это только добавило веселья и праздности. Конечно, вся праздность сошла на нет, когда об этом узнали родители. Ох и долго они ругались в тот момент, отчитывая молодых парней и юную дочь, за столь неподобающее поведение. «А что подумают люди, когда увидят вас в таком виде? Какое воспитание им дали родители?» — и море других вопросов были заданы в тот вечер. Но сейчас, всё это вспоминалось с улыбкой.

— Андро-Андро... Где же ты сейчас? — нежно прошептала она, касаясь лица мальчика, стоящего слева на миниатюре.

Она поставила портрет обратно на столик и продолжила расчёсывать пряди. Мысли о прошлом согревали сердце, но настоящее требовало внимания. Сегодня у неё были дела: нужно было закончить вышивку, начатую неделю назад, и подготовиться к встрече с подругами. Ребекка любила рукоделие, находя в нём успокоение и возможность сосредоточиться. Её пальцы ловко двигались, создавая сложные узоры на ткани. Каждый стежок был точным, как и всё в её жизни. До конца оставалось совсем немного, и можно будет отдохнуть.

В какой-то момент тишину комнаты нарушили приглушённые шаги за дверью. Лёгкий, почти робкий стук возвестил о приходе служанки.

— Мисс Ребекка, вам письмо, — произнесла вошедшая девушка, почтительно протягивая конверт.

Хозяйка удивлённо подняла бровь, принимая послание. Она не ожидала никаких вестей сегодня, тем более столь внезапных. Развернув конверт, Ребекка сразу узнала знакомый, слегка неровный почерк Андро — тот самый, который всегда выдавал его нетерпение и страсть. Её губ коснулась тёплая улыбка, когда она прочитала первые строки:

«Дорогая Ребекка! Я держу в руках это письмо, представляя, как ты открываешь его и скользишь глазами по строчкам, написанным от всего сердца. Хочу порадовать тебя хорошей новостью — скоро я буду дома!»

Ты даже не представляешь, как сильно я скучаю. Каждый день, просыпаясь в незнакомых городах, я вижу перед собой только твой образ. Твои прекрасные глаза, в которых отражается целый мир, и яркая, согревающая улыбка — всё это заставляет меня идти вперёд,

несмотря на трудности. Я мечтаю снова услышать твой голос, такой нежный и мелодичный, как шелест листвы в лесу. Он для меня как утешение в тяжёлые моменты.

Во время своих странствий я повстречал множество удивительных людей. Каждый из них рассказывал мне свои истории, а я, в свою очередь, старался дарить им мелодии, которые мне наигрывало сердце. Я играл для них, представляя, как ты сидишь рядом, слушаешь меня, улыбаешься и подпеваешь тихим голосом. В каждом аккорде, в каждой ноте звучала тоска по тебе и надежда на нашу встречу.

За время путешествия я повидал столько невероятных мест! Высокие горы, их снежные вершины, тянущиеся к небу, бескрайние равнины, усыпанные цветами, и волшебные озёра, отражающие звёздное небо. Всё это прекрасно, но ни одно из этих чудес не сравнится с твоей красотой, Ребекка. Везде, где бы я ни был, я искал хоть малейший намёк на твою улыбку в отблесках света или в волнах ручьёв.

Я пишу тебе это письмо, зная, что с каждой строкой приближаюсь к тебе. Если мои расчёты верны, когда ты читаешь эти слова, я уже преодолел «Плато Искателей» — последнее препятствие на пути домой. Осталось совсем немного, и я увижу тебя, обниму так крепко, как только возможно, чтобы компенсировать каждую минуту разлуки.

Сквозь все пройденные дороги, горы и реки я мысленно всегда был рядом с тобой. Ты для меня — тот самый лучик, что освещает путь к родному порогу. Пока я в пути, прими мою любовь, нежность и самые тёплые объятия. Держи их авансом, ведь совсем скоро я буду рядом и смогу сказать это тебе лично.

С любовью, Андро Ван-Тек.»

Каждое слово письма согревало её изнутри, пробуждая целую бурю эмоций: радость, волнение, нежность и даже лёгкую грусть от того, что они пока ещё разделены расстоянием. Прочитав послание второй раз, она бережно поцеловала его уголок, стараясь передать бумаге частичку своих чувств, и аккуратно сложила листок, положив рядом с фотографией их троицы.

Сердце наполнилось восторгом и лёгкой ностальгией. Встреча с Андро всегда была особенной, ведь он давно перестал быть просто другом. Юноша стал той самой опорой, без которой она не могла представить свою жизнь. Той самой звездой, которая освещала её самые тёмные дни. Его понимание её мыслей, забота, способность предугадывать каждое желание — всё это делало его уникальным. Особенно трогательной была привычка друга всегда прикрывать её собой, даже если опасность казалась мелочной и незначительной.

— Милый мой... — прошептала Ребекка, глубоко вздохнув. Её глаза заблестели от слёз, но это были слёзы счастья. — Вот приедешь, я тебя поколочу за то, что так долго тебя не было... — она улыбнулась, представляя его смущённое лицо.

— А потом... — Ребекка закрыла глаза, позволив себе ещё мгновение побыть в грёзах. Она почти физически чувствовала его прикосновение, тепло его ладони в своей. — А потом я просто не отпущу тебя, — тихо добавила девушка, улыбнувшись самой себе.

Но её мечты прервал слабый стук в окно. Ребекка резко выпрямилась и огляделась, напомнив себе, что это, скорее всего, всего лишь ветер. Тем не менее сердце всё ещё билось так же быстро, как в моменты, когда она представляла долгожданную встречу.

Закончив с вышивкой, Ребекка подошла к окну. За стеклом расстился сад, где она провела столько времени в детстве. Сейчас деревья уже выросли, а цветы разрослись, превратившись в настоящий райский уголок. Она задумчиво смотрела на всё это, представляя, как будет рассказывать ему о своих последних днях, а он, в свою очередь, поведаст о странствиях и приключениях.

— Интересно, что он привёз на этот раз? — пробормотала она, улыбаясь своим мыслям. В этот момент к ней снова постучали, и в комнату вошла служанка.

— Мисс Ребекка, завтрак уже накрыт на стол. Прошу вас! — сказала она, делая приглашающий жест рукой. — А я пока наведу у вас порядок.

— Благодарю, Виолетта. Я уже иду, — ответила Ребекка, одарив девушку мягкой улыбкой, после чего направилась в столовую на первом этаже.

Столовая встретила её уютной атмосферой: длинный дубовый стол был накрыт белоснежной скатертью, а сервировка сверкала хрусталём и серебром. За столом уже собралось всё семейство фон Ашинов. Отец, Роберт — статный мужчина с благородной сединой и яркими оранжевыми глазами, как и у дочери, — внимательно просматривал утреннюю газету. Мать, Мишон, элегантная женщина с мягкими чертами лица и шелковистыми чёрными волосами, поправляла цветы в вазе, добавляя последние штрихи к композиции. Младший брат Ребекки, Лукас, нетерпеливо крутился на стуле, явно мечтая поскорее закончить трапезу и отправиться на улицу.

— Доброе утро, дорогая, — тепло произнесла мать, заметив появление дочери. — Как спалось?

— Доброе утро, мама. Спасибо, отлично, — ответила Ребекка, занимая своё место. Она не могла сдержать улыбки, думая о письме Андро.

— Что-то случилось? — поинтересовался Роберт, откладывая газету и внимательно глядя на дочь поверх очков.

— Ничего особенного, папа. Просто хорошие новости, — ответила она, стараясь говорить как можно небрежнее, чтобы не вызвать лишних вопросов.

— Добрые вести всегда радуют, — улыбнулась Мишон. — Может, поделишься?

Ребекка чуть замялась, но затем решила, что скрывать нечего.

— Андро скоро вернётся. Письмо пришло сегодня утром.

Её слова вызвали лёгкий переполох. Мать радостно захлопала в ладоши, а Лукас фыркнул:

— Опять этот бродяга? Когда он уже утомонится?

— Лукас! — строго одёрнула его Мишон. — Это ещё что за слова!

— Да ладно, мам, я просто шучу, — примирительно поднял руки брат. — Хотя, правда, странно, что он всё ещё путешествует. Неужели нельзя было остаться дома и заняться чем-то полезным?

— Для Андро музыка и есть самое полезное, — тихо, но твёрдо произнесла Ребекка, защищая своего возлюбленного. — И я уверена, что его странствия принесут много ценного не только ему, но и всем нам.

Отец, до этого молчавший, кивнул:

— Пусть молодость и бывает безумной. Главное, чтобы она была осмысленной. А Андро всегда был человеком с головой на плечах, так что я не вижу в этом ничего дурного. — Отложив газету на край стола, он посмотрел на жену и с улыбкой добавил: — Я вот в юности тоже много где бывал. Помнишь, родная?

— Конечно, помню! — с небольшим укором, но с любовью в глазах ответила Мишон. — Особенно как я тебя, дурака, потом дубасила за то, что приезжал весь не пойми какой.

Ребекка благодарно посмотрела на родителей, и завтрак продолжился в тёплой атмосфере. Но мысли девушки всё ещё были далеко — там, где её ждал долгожданный путник.

После еды Ребекка планировала направиться к подругам, прихватив с собой законченную работу. Она уже предвкушала, как они будут восхищаться её мастерством, особенно тем, что она справилась в назначенный срок. Ей выпала нелёгкая задача — вышить свитер клана «Серебряной Ветви», откуда родом её подруга Джессика. И на всё давалась всего неделя. Внутри теплилось лёгкое волнение — хотелось поскорее увидеть, что получилось у остальных.

Джессика Дюбуа, чистокровная эльфийка, должна была связать шарф с гербом дома фон Ашина. Больше всего Ребекка хотела посмотреть, как та справится. Всё ли верно изобразит? Не допустит ли ошибок в сложном узоре?

Герб семьи фон Ашина представлял собой серебряный щит, на котором был изображён чёрный ворон с оранжевыми глазами. Над его головой располагались три звезды, олицетворяющие столпы влияния семьи: Умиротворение, Знание и Сила. Щит венчала корона, подчёркивающая высокий статус в обществе, а по бокам его поддерживали два льва — символ верности и могущества.

Джессика же происходила из древнего эльфийского рода, проживающего в Демгрейве с момента его основания. Представители её клана владели магией воздуха и обладали огромным объёмом знаний, накопленных за многие века. Они жили на верхних этажах башен Богатого района, поклонялись звёздам и защищали город от тайн Чёрных Троп.

Последними были сёстры-близнецы Анна и София Дюран, которым предстояло сделать два разных кардигана с гербом их дома. Их семья славилась своей скрытностью и дипломатическими талантами.

Каждая из работ была сложной из-за необходимости точного воспроизведения геральдики. Ошибка могла быть воспринята как неуважение, ведь оценивать труд будут родители на званном ужине всех семейств. Но Ребекка не переживала — она была уверена в своих навыках. Ей хотелось поскорее обсудить последние события и поделиться новостями. Каждая их встреча была маленьким праздником: бесконечные разговоры, секреты и даже сплетни.

Однажды она слышала историю о том, как её друг Майк долго пытался ухаживать за Джессикой, но в итоге её отец прогнал его за шиворот, посчитав недостойным дочери.

— Да, было время... — с улыбкой пробормотала Ребекка, аккуратно укладывая свитер в сумку. Собрав вещи, она направилась к выходу в приподнятом настроении.

Однако у дверей её остановила мать. Она стояла с задумчивым выражением лица, сложив руки на груди. Тёмные волосы, собранные в строгий пучок, подчёркивали её серьёзность. Излучающий взор карих глаз был пристальным.

— Уже уходишь? — спросила Мишон, следя за каждым движением дочери. В её голосе слышалась мягкая тревога.

— Да, пойду к подружкам. Будем хвастаться своими работами, — ответила Ребекка, поправляя сумку и стряхивая с неё невидимые крошки. Её голос звучал ровно, но в нём сквозила нотка нетерпения.

Мишон кивнула, но в её глазах вспыхнуло беспокойство.

— Хорошо. Только не забудь про позднее время, на улице темнеет рано... — начала она тише. — Сейчас под вечер очень опасно.

Ребекка, не заметив маминого волнения, улыбнулась.

— Не переживай, я до обеда вернусь. А что тебя так беспокоит? — удивлённо спросила она, запуская пальцы в волосы.

Мишон замолчала, её взгляд стал отстранённым. Она взглянула в окно, где лучи солнца мягко ложились на улицы города, и вздохнула.

— Ты разве не слышала? — произнесла она почти шёпотом. — В Шёлковом углу снова разборки между бандами. Не просто стычки, а настоящая бойня. Говорят, больше десятка людей пострадало. Убивали без разбора. — Мишон прикоснулась пальцами к губам. — Это просто кошмар...

— Что? — Ребекка растерялась. — Я ничего не слышала об этом. Возможно, пропустила новости...

— Да, и из-за этого туда отправили отряд гвардейцев для контроля. — Мишон нахмурилась и скрестила руки на груди. — Вот только все мы знаем, что толку от этого никакого.

— Почему никакого? Это же гвардия, а не обычные стражники. Они должны там шороху навести, — возразила Ребекка.

— Доча, тебе сколько лет, а ты всё думаешь, что они могут хоть что-то решить? — Мать покачала головой. — Эти банды давно пустили корни. Солдаты придут, покрутятся пару дней, а потом исчезнут. Проблемы останутся.

Ребекка задумалась, подойдя к зеркалу. Она аккуратно расправила волосы, её глаза встретились с отражением матери.

— Ну конечно, я понимаю. Но верить-то нужно. Может, поймают кого-нибудь, — сказала она, пытаясь сохранить оптимизм.

Мишон выдохнула, её плечи слегка опустились. В голосе слышалась усталость.

— Ага, конечно-конечно... Вот увидишь, их через день-два уже не будет там.

— Ладно, не будем спорить. Я пошла, — сказала девушка, открывая дверь. Она махнула маме на прощание.

Мишон стояла в прихожей ещё несколько секунд. Она знала, что последние события не были случайностью. Город трещал по швам, пожираемый интригами. Да, такое случалось и ранее, но за последнее время, таких случаев становилось всё больше и больше. И самое поганое было то, что власти совершенно не хотели решать эти проблемы. Но её размышления прервал резкий звук из столовой, вернувший её в реальность. Удар бьющейся тарелки сопровождался возмущённым криком служанки:

— Лукас!

Мишон неспеша вздохнула, и её губ на мгновение коснулась едва заметная улыбка. У неё появился шанс отвлечься от тревоги, сковывавшей разум. Уверенной походкой она направилась в столовую, чтобы отчитать непутёвого сына, и на мгновение всё остальное отступило на задний план.

24 мая, 23:30. Богатый район. Особняк семьи Ван-Теков.

В небольшой комнате, утопающей в полумраке, сидела девушка. Единственным источником света была старинная лампа с абажуром, покрытым мелкими царапинами. Её тёплый свет падал на аккуратный деревянный стол, расчерчивая его поверхность мягкими бликами. Тени от причудливого узора на ткани дрожали на стенах, придавая помещению налёт таинственности.

Укутанная в вязаный плед, она сидела в старом кресле с потёртыми подлокотниками. Оно когда-то было ярким, с бордовым орнаментом, но теперь ткань выцвела, а на краях проступили следы времени. В руках она держала потрёпанный дневник, страницы которого слегка пожелтели от старости. Её пальцы медленно скользили по обложке, чувствуя каждый изгиб кожи.

Обитель, несмотря на свой малый размер, казалась уютной. На одной из стен висели полки, уставленные книгами. Их корешки были разными: одни блестели позолотой, другие выглядели изношенными и старомодными. У самого края стояла маленькая фарфоровая статуэтка в виде птицы. Рядом примостилась небольшая деревянная шкатулка с резьбой, откуда выглядывали старые письма. На подоконнике у окна, затянутого плотной шторой, лежали несколько сухих веточек лаванды. Их аромат наполнял пространство, смешиваясь с запахом старой бумаги. Девушка поднялась и, осторожно придерживая плед на плечах, подошла к окну. Отодвинув занавеску, она посмотрела наружу. Ночной город простирался перед ней, окутанный лёгким туманом. Где-то вдаль тускло светились фонари, а вдоль улиц мерцали огоньки в окнах. На мостовых уже не было ни души, лишь изредка проходили стражники, патрулируя район.

Она на миг задержалась, глядя на улицу. Мысли, казалось, унеслись далеко за пределы этих стен и этого момента. Её взгляд скользнул по стеклу, запотевшему от разницы температур. На мгновение она увидела своё отражение: красные, как рубины глаза, тонкие черты лица, пряди ярко-рыжих, больше красноватых волос, выбившиеся из аккуратной причёски.

Вздохнув, она вернулась к креслу. Дневник, оставленный на столе, ждал её возвращения. Она вновь провела рукой по переплёту, прежде чем снова открыть его.

На столе стояла чашка с давно остывшим чаем. Рядом валялись три-четыре закладки из плотной бумаги, которыми, раньше отмечали важные места. Девушка перебирала их с улыбкой — они были украшены маленькими детскими рисунками.

Снова устроившись в кресле, она перелистнула несколько страниц, внимательно читая записи из прошлого. Лампа за её спиной бросала на бумагу мягкий свет, словно тоже пыталась заглянуть внутрь. На лице читательницы играла улыбка, но в глазах затаилась лёгкая тень грусти.

Всё здесь, от потёртого сиденья до аккуратной стопки томов, хранило отголоски былых времён. Каждый предмет был частичкой истории, которую она пыталась собрать воедино, вчитываясь в строки, оставленные рукой того, кто давно стал для неё чем-то большим, чем просто родственником.

27 сентября

«Никогда не думал, что буду вести дневник. Даже не знаю, что в него записывать. Пока буду писать всё подряд, а там посмотрим».

«Меня зовут Андро Ван-Тек. Мне 9 лет. Исполнилось вчера. Отец с мамушкой устроили сюрприз и подарили его старую гитару. Мама вручила этот дневник и сказала: «Записывай все запоминающиеся моменты, которые будут происходить в твоей жизни». Спасибо, мамушка. Я правда пока не знаю, какие мысли сюда записывать, но что-нибудь придумаю.

Но больше всего было неожиданно получить папину гитару. Я думал, он никогда не даст мне её. Он так бережно за ней следил, ухаживал и гордился. Огромное спасибо ему. Очень люблю их.

Вечером попробовал поиграть, но пока ничего не вышло. Отец послушал и, посмеиваясь, сказал, что научусь со временем.»

Девушка провела пальцами по аккуратно выведенным строчкам, пытаясь прикоснуться к тому, кто их писал. Она перевернула страницу. Почерк становился увереннее, как и сами мысли.

24 октября

«Днём ходил через улицу к другу Майку. Взял с собой инструмент. Майк умеет немного играть. Он показал мне пару аккордов. К вечеру я уже мог исполнить небольшую мелодию. Был очень рад. Время пролетело незаметно. Пришёл домой поздно. Мамушка ругалась, говорила, чтобы я не гулял так долго».

Мари усмехнулась, вспомнив, как её саму постоянно подгоняли домой, когда она была ребёнком.

8 декабря

«Утром проснулся рано и увидел, что за ночь выпал первый снег. Улицы и дома покрыты белоснежным покрывалом. Наш город в зимнее время особенно красив. Днём мы собрались с Майком и Ребеккой на ярмарку. Там выступали бродячие музыканты. Когда-нибудь и я буду так выступать, окружённый толпой поклонников. Концерт закончился ближе к ночи. Мы шли домой, довольные и смеясь. Мамушка уже ждала на входе. Если сказать, что она была зла, то лучше ничего не говорить. Она грозилась забрать гитару, если я снова буду так задерживаться. Постараюсь больше не опаздывать».

— Ха-ха, вот дурачок, — рассмеялась девушка, представив себе сердитую мать.

С каждой страницей она всё больше погружалась в эти мемуары, проживая вместе с автором его радости и переживания. На её щеках то и дело играла улыбка, но иногда взгляд становился задумчивым. Девушка пролистала ещё множество листов, пока её внимание не задержалось на новой дате.

... год. 16 июня.

Она вчитывалась в строки, написанные рукой Андро. Его записи казались волшебными и будто оживали в руках, открывая окна в прошлое, где каждый абзац был маленькой частью истории.

«В академии сегодня рассказывали про... Каждые полтора года отряд сол... Раньше немногие возв...ались из этих тёмных мест, но сей...»

Её взор застыл на строчках, где почерк вдруг стал неровным и слегка дёрганым. Чернила растеклись, скрывая часть текста. Она нахмурилась.

— Брат... Ну как так? На самом интересном месте и ничего не понятно, — пробормотала она раздражённо.

Она внимательно изучила страницу: слова местами были размазаны и, будто специально, становились неразборчивыми.

«Вечером провожал Ребекку до её дома... Она такая красивая, её веснушки на носу такие мил... а какое ... платье н...» «У её дома мы задержа...ы обнялись на про...н.... Я не удержался и решился на шаг...»

Девушка прикусила губу от досады.

— На какой шаг ты решился?! Ничего не понятно... — она шлёпнула себя по лбу. — А-а-а... Ну кто так делает?

Её голос дрожал от смеси любопытства и раздражения.

«Обратно по дороге встретил Майка и поделился своей радостью. Он улыбался и поздравлял меня.»

— Да что за радость-то, с чем поздравлял?! — громко воскликнула она, запрокидывая голову к потолку. После глубокого вдоха она тихо добавила: — Это безнадёжный случай... Но я не сдамся, я узнаю.

Она перелистнула дневник. Местами текст был полностью скрыт пятнами, будто Андро писал в темноте, роняя чернильницу на бумагу. Новые строки привлекли её внимание, и она склонилась ближе.

28 июня

«Сегодня день был самым насыщенным по событиям. Матушка говорит, что к нам придут гости. Интересно, кто это?»

«В обед зашёл к Ребекке, по пути сорвав пару цветов, которые росли в парке. Поздравил её с днём рождения и вручил букет. Она меня поцеловала в щёку.»

На лице девушки появилась мягкая улыбка.

«Пошли гулять. Она сегодня была очень весёлой и нарядной. Зелёный сарафан с накидкой на плечах был просто превосходным. Глядя в её глаза, я видел, как они светились от счастья.»

— Ребекка... Ты и правда была особенной для него, — тихо произнесла она.

«Прошлись по рыночной площади. Долго стояли у лавки с украшениями. Хотел что-то ей подарить. Выбрали миниатюрную брошь в виде пчелы.»

«Зашли в наше любимое заведение — «Сладость и Радость». Заказали различные десерты с соком. Морковный торт оказался восхитительным. Ребекка была довольна.»

Девушка улыбнулась ещё шире, но по её напряжённому виду было ясно, что она жаждет главного признания.

«Поздним вечером проводил её до дома. Долго думал, как признаться в своих чувствах, но боялся. Каково же было моё удивление, когда она внезапно поцеловала меня в губы и засмеялась. Поблагодарила за прекрасный день. Моё сердце тогда чуть не выпрыгнуло из груди от неожиданности и восторга. Как же я её люблю!»

Девушка резко выдохнула.

— Ну конечно... Ребекка и по сей день намного смелее тебя, братец, — пробормотала она, закусывая губу. — Дурачок ты...

«Когда я пришёл домой, я уже предвкушал, как моя гитара отправится на хранение к мамушке за опоздание. Но её лицо было каким-то грустным. Она сказала, что к нам приехали родственники. Это были тётя Елизавета и моя двоюродная сестра Мари.»

Мари замерла, держа страницу раскрытой.

— Ох... Сколько времени прошло с того момента... — произнесла она почти шёпотом.

Её пальцы скользнули по краям листа, пытаясь ощутить тёплое прикосновение прошлого.

— Так, и что ты ещё про меня написал? — с любопытством спросила она сама у себя и, не сдержав улыбки, перелистнула несколько страниц вперёд.

В комнате царил тишина, нарушаемая лишь шелестом дневника. Мари продолжала увлечённо читать, полностью погружённая в строки былого. Свет лампы мягко освещал её лицо, а слабый аромат лаванды всё так же витал в воздухе.

Неожиданно дверь открылась. Скрип был почти неслышным, но девушка была настолько поглощена чтением, что не обратила внимания на тень, скользнувшую по полу. Вошёл высокий молодой мужчина с тёмными, слегка растрёпанными волосами. Его взгляд тут же упал на тетрадь в руках девушки.

Мужчина беззвучно подошёл ближе, стараясь не выдавать своего присутствия. Остановившись позади Мари, он наклонился, так что его дыхание едва касалось её уха. Лёгким движением он положил руку ей на плечо и тихо спросил:

— Ну как, интересно?

Мари от неожиданности резко дёрнулась, дневник выскользнул из её рук и с глухим стуком упал на пол.

— Ты чего меня пугаешь, а? — она вскочила, прижимая ладонь к груди, чтобы успокоить бешено стучащее сердце.

Мужчина сдержанно улыбнулся и, подняв записи с пола, с укором посмотрел на сестру.

— А нечего было читать то, что не предназначено для твоих глаз, — проговорил он с наигранной строгостью. — Ты ведь знаешь, что ты лиса любопытная?! Как ты вообще его нашла?

Мари насупилась, сделала вид, что её задела его слова, но тут же лукаво улыбнулась.

— Скучно было. А он лежал на самом видном месте, — небрежно ответила она, пожимая плечами. Подойдя к шкафу, она провела пальцем по пыльным корешкам книг. — Думала, это просто книга. А оказалось, тут намного интереснее.

Она обернулась и, подмигнув мужчине, добавила с усмешкой:

— Вот только ты, как всегда, растяпа. Чернила пролил прямо на самых интересных местах! Как ты так умудрился? Ни стыда, ни совести к читающим!

Мужчина скрестил руки на груди, его взгляд стал суровым.

— Ой, простите меня, окаянного. В следующий раз буду поаккуратнее писать, — проговорил он, выдерживая паузу, но уголки его губ уже предательски дёргались, сдерживая смех.

Они молча смотрели друг на друга, и с блеском в глазах, молча ожидали, кто первый рассмеётся. Через несколько секунд оба не выдержали и захохотали. Смех эхом разнёсся по комнате, заполнив её живым теплом.

— Рад видеть тебя, Мари, — с мягкой улыбкой сказал он, подойдя ближе и крепко обняв её. — Держи, всё равно знаю, что ты его дочитаешь.

Он протянул дневник, и девушка не смогла сдержать радостной улыбки.

— Спасибо... И я рада тебя видеть, братец, — ответила она, принимая тетрадь.

Андро подошёл к дивану и, небрежно опустившись на него, вытянул ноги. Мари, устроившись рядом, положила записи на столик у изголовья. Несколько секунд она молча смотрела на брата.

— Знаешь, — начала она задумчиво, — время так быстро летит. Когда мы с мамой приехали сюда, мы ведь были совсем маленькими. А теперь... — она ненадолго замолчала, в её

взгляде появилась лёгкая грусть. — Уже десять лет прошло. И три года, как ты отправился путешествовать.

За это время многое изменилось. Её приняли в ту же школу, что и Андро, причём сразу, без экзаменов, едва услышав фамилию. Казалось, что имя семьи Ван-Тек открывало любые двери. Учёба далась ей легко. Она быстро стала одной из лучших в классе, добилась уважения однокурсников и даже подружилась с Ребеккой и Майком. Хотя ей и было известно, что Ребекка встречается с её братом, но прочитать в дневнике подробности их отношений было в тысячу раз интереснее.

Она мельком взглянула на Андро, который сидел с расслабленным видом, наблюдая за ней.

— Знаешь, — сказала она, покачав головой, — Иногда мне кажется, что читать твои записи — это как смотреть оперу в главном театре. Там столько всего...

Андро засмеялся.

— Ну что ж, рад, что смог тебя удивить. Но всё-таки это моя жизнь, а не сюжет для романа, — ответил он, чуть смущённо проведя рукой по волосам.

— Может, для тебя и не роман, а вот для меня это точно лучшая история, — отозвалась Мари, легонько толкнув его в бок. — Как вы тут, кстати? А то я только приехал, ещё не видел никого. Где все-то?

Сестра на минуту задумалась, глядя в потолок, но тут пришло озарение.

— Точно, они же все в театр пошли тут недалеко. Должны уже скоро вернуться. Сегодня такую пьесу показывают, заслушаешься.

— А что ж ты сама не пошла, раз заслушаешься? — брат рассмеялся.

— Ну ты знаешь ведь, я такое не люблю. Мне больше нравятся твои песни, — игриво ответила Мари, толкнув его плечом. — Ты лучше расскажи, как твоё путешествие? Тебя ведь три года не было. В каких городах бывал? Исполнил свою мечту бродячего музыканта?

Андро улыбнулся ещё шире и сложил руки за головой, откинувшись на спинку дивана. Его взгляд рассеянно скользил по потолку, а в голове оживали обрывки воспоминаний. Он прикрыл глаза и просидел в тишине пару минут, после чего тихо заговорил:

— Ох, сестрёнка, ты даже не представляешь, сколько всего я успел пережить за эти три года. — он сделал паузу, погрузившись в свои мысли, глядя перед собой. Могло показаться, что в глазах пробежала тень сомнения или грусти, но в тот же миг, Андро улыбнулся, посмотрев на сестру. — Иногда мне самому кажется, что всё это — какой-то сон. Да, я исполнил свою мечту. Играл в разных местах: от самых маленьких деревушек до огромных торговых городов и бастионов за крепкими стенами.

Мари, скрестив ноги, внимательно слушала, её глаза блеснули от любопытства.

— Помню, в одном из портовых городов, — начал Андро, улыбаясь, — я выступал на площади, и ко мне подошёл старик. Такой, с бородой, как у пиратов в книгах. Он молча слушал, а потом сказал, таким голосом, пророческим: «Эй, парень, у тебя талант, это видно... но ты никогда не научишься настоящей музыке, пока не услышишь, как поёт море». И что ты думаешь? Он предложил мне место на своей лодке.

— И ты согласился? — Мари рассмеялась.

— Конечно! Я же музыкант. Хоть и аристократ, но об этом никто не знал. Жил у него пару недель. Слушал, как волны бьются о борт, и, знаешь, он был прав. С тех пор я всегда пытаюсь уловить в своих песнях этот ритм моря.

Мари подпёрла подбородок рукой, представляя себя на той лодке.

— А дальше что? — нетерпеливо спросила она.

— Дальше было всякое. В одном из городов меня приняли за бродягу, и местная стража долго не могла поверить, что я музыкант. Пришлось играть на старой, расстроенной гитаре

прямо перед ними, чтобы доказать свои слова. Кстати, они потом стали моими лучшими слушателями!

— Да ты просто герой! — восхищённо заметила сестра.

— Это ещё что, — ухмыльнулся Андро. — В небольшом городке я попал на ярмарку талантов. Там проходил праздник-карнавал, разные костюмы, маски, в честь дня любви. Представляешь, там был парень, который жонглировал горящими факелами. И знаешь, что он сделал? Позвал меня на сцену и сказал: «Ты играй, а я буду под музыку крутить свои трюки».

— И что было?

— Был полный восторг! Толпа аплодировала, смеялась, а я играл, как никогда раньше. До сих пор помню, как искры летели прямо над моей головой, — он провёл рукой по волосам, как будто проверяя, не осталось ли там пепла.

Мари рассмеялась и покачала головой.

— Я себе даже представить это не могу, насколько это интересно звучит. Каждый день, как приключение.

Андро улыбнулся ей в ответ, а затем, будто что-то вспомнив, хлопнул себя по колену.

— Ну что, хочешь услышать ещё одну историю? — спросил он с заговорщицким видом.

Мари тут же придвинулась ближе, её глаза вспыхнули от интереса.

— Конечно! А расскажи какую-нибудь милую историю.

— Как раз это и хотел тебе поведать. Это случилось в городке на границе леса, рядом с эльфийским княжеством. Там стоял старый замок, в котором, по слухам, жила одинокая девушка. Её называли «заточённым сердцем», потому что она никогда не покидала своих стен. Местные говорили, что её отец, старый барон, боялся за её безопасность и держал дочь под замком.

Мари раскрыла рот от удивления.

— И что ты сделал?

— Ну, как любой бродячий музыкант, я решил, что должен увидеть её. Поднялся к замку, сыграл мелодию прямо под окнами. Она сначала не реагировала, но потом вдруг створки распахнулись. Она выглянула и попросила сыграть ещё.

Мари прищурилась, её губы искривились в усмешке.

— И ты, конечно, сыграл?

— Разумеется. Мы говорили всю ночь через это окно. Она рассказала, как мечтает увидеть мир, а я пообещал, что в следующий раз приду не один, а с большой историей о её красоте.

— А потом? — не выдержала сестра.

— Потом? Барон заметил нас и выгнал меня со двора. Но я оставил для неё свою гитару. Сказал, что она сможет увидеть мир через музыку, — завершил Андро с улыбкой.

Мари сидела в задумчивости, её взгляд блеснул.

— Это... это очень трогательно, но ты меня обманываешь! — внезапно заявила она, надув щёки. Её алые глаза весело сверкнули. — Ты бы в жизни не оставил свою гитару не пойми кому! Тем более Ребекка тебя бы точно убила за такое! — Мари придвинулась ближе и слегка ткнула брата пальцем в лоб.

Андро рассмеялся от души.

— Ха-ха... Тебя не проведёшь, сестрёнка. Ты права, свою гитару я никому не отдам, кроме вас с Ребеккой. Но девушку я действительно видел. И даже спел ей одну песню, которую сочинил, когда уже возвращался домой.

— Смотри, Ребекке такое не скажи, а то она потом тебе так споёт. Будешь потом ходить и сверкать фонарями. — Мари чуть пододвинулась ближе и посмотрела на брата. — А мне споёшь её? — Андро взглянул на сестру и усмехнулся. Её глаза заискрились от ожидания.

Андро с лёгкой улыбкой поднялся с дивана и направился к двери.

— Ну раз ты просишь... подожди пару минут, я спущусь за инструментом.

— Да, конечно! — Мари устроилась удобнее, подперев подбородок рукой.

Хотя Андро ушёл всего на пару минут, но для неё они показались вечностью. Она даже не заметила, как начала постукивать пальцами по столу в такт воображаемой мелодии. Взгляд блуждал по комнате: от старого кресла до полок с книгами, где среди корешков пряталась фарфоровая птица. Мысли путались и она представляла, какую песню может исполнить брат. Вскоре послышались шаги на лестнице. А затем из коридора донёсся мягкий перебор струн. Первые аккорды прозвучали тёплым, завораживающим звуком, а по телу побежали мурашки, подхватывая её и приглашая окунуться в историю, которую Андро собирался рассказать.

Когда он появился в дверях, его силуэт был очерчен мягким светом лампы. Пальцы уверенно скользили по струнам, создавая мелодию, которая наполнила комнату уютной атмосферой погружая в захватывающее приключение. Андро остановился на пороге, его глаза встретились со взглядом Мари, и он начал петь.

*Город молча наблюдает,
Как шагаю в ночь пустую...
Вижу тени мне рисуют,
Старый, стёртый поворот...
Голос в сердце, будто камень,
Тянет вглубь, зовёт назад.
Но, сорвав оковы с пальцев,
Я уже не буду рад...*

Мари слушала, слегка покачивая головой в такт музыке и щёлкая пальцами. Её глаза были прикованы к брату, а уголки губ медленно поднимались. Она видела, как он полностью погружён в песню, где каждое слово было частью его души. Голос звучал глубоко и искренне, а мелодия гитары обволакивала комнату своим бархатным звучанием.

Андро замолчал на мгновение, его пальцы замерли на струнах. Он посмотрел на сестру, и в его взгляде читалась смесь грусти и решимости. Затем он снова начал играть, и ритм стал чуть более энергичным, будто юноша пытался прогнать тени прошлого.

*Дым клубится под мостом,
Ветер гонится за мной.
И где-то там, за чертой,
Ждёт ответа на вопрос.*

— Уооу! — Андро сделал эффектный поворот, приседая в конце фразы, отчего Мари не смогла сдержать смешок. Она хлопнула в ладоши, поддерживая такт, и её глаза заблестели от восторга. Он подошёл к сестре почти вплотную и игриво наклонился к ней во время пения, задержав лицо рядом с ней. Мари всё больше увлекалась композицией: её движения стали свободными, а лицо озарилось радостью.

*Призрак прошлого в руках,
Пепел гаснет на глазах.
И каждый шаг даётся с болью,
Пока ищу спасения в тенях...*

— Уооу! — Андро выдал эффектное соло, демонстративно закрыв глаза и качая головой. Сестра сидела, затаив дыхание, её взор лучился восхищением. Андро отошёл и принялся расхаживать по комнате, продолжая отыгрывать приятную мелодию.

*Каждый вдох, как яд в бокале,
Каждый шаг за гранью боли.
Звёзды манят, словно дали,
Но их свет обманет вновь.
В переулках горький смех,
Я сжигаю этот грех.*

*Но гитара плачет на руках,
Путь указывая вдаль...*

Мари задумчиво смотрела на брата, её улыбка стала мягче. Она чувствовала, что каждое слово несёт в себе глубокий смысл. Он словно открывал перед ней дверь в свои сокровенные мысли, где каждая дорога петляла в разные стороны. Где каждый подъём приводил к безумному спуску.

Андро приблизился к окну. Его силуэт чётко вырисовывался на фоне ночного света, проникающего сквозь щель в шторах. Пальцы продолжали порхать по струнам, в то время как гитара была продолжением его тела. Каждый аккорд звучал уверенно, но одновременно в нём сквозила меланхолия, делавшая исполнение ещё более проникновенным.

Мари наблюдала за ним с края дивана. Эмоции переполняли её — музыка брата вызывала бурю чувств, касаясь самых глубоких струн души.

— Bravo, братец! — воскликнула она, не в силах скрыть восторга. — Ты просто удивителен!

Андро улыбнулся, не прерывая игры. Он снова подошёл к Мари, приглашая её разделить этот момент, и запел спокойнее:

*Пусть гроза ломает стены,
Пусть огонь пылает в венах.
Я пройду через года,
Чтобы вернуться вновь назад.
Дым клубится над мостом,
Ветер стих, я вижу дом...
Тени скрылись, лишь луна
Освещает путь сюда...*

Он медленно кружил по комнате, растворившись в звуках, представляя, как весь мир вокруг исчезает.

*Призрак прошлого^[1] в руках,
Пепел гаснет на глазах.
И каждый шаг даётся с болью,
Пока ищу спасения в тенях...*

Финальное соло заставило Мари аплодировать стоя. Она замерла, словно загипнотизированная, глядя на брата с гордостью.

— Это... Это было невероятно, Андро. Ты настоящий волшебник, — произнесла она прерывающимся от волнения голосом.

Он прислонил гитару к стене и сел на диван. Мари придвинулась и крепко обняла его.

— Знаешь, эта песня... Она потрясающая. Я даже не знаю, как выразить это словами, — тихо проговорила она, прижимаясь к нему сильнее.

— Спасибо, сестрёнка. Я рад, что тебе понравилось, — Андро обнял её в ответ. — А теперь твоя очередь. Расскажи, что происходило здесь, пока меня не было.

Мари отстранилась и задумчиво посмотрела на инструмент.

— Ты знаешь, после такого исполнения мне даже сложно что-то рассказывать. Я чувствую себя серой мышкой.

— Ну-ну, не скромничай, — Андро игриво толкнул её плечом. — Уверен, у тебя найдётся пара историй.

— Поверь, мои будни не такие яркие. Может быть, однажды я тоже начну вести дневник, чтобы ты мог его почитать.

Андро ухмыльнулся:

¹ Песня — «AndroTech_AI – Призрак прошлого»

— Даже в повседневности есть нечто особенное. Я запомню твои слова и с радостью изучу твои записи.

— Ты рассказал мне пару случаев, а я хочу ещё! Скажи, был ли момент, который ты никогда не забудешь?

Глаза Андро загорелись воспоминанием.

— Знаешь, был один вечер в Валенсии. Его называют городом огней, потому что по ночам улицы освещают тысячи бумажных фонариков.

— Звучит как в сказке, — мечтательно прошептала Мари.

— Почти. Там я встретил необычный дуэт, Лину и Генри. Они были уличными артистами, танцевали под кастаньеты. Когда я начал играть рядом с ними, толпа собиралась мгновенно. Мы устроили целое представление. А потом они вдруг взяли меня за руки и сказали: «Теперь твоя очередь двигаться».

— Я представила тебя танцующего, это смешно. Особенно вспоминая, как в детстве ты любил оттапывать ноги учителю. В этот раз обошлось? — Мари рассмеялась, представляя брата-танцора.

— Что мог, то и сделал. Я не особо хороший танцор, ты права. Но в тот момент я был поглощён атмосферой и не мог отказаться, — он развёл руками, смеясь. — Но главное, после выступления они показали мне старую башню с колоколом. Оттуда открывался вид на все огни Валенсии. Мы сидели там до самого утра в полном молчании, лишь изредка бросая короткие фразы.

— Волшебно... — вздохнула сестра, откинувшись на спинку дивана и склонив голову на плечо брата.

— Именно ради таких мгновений и стоит преодолевать все трудности пути, — согласился Андро и нежно погладил её по голове. — Ну что, теперь твоя очередь совершить что-нибудь необычное. Кто знает, может, через пару лет ты будешь делиться своими приключениями.

— Может быть... А может, я просто останусь твоей самой преданной слушательницей.

Они рассмеялись, и этот смех наполнил комнату теплом. В этот момент снизу донёсся звук открывшейся двери и радостные голоса вернувшихся домочадцев...

Глава 2

«Автор»

В мрачных тенях, обрамляющих этот город, каждое существо, как одержимое, стремится к своим целям, не щадя ни морали, ни принципов. Здесь, в Демгрейве, где жизнь и смерть переплетаются в зловещем танце, ошибки — это не просто часть пути, а неизбежная дань, которую платят все. Но лишь самые упрямые и трудолюбивые способны исправить свои просчёты и выжить в этом безжалостном мире. Закон жизни здесь жесток и беспощаден.

Демгрейв — в отличие от многих городов, как живое существо, готовое прощать множество ошибок, но у каждой души есть свои пределы. Здесь нет места для слабости, и каждый шаг может стать последним. Здесь звучит негласное правило: «Определяй свою судьбу сам!» Строй её на взаимовыручке или же на костях и трупах. Выбор только за тобой! Думай, решай! Ха-ха-ха!

Но не думайте, что всё так просто. Наши герои — противоречивые души. Каждый из них живёт в своём собственном времени, не поддаваясь влиянию вселенной или струнам судьбы. Когда одни начинают свой упорный день, другие, словно тени, едва ли предаются сладкому отдыху. Кто из них сможет лучше реализовать себя в этом безумии?

Демгрейв же следит за каждым движением, но эти четверо, ошибки временных линий жизни, остаются вне его досягаемости, и это приводит его в ярость! Ха-ха-ха! Его гнев сжимает кулаки до белизны, расцарапывая кожу на руках, ведь он видит то, чего они ещё не осознали сами.

Что же он видит? Ха, это тайна, на которую я вам лишь намекнул. В чём же смысл этой истории? Гадайте, размышляйте, прокладывая путь в своих умах. Продумывайте варианты развития событий и ищите тех, кому может быть неужодна эта четвёрка смертных. Что? Ничего не приходит в голову? Не беда! Тогда внимательно следите за ходом повествования, и, возможно, вы к чему-нибудь придёте....

25 мая. 06.00. Богатый район. Военный плац городской стражи. Николас Грейхарт.

С первыми лучами солнца, которые были похожи на нежные мазки кисти, плац оза-рился мягким светом. Гарнизон выстроился ровными рядами, солдаты в начищенных доспехах замерли по стойке «смирно». Их лица были сосредоточены, а взгляды устремлены вперёд, где с тяжёлым выражением лица шагал капитан стражи — Филипп де Вольц.

Крепкий мужчина, ростом чуть ниже Николаса, носил бордовый офицерский мундир, украшенный аксельбантами и знаками отличия. Его хмурый взор мог бы заставить замолчать даже самых дерзких насмешников. Легенда стражи, ветеран Чёрных троп, вызывал уважение у всех: от простых рядовых до опасных личностей из Шёлкового угла. Его имя произносили с почтением даже монстры, которых он неоднократно изгонял обратно в преисподнюю Чёрных Троп.

Николас с теплотой вспоминал их первый поход под руководством де Вольца. Филипп был живым воплощением отваги и лидерства. Его речи, наполненные огнём и уверенностью, могли поднять на ноги даже самых измождённых бойцов. Он лично спасал людей из лап демонов, своей решительностью развеивая тьму, казавшуюся непреодолимой. Но сегодня перед Николасом стоял совсем иной Филипп — человек, чьё сердце было обременено грузом чужого предательства.

Перед строем стражников, закованные в кандалы, стояли пятеро предателей, некогда почётных офицера. Их лица, когда-то отражавшие гордость и силу, теперь скрывали страх и унижение. Губы дрожали в безмолвной мольбе, слёзы текли сами собой, а головы опущены от тяжести греха, что обрушился на них. Эти люди, как недавно стало известно, продались одной

из банд Шёлкового угла. Вместо того чтобы защищать мирных граждан, они позволили себя купить, и тринадцать человек заплатили за это своими жизнями. Дети, женщины, старики — все они погибли из-за жадности тех, кто присягал их оберегать. Недавняя резня в самом «безопасном» районе обрушилась на город, как снег на голову.

Служба безопасности города разоблачила коррупцию. Теперь виновным зачитывали приговоры: трое были приговорены к публичной казни, а двое, запуганные и сломленные, с мокрыми штанами отправлялись на каторгу в шахты. Возможно, каждый из них рассчитывал на то, что сможет обеспечить тем самым свою семью, и они больше не будут нуждаться ни в чём, что их семьи будут в безопасности и не думать о том, что будет завтра, но не тут-то было.

Их семьи ожидала не менее горькая участь — конфискация имущества и принудительные работы в сточных каналах в уплату долга, была лишь малой частью того, что ждало их. После того, как закончится срок работы, изнеможённые, грязные и проклинающие своего отца, они будут направлены на рудники. Можно и не сомневаться в том, что дальнейшая судьба их будет крайне «весёлой» и «лёгкой». Даже если они и выживут на рудниках, то в конце срока их ждёт лишь вечная служба на благо королевства. Големы нужны всегда.

Голос капитана де Вольца пререзал напряжённую тишину, как стальной клинок:

— Стража! Смирно! — прокричал он, оглядев подчинённых суровым взглядом. — Каждый из вас, запомните это! Жадность и предательство — это не просто ошибки. Это кровь невинных на ваших руках. Вы здесь не для себя, вы здесь ради своих родных, ради тех, кого поклялись защищать. Не подводите их, как подвели эти мертвецы! — капитан указал на осуждённых офицеров, пока их уводили с плаца. — Подумайте десять раз, прежде чем пойти на такое. А на одиннадцатый — выкиньте из головы эту идею напрочь. На этом всё. Приступить к служебным обязанностям. Вольно! Разойтись!

Слова Филиппа эхом отдавались в сердце Николаса. Он задумался о своих братьях и сёстрах, об их безопасности. Вспышка эпидемии всё ещё уносила жизни бедняков, и он не мог позволить себе потерять кого-то из семьи. Уже сегодня он собирался зайти в аптеку за лекарствами, которые могли спасти близких от болезни. У него конечно есть средства на случай гибели родных, чтобы выплатить проклятый «налог на смерть», но лучше не доводить до такого.

Из раздумий его вырвал голос товарища:

— Николас! Ты там заснул, что ли? Давай скорее! — крикнул один из стражников, стоявший в группе таких же молодых солдат.

Николас усмехнулся и махнул рукой:

— Уже иду!

Он ускорил шаг, присоединяясь к отряду.

25 мая, 08:30. Центральная площадь. Таверна «Закуски Маркуса». Румер Гил.

Утреннее солнце рвалось внутрь сквозь тонкие занавески, когда Румер распахнула дверь старой кухни. Начинался новый день бестолковых забот, но... так тоже неплохо.

— Хм? С чего бы господин Маркус решил расщедриться с утра пораньше? — хмыкнула она, заметив на столе тарелку с парой красных яблок и подложенной запиской.

Господин Маркус писал, что у него уже уйма дел и он не успевает забрать товар, о котором вчера договорился с торговцем, поэтому поручает это ей. Девушка раздражённо скривила губы.

— Ну конечно, только так! Суета — наше всё, с самого утра... — Она вздохнула. — Нефи, у нас сегодня есть вкусное!

Из распахнутой левой ладони выпорхнула чёрная субстанция и повисла шевелящейся кляксой возле головы девушки. Та придвинула тарелку.

— На! Одно твоё, одно моё.

Похрустывая сладким яблоком, Румер наблюдала, как второй фрукт пропадает, обволакиваемый чёрным гляncем Нефти, и размышляла.

Шёл уже шестой месяц, как она работала в этом трактире. Конечно, заведение скромное, но и не такое уж плохое. Среднему классу тоже надо как-то грусть заливать за разговорами, а кому из них будет по карману «Пылающая устрица» в Пике Греха? Да и вообще, надо радоваться тому, что есть работа и крыша над головой. Господин Маркус хоть и ворчун, но старик годный.

Румер снова вспомнила, как пришла в себя ночью под холодным дождём возле подножия Башни, не вполне соображая, где находится и что вообще происходит. Ещё и рука почернела в уголь, а рядом шевелилось что-то чёрное, блестящее и бесформенное, которое сразу же заползло внутрь через ладонь... «Брр! Хорошо хоть на ночную стражу в тот день не напоролась!» Память начала возвращаться только после нескольких дней бесцельного шараханья по городу, когда она заново узнавала знакомые места и лица людей. Только вот воспоминания отматывались назад с пробелами, как будто кто-то специально затёр в них что-то очень важное.

Радовало лишь, что глянцева жиж проблем не доставляла — она оказалась на удивление послушной и тихонько сидела внутри, выскальзывая лишь за закрытыми дверями и зашторенными окнами. Работа всё-таки была нужна, хоть денег в кошельке более чем хватало, чтобы провести несколько ночей не на улице. Но кому могут понравиться вопросы и слухи, из каких таких доходов девица платит за жильё?

Румер решила попытать счастья здесь, в этом трактире, тем более что он недалеко от Башни. Если повезёт остаться — вдруг что ещё вспомнится?

Исайя Маркус, хозяин — крепкий и бодрый старик с суровым взглядом — был не очень рад гостю. Но после того как она назвала своё имя, он и вовсе напрягся, однако работу дал охотно. Даже подсказал, где подыскать комнатуху. Правда, не забыл ворчливо добавить, полагая, что девушка не слышит:

— Вот уж малахольное семейство, эти господа Гилы! Вам тут что, мёдом намазано у Башни этой? Ну, может, хоть эта нормальная будет...

Румер надеялась как-нибудь развести старика на разговор о том, что он имел в виду, но тот больше никогда не вспоминал об этом. Теперь ей приходилось вечерами возиться вместе с ним на кухне, а днём бегать по городу с поручениями. Невеликие деньги за такую работу, но вполне хватает.

Со временем Маркус оттаял. Даже когда он случайно увидел Нефть, то никому не сказал, хотя и ходил несколько дней сам не свой. А после и вовсе согласился за пару серебряных монет из жалованья иногда баловать её чем-нибудь вкусным или класть лишний кусочек мяса в суп — чем не жизнь? Вот бы ещё дыры в памяти залатать — и вовсе прекрасно будет...

Румер снова вздохнула и протянула руку.

— Наелась? Давай обратно, и пойдём к торговцу.

Нефть, как довольный зверёк, со шлёпающим звуком пробежалась по столу и юркнула обратно в чёрную ладонь. Девушка встала, потянулась и, хлопнув входной дверью трактира, вышла на улицу.

25 мая, 09.40. Южная часть центральной площади. Дом Адьи Леир Митран.

Адья потёрла сонные глаза и, мельком взглянув в окно, поняла, что уже наступил рассвет. Сложив руки перед собой на столе, она уронила на них лицо.

— Ну во-о-от! — поднявшись, она сладко зевнула и, потянувшись, добавила: — Опять утро, а я и не заметила.

Проскрежетав стулом по полу, полуночница встала из-за стола.

— Ой-ой-ой-ой... О-хо-хо-хо-хонюшки-и-и, — пропищала Адья и, поскуливая, начала растирать задеревеневшее тело, затёкшее от долгого сидения в одной позе.

Эльфийские ушки едва колыхнулись, почувствовав дуновение ветра, а колючие мурашки ползали по ногам и рукам, не собираясь сдаваться. В один миг, она споткнулась, не рассчитав расстояние между тумбой и её телом, и с грохотом повалилась на пол. Когда способность двигаться наконец вернулась, девушка потихоньку встала и поковыляла к окну. Из её небольшой лаборатории, пристроенной к маленькому дому, была видна часть соседней улицы в ярких лучах солнца.

— Красиво! — восхищённо произнесла она.

Невольно её взгляд оторвался от созерцания прекрасного и сфокусировался на отражении в оконном стекле.

— Мать моя женщина! — выкрикнула девушка, глядя на себя. Полусонные зеленные глаза, скомканные, во все стороны торчащие рыжие волосы и помятое от недавнего сна лицо, было той ещё картиной. — Ещё немного, и ты будешь готовым материалом для голема!

Поспать нормально не удавалось третьи сутки: разразившаяся в трущобах эпидемия гриппа не давала ей покоя. Из-за этой черты характера у Адьи часто возникали ссоры с родителями: она пыталась помочь всем и вся, порой забывая о себе. Её магические способности в алхимии и зельеварении позволяли создавать любые лекарства и делать из них концентраты, но всегда было одно «но».

И это «но» определяло набор нужных ингредиентов для эликсиров и отваров, а также необходимость в деньгах для их покупки. Это раздражало и бесило девушку до такой степени, что на глаза наворачивались слёзы бессилия. Приходило жёсткое понимание: помочь всем она не сможет. Это одновременно и печаливало её, и закаляло характер.

Девушка понимала, что родители правы, но всё равно спорила с ними со всем своим юношеским максимализмом. Болезненное осознание того, что тебе придётся выбирать, кому жить, глубоко ранило её нежную натуру.

Вот уже третий день она пыталась создать эликсир от простуды из тех компонентов, что были под рукой, но нескольких важных трав всё-таки не хватало. За ними придётся идти в лавку алхимика-аптекаря на другой стороне площади. Все эти мысли витали в сонной голове, но одна, самая назойливая, перевешивала остальные — ей нужно было вздремнуть.

— Так... Спать, спать, спать! — шептала девушка себе под нос, топая в сторону спальни.

Открыв дверь комнаты, она увидела кавардак, царивший на кровати, но её это абсолютно не заботило. Подойдя к окну, Адья задёрнула плотные шторы, кое-как стянула сапоги с брюками и со стоном рухнула в постель. Накрывшись одеялом с головой, она тут же провалилась в глубокий сон. Последняя внятная мысль, промелькнувшая в сознании, была о том, что если она не будет соображать нормально, то точно никому не поможет.

Мирное сопение наполнило тишину комнаты...

25 мая, 10.20. На въезде в столицу Демгрейв. Джеймс Кетер.

Колёса повозки лениво стучали по неровной дороге, наполняя воздух ритмичным гулом — единственным напоминанием о жизни вокруг. Вдалеке вырисовывались мощные стены Демгрейва, окутанные утренним туманом, которые будто пытались скрыть свою судьбу от любопытных глаз. Возчик, старик с глубокими морщинами, устало вздохнул.

— Наконец-то добрались, — пробурчал он, поправляя изношенные перчатки. — Эй, парнишка! — прокричал он, оборачиваясь с выражением, в котором смешивались раздражение и облегчение. — Скоро будем на месте.

Внутри повозки, накрывшись плащом, дремал Джеймс. Басистый крик старика прервал его сон. Юноша медленно приподнялся, потирая глаза. Долгие часы ожидания разбойников, щекотавшие нервы в темноте, сменились утренним покоем, но теперь его мучила жажда.

— Вашу ж мать, — тихо проговорил он, зевая и вдыхая свежий воздух. — Дедуль, у тебя есть чего-нибудь попить?

— Увы, малец, — опечаленно пожал плечами старик. — Ничего нет.

— Срань господня! — Джеймс облокотился на стенку, безразлично глядя в небо. — Долго нам ещё?

— Да нет, через полчаса уж на месте будем.

Юноша слабо кивнул. Вскоре повозка плавно въехала в городские ворота. Навстречу вышли двое солдат, выглядящих в тяжёлых доспехах внушительно и серьёзно.

— Откуда прибыли? С какой целью приехали в Демгрейв? Надолго здесь? — задавали они вопросы с привычной важностью.

Пока старик вёл разговор, Джеймс присмотрелся к стражникам. Один из них казался слишком расслабленным, а под одеждой у него заметно колебался увесистый мешочек. Взгляд юноши заблестел, а на губах расцвела дерзкая ухмылка. В тот момент, когда повозка миновала ворота, он уже мысленно пересчитывал чужую добычу.

— Какой болван! — смеялся Джеймс про себя, укладывая «находку» в подсумок. — Нельзя же так бездумно относиться к деньгам. Считаю, я преподал ему урок... Теперь он всё осознает.

Завершив подсчёт, Джеймс довольно хмыкнул: две золотые, одиннадцать серебряных и шесть медных дракинов. На эти деньги можно и поесть, и комнату снять.

Вскоре повозка выехала на центральную площадь, наполненную шумом и ароматом свежей выпечки. Заметив вывеску гостиницы «Вишенка», Джеймс попросил остановиться. Отблагодарив возчика пятью серебряными, юноша весело зашагал к заведению.

Внутри царил уютный полумрак. За стойкой стояла девушка: пёстрые светлые локоны обрамляли лицо, а вокруг неё витал тонкий аромат лаванды и табака.

— Привет, красавица, — произнёс Джеймс, не скрывая улыбки. — У меня что-то случилось с глазами, ведь я совсем не могу оторвать от тебя взгляд!

Девушка смутилась и отвела глаза, её щёки запылали румянцем.

— Эм-м... привет, — тихо отозвалась она. — Чем могу помочь?

— Ну, я надеялся, что ты предложишь мне что-то более интересное, чем просто комнату, — Джеймс подошёл ближе, понизив голос до интригующего полусшёпота. — Или, может, ты просто хочешь обрадовать нового клиента сладким кофе?

Она поджала губы, и в её глазах засияли игривые искорки.

— Ну, для начала — я Вероника, — представилась она. — А ты, такой уверенный змей, не боишься рисковать?

— Риск — это моя вторая натура, — ухмыльнулся Джеймс, подаваясь вперёд.

Вероника слегка растерялась, её рука невольно сжала стакан.

— Правда? И как же ты собираешься рисковать?

Он наклонился ещё ближе и с подобающей грацией коснулся губами её ладони. Это был тихий вызов. От девушки пахло нотками жасмина и едва уловимого аромата, похожего на сладкий запах печенья.

— Я был бы счастлив прогуляться с тобой после твоего рабочего дня.

Смятение в глазах девушки боролось с притяжением. Прикусив губу, она протянула ему ключ, сияющий в мягком свете ламп.

— Вот. Это тебе. Но не забывай: следующий шаг будет только за тобой.

Джеймс взял ключ, задержав взгляд на её лице.

— Я непременно это учту, — бросил он на прощание.

Поднимаясь по лестнице, он чувствовал приятное электрическое возбуждение. Войдя в комнату, Джеймс сбросил плащ и рухнул на кровать. Мысли крутились недолго — вскоре он провалился в глубокий, спокойный сон.

...

Резко продрвав глаза, Джеймс на мгновение застыл, не осознавая, сколько времени прошло с тех пор, как он погрузился в сон. Потолок, под которым он теперь лежал, казался ему знакомым, но в то же время далёким, как будто он провёл в этом состоянии целую вечность. Он перевернулся на спину и уставился в потолок, разглядывая замысловатые узоры на деревянных досках, которые, казалось, шептали ему свои тайны.

Пара минут прошла в тишине, пока он не решился на резкий шаг: ловким движением кувыркнулся на пол и, не теряя времени, начал делать отжимания. Каждое движение было наполнено энергией, кровь бурлила в его венах, а разум, пробуждающийся от долгого сна, начал проявляться. Закончив свою разминку, он подошёл к зеркалу. Улыбка, отражающаяся в стекле, была полна уверенности и задора.

— Столько бы раз ни подходил смотреться в зеркало, вижу всё того же красивого, обаятельного пройдоху, — произнёс он игривым тоном, подмигнув своему отражению, как будто это был его давний друг.

Сунув руку в один из подсумков на поясе, он извлёк небольшую серебряную расчёску. Плавными, почти изящными движениями, он расчесал свои растрепавшиеся волосы, придавая им аккуратный вид. Закончив с прихорашиванием, он убрал расчёску, поправил тунику и ремешок, а затем, представляя себя королём, накинул на плечи свой изысканный плащ. Бодрой походкой он направился в холл, полный решимости и энергии.

План был прост: хорошенько поесть. На площади он заметил уютное заведение, и именно там собирался насладиться трапезой. Спустившись по лестнице, он первым делом взглянул на стойку регистрации. Увидев Веронику, он ловко подскочил к ней. Девушка слегка дрогнула от его внезапного появления, но её лицо быстро озарилось тёплой улыбкой, когда она приблизилась.

— Недолго же ты проспал, — произнесла она, бросив быстрый взгляд на настенные часы. — Всего-то три с половиной часа. Как себя чувствуешь?

Ярко улыбнувшись, Джеймс нежно взял её за руку, его прикосновение было лёгким, как пёрышко. От его внимания не ушло, то что к соблазнительному запаху добавился новый — запах свежесваренного кофе. Наклонившись к её уху, он тихонько прошептал:

— Как я могу спать, когда внизу дожидается такая горячая красавица? — произнёс Джеймс, его голос звучал слегка игриво, с некоторыми мурчащими нотками. Внезапно он резко отстранился, замахав рукой, как будто обжёгся.

— Воу-воу, видишь? Даже обожгла! — с радостным выражением на лице он подул на свои пальцы, демонстрируя, что остужает «ожог». Его смех, как мелодия, наполнил пространство, а Вероника, смущённо посмеиваясь, покачала головой, её глаза сверкали от веселья.

— Боже мой, откуда ты такой взялся? — спросила она, прикрывая ладошкой губы, её голос был полон удивления и восхищения. — У нас бывают разные гости, но такой игривый на моей памяти первый.

Джеймс сделал шаг вперёд, оперевшись локтями на столешницу. Он положил на руки голову и с глазами, наполненными нежностью, посмотрел на девушку. Его взгляд был полон искренности, и Вероника почувствовала, как её сердце забилось чуточку быстрее.

— Так я, значит, для тебя уже стал особенным? — промурчал он, подобно мартовскому коту. — Ради твоего внимания я и не такие фокусы могу вытворять.

Вероника кокетливо рассмеялась, и этот смех нежно ласкал его уши. Она ущипнула юношу за щёку, проверяя, не сон ли это.

— Какой же ты душка, не могу.

Сделав нежное, но резкое движение, Джеймс завёл правую руку Вероники за спину и, притянув к себе, легонько чмокнул её в щёчку. Девушка мгновенно залилась краской, её сердце колотилось, но, хитро усмехнувшись, она обвила шею парнишки руками, и их губы сомкнулись в жарком поцелуе.

Не теряя сноровки и отдавшись приятному моменту, Джеймс перемахнул через стойку и прижал Веронику к стенке, ни на секунду не отрывая своих губ от её. Их поцелуй был страстным и жаждущим, создающий атмосферу единения в этом мире. Обстановка вокруг не смущала ни на грош; пусть хоть вся гостиница смотрит, они продолжали, подобно изголодавшимся демонам, пожирать друг друга.

Внезапно Вероника дотронулась до его груди, её пальцы скользнули по ткани, вызывая у Джеймса мурашки. Он слегка отстранился, его глаза блестели от озорства и требовали продолжения, но всему своё время.

— Подожди, — сказал он, его голос был полон лёгкой настойчивости. — Не будем торопиться, мне нужно ещё кое-куда заглянуть.

— Куда ты собираешься? — удивилась она.

— Поесть, — ответил он, улыбнувшись и пожимая плечами. — Может, тебе чего-нибудь хочется? Только скажи, и я принесу.

— Я бы хотела бутылку вина и закуски, — произнесла она, её голос стал чуть более взволнованным, когда она добавила: — И тебя, Джеймс.

Он снова поцеловал её, на что она ответила ему взаимностью, слегка прикусив губу, прежде чем покинуть гостиницу.

— Скоро вернусь, — бросил он напоследок и выпорхнул на улицу подобно вольной птице.

...

Солнце приятно грело вечерними лучами, окутывая город мягким золотистым светом. Джеймс неторопливо шагал по мостовой, его шаги были размеренными, он наслаждался каждым мгновением. Вокруг него шумные горожане сновали туда-сюда, спеша по своим делам, и привычная городская суeta наполняла воздух звуками: смех, крики, звяканье монет и чьё-то ворчание. Но для Джеймса это было лишь фоном — сейчас он находился в другом мире, где царила тишина, и его мысли плавно текли, подобно реке.

Спустя некоторое время его взгляд упал на вывеску: «Закуски Маркуса». На лице Джеймса расцвела довольная ухмылка, и он уже представлял, как с удовольствием набьёт брюхо ароматными блюдами которые так любил. Жаренная картошечка с лесными грибами и тушёным мясом в томатном соусе были его самым любимым блюдом. А если рядом стояла кружка холодненького эля, то день можно было считать святым. Его глаза блестели от предвкушения, когда он стал рассматривать трактир. Внезапно его внимание привлекла девушка, с черными, как уголь волосами и бордовой рубашке, которая, казалось, спешила забежать внутрь. На первый взгляд она была обычной, но что-то в её движениях выдавало тревогу.

«Видимо, работает здесь», — мелькнула мысль в голове Джеймса, но тут же его лицо напряглось. Он не успел точно рассмотреть, но на левой руке девушки был замечен чёрный шрам, который выглядел так, будто оставил его кто-то... чьё имя страшно вспоминать.

«Что за нах... — оглушительно прогремела мысль в его голове. — Мать твою, как...»

Внезапно поток размышлений прервал резкий рывок за рукав плаща. Опустив взгляд, Джеймс увидел перед собой маленького мальчишку лет девяти. Его лицо было заплаканным и испуганным, а глаза полны отчаяния. Мальчик явно искал спасения, дёргая юношу за рукав, и Джеймс почувствовал, как его сердце сжалось от беспокойства.

Он сопровождал взглядом загадочную девушку, но та уже скрылась в заведении, и он снова обратил внимание на мальчишку, который отчаянно пытался привлечь его внимание. Джеймс присел рядом, положив руку на его макушку, и спросил, стараясь звучать строго, но в то же время успокаивающе:

— Ты чего ревёшь?

Хлюпая носом и хныкая, мальчишка наконец выдал из себя:

— С-сестра... её бьют. Помогите!

Лик Джеймса стал страшнее грозовой тучи, а слова мальчика пронзили его, как острый нож. Он не исключал возможности, что это может быть ловушка для простачков, но даже если так, обычной шпане с ним не справиться. Мальчишка выглядел слишком натурально, чтобы быть актёром, и в его глазах читалась искренность. Джеймс уверенно зашагал за ним. Не может же он оставить девушку в беде — это было не в его принципах.

Джеймс и мальчишка покинули площадь и углубились в узкие переулки, где тени сгущались, а воздух наполнялся напряжением. С каждым шагом юноша чувствовал, как переживания мальчишки накрывают его, становясь всё сильнее с каждой минутой.

— ВОТ ЖЕ НАГЛАЯ СУКА! — раздались гневные выкрики, за которыми последовали прерывистые, горькие стоны.

Когда они вышли на широкую улицу, Джеймс увидел ту самую девушку. Но напали на неё отнюдь не бандиты.

«Мундиры, атласная вышивка, начищенные мечи и мушкеты», — мелькнула мысль в голове юноши, когда он заметил пару крепких мужчин, стоящих над беззащитной девчушкой. На вид ей было лет тринадцать, может, чуть больше. Она сжалась в калачик, жалобно вдыхая воздух, и пыталась выдавить из себя что-то совершенно невнятное.

— П-прошу... х-хватит, — её голос дрожал от страха, но очередной удар армейским сапогом заставил её замолчать и застонать от боли.

— Заткнись, мразь мелкая! — разъярённо ворчал один из мужчин, его лицо исказилось от злости. — Гордон, ты только погляди на неё, смеет перечить офицеру стражи! Такая же наглая, как и этот выскочка Николас! — Он с силой харкнул малышке прямо в лицо и ещё раз пнул её, заставив её тело изогнуться от боли.

— Вот-вот! — поддакивал второй, голос которого был полон презрения. — Челядь забыла своё место! Ну ничего, сейчас мы тебе всё наглядно объясним.

Закатив глаза, Джеймс положил правую руку на один из пистолетов. Он шагнул вперёд, готовый вмешаться. Мальчишка, собиравшийся было пойти следом, остановился, когда юноша кивком указал на переулок.

— Сиди там, я сам! — приказал он, и тот послушно спрятался.

Осмотревшись вокруг, Джеймс понял, что в этом переулке не было никого, кроме них. Удачное стечение обстоятельств, меньше слухов будет.

Выхватив пистолеты из кобуры, Джеймс не медлил. Его пальцы нажали на спусковой крючок, и пуля, свистнув в воздухе, попала в плечо одного из стражей. Мужчина, охваченный внезапной болью, упал на колени, его крик раздался в тишине предсмертным воплем. Напарник, испуганно обернувшись, схватился за ружьё, но в ту же секунду тоже получил свою долю — пуля пронзила его ногу.

Джеймс, обнажив наглую ухмылку, медленно шагал к ним, напоминая хищника, который наслаждается моментом, когда его жертва уже не может сопротивляться. Оба мужчины корчились от боли: один держался за левое плечо, другой — за правую ногу. Эти ранения не были смертельными, но страдания, которые они испытывали, были очевидны.

Изящно и ловко перезарядив по очереди пистолеты, Джеймс подошёл к стражам и, не колеблясь, отправил Гордона в нокаут, с силой ударив его сапогом по лицу. Тот беспомощно распластался на земле, как тряпичная кукла. Мужчина, который только что наносил девочке

удары, попытался подняться, его руки тянулись к оружию, но Джеймс, не теряя времени, приставил дуло пистолета к его лбу. Офицер застыл как статуя, его глаза расширились от страха.

— Ублюдок... — прошипел тот, его голос звучал как шипение змеи, полное ярости. — Какого хера ты творишь!? Ты хоть знаешь, кто мы...

— Ну и кто же? — перебил его наглый юноша, сверкая улыбкой, полной презрения. — Бездарные сволочи, что вымещают злость на маленькой девочке? Если ты это хотел сказать — то да, я знаю. Ты же это хотел сказать? Верно?

Джеймс наклонился ближе, его лицо стало угрюмым, а курок пистолета застонал под натиском его пальца. Глаза стража округлились до невероятных размеров, он едва не наложил в штаны от ужаса.

— Да-да-да... именно это я и хотел сказать! — жалобно протараторил он, его голос дрожал, как у испуганного ребёнка, стремящегося спасти свою шкуру.

— Видишь, какой я догадливый, — усмехнулся Джеймс, но внезапно его лицо омрачилось. — Грязная тварь! Моли свою Богиню, чтобы я сохранил твою никчёмную жизнь. Ненавижу таких уродов, как вы!

Курок сухо щёлкнул, и лишь мгновение отделяло стража от смерти, но...

— Прошу, не надо! — воскликнула девочка, её заплаканные глаза, полные страха и надежды, встретились с взглядом юноши.

Джеймс смутился, не понимая, почему малышка защищает этого выродка. Желание выстрелить закипало внутри, но он не выстрелил.

— Скажи спасибо этой юной леди! — мрачно отрезал он и с размаху ударил мужчину по голове. Тот мгновенно потерял сознание и повалился на землю, как мешок с картошкой.

Убрав пистолеты в кобуру, Джеймс подошёл к девочке, его голос стал мягче.

— Сильно они тебя? — спросил он, стараясь помочь ей подняться, но она не могла. Левое колено кровоточило и опухло, её лицо искажалось от боли.

Недовольно цыкнув, Джеймс резко поднял малышку на руки. На удивление, она была лёгкой, как пёрышко. Он конечно был уверен в своих силах, но тут вес девочки говорил о том, что она не из богатой семьи.

— Не планировал я сегодня в героя играть... Эй, малец, — прокричал он мальчишке, — иди сюда.

Тот сразу же выскочил из переулка и стремительно подбежал к юноше.

— Сестра, сестра, как ты? Ты в порядке?

Девочка всё ещё была напугана и смущена резкими действиями Джеймса, поэтому лишь кивала, не в силах произнести ни слова.

— Вас как зовут-то? И откуда вы? — спросил он, стараясь отвлечь её от страха.

Наконец-то девочка смогла немного прийти в себя и ответила:

— Меня зовут Анна Грейхарт, — произнесла она, её голос дрожал, но в нём уже слышалась уверенность. — А это мой младший брат Дилан. Мы из бедного района. Большое спасибо за помощь...

«Как я и думал... Потрёпанный вид, рванная и без всяких побоев одежда, и худощавое телосложение говорило само за себя.»

— Джеймс Кетер, — кратко представился юноша, встряхнув плечами, сбрасывая с себя тяжесть увиденного. — Ничего личного, просто ненавижу таких уродов. Что ж, бедный район значит. Малой, сможешь дорогу показать? Так и быть, сопровожу вас, а то ты, Анна, вряд ли сможешь дойти до дома самостоятельно.

— Да! Смогу! — радостно выпалил Дилан, его глаза светились надеждой, и он устремился вперёд. Джеймс последовал за ним, чувствуя, как напряжение уходит.

— Ещё раз большое спасибо, — смущённо пролепетала девочка, пряча глаза. — Простите, но я вряд ли смогу вас чем-то отблагодарить... мы бедно живём и...

— Пустое, не нужно мне ваших пожитков! — скорчил он недовольную гримасу. — Тем более я уже изъял свою плату.

Он ярко улыбнулся, ведь на его поясе появилось ещё два мешочка, набитых деньгами.

25 мая, 12.30. Южная часть центральной площади. Дом Адьи Лейр Митран.

Сон Адьи был тяжёлым и прерывистым: хоть тело и спало, мозг старался разрешить неразрешимое, и мысли даже в сонном состоянии бродили в её голове.

Открыв глаза, она уставилась в потолок и с грустью подумала о том, что, наверное, стоит пересмотреть свои взгляды на жизнь, иначе с таким подходом она долго не вывезет. Нужно быть жёстче, нужно быть злее, иначе тебя поглотит эта бездна человеческой жадности. Тяжело вздохнув, она встала с кровати, опустив ноги на холодный пол, и, слегка поёжившись, потянулась. Подняв руки вверх и потянувшись всем телом, она прохрустела всеми суставами, которые болели от трёхдневного сидения на стуле.

— И который теперь час? — спросила сама у себя. — Время, как же ты беспощадно...

Накинув на плечи домашний халат, девушка увидела, что на ней трёхдневная грязная рубашка, в которой она ещё и уснула. Скривившись, как от кислого лимона, засоня произнесла:

— Дожила! Просто замечательно! Даже этого не замечаю. Ну так же нельзя, ну что же ты делаешь? — Подняв руку, она нюхнула рубаху в области подмышки. — Чтобы мне провалиться! — крикнула Адья и понеслась в ванную.

Послышался шум воды, и пока набиралась ванна, девушка, как угорелая бегала по комнате, ища в кавардаке нужные вещи.

— Так, бери себя в руки. Нужно решить эту проблему любым способом. Быстренько приведи себя в порядок, позорище-то какое!

Надев чистую одежду и почувствовав себя гораздо лучше, она села у окна и, взяв расчёску, начала расчёсывать волосы, время от времени втирая в них какие-то настойки и масла. Комната наполнилась приятным ароматом эфирного масла с древесной ноткой и шлейфом сочного красного яблока. Блаженно вздыхая, девушка поднялась и пошла на кухню, приготовила себе завтрак и сварила очень крепкий, очень чёрный кофе. Выйдя на террасу своего дома, которая выходила в сад, она села на ступени.

Солнце было уже в зените, озаряя окрестности ярким светом. Допивая кофе, девушка подумала о том, что пора. Она очень не любила выходить из дома, ей было комфортно в её маленьком мире, но ситуация была такова, что необходимости никуда не девались. В принципе, по этой причине родители её и выперли из дома — чтобы она набиралась самостоятельности и перестала сидеть со своими книгами и пробирками.

— Ну что ж... Пора! — Встав и стряхнув с себя невидимые крошки, Адья вернулась в дом. — Надо значит надо!

В небольшой прихожей она обула любимые ботинки. Накинула старую потёртую коричневую кожаную куртку, которая видела уже немало на своём веку, кинула сумку через плечо. На голову натянула глубокий капюшон-накидку, в котором выходила в город. Она называла его «Накидка спокойствия».

Из-за того, что она была наполовину эльфийка, её вечно разглядывали как какую-то диковинку, даже не зная того, что она полукровка. Хотя кого это когда-то волновало? Уши есть, значит эльфийка. И когда на неё главели на улице, это очень не нравилось девушке, поэтому она старалась не привлекать лишнего внимания. Свои рыжие волосы девушка заплетала в косы и закалывала в тугую гульку на голове, тоже пряча под накидкой.

Хлопнув входной дверью, Адья вышла на крыльцо и покинула свой уютный уголок. Топая по переулку, до площади нужно было пересечь ещё несколько улиц, она рассеянно бродила взглядом по окрестностям. В голове роилась куча мыслей: «Господи, что я здесь делаю? Ведь могла жить без бед и забот». Но желание помочь и спасти жизнь было тем самым, что пре-

возмогало всё и вся и было превыше всего. Выйдя на площадь и попав в мир суеты, девушка огляделась.

Мирно спешащие люди... При одном упоминании о них защемило в груди, и носки ботинок неосознанно повернулись в их сторону, но девушка пересилила себя и отвернулась. По своим делам спешат все вокруг, и никого не заботят чужие проблемы. У каждого были свои, и он старался их решить. На площади было очень шумно и весело, да только девушка знала, чего хотела, и двинулась в заданном направлении. Скользнув в переулок за таверной «Закуски Маркуса», она медленно шла к старому знакомому её родителей — господину Короксу.

Он был выходцем из семьи клана Гор Лейр. Это был старый полукровка-гном, обладавший очень интересной магической способностью — поиском любых ингредиентов для создания зелий. «Клеверок», так его прозвали в клане Лейр. Старичок был неприятный и ворчливый, как и все гномы, но к семейству Адью относился хорошо, и девушка не стеснялась пользоваться его расположением. В каждом семействе большого клана Лейр было что-то уникальное. Бывало, рождались дети абсолютно обычные, совсем без способностей или с заурядными, но иногда рождались дети с очень уникальным даром, и тогда старейшины клана берегли их как зеницу ока. В этом как раз и не повезло Адье.

Покинуть родовое гнездо удалось только с большим скандалом, и то она знала, что практически каждый день за её домом наблюдают члены клана Лейр. Но они не вторгались в личное пространство, поэтому девушка старалась этого не замечать. Старейшины очень боялись, что с ней что-то случится, потому что её дар был слишком уникален даже в своей уникальности. Девушка иногда думала, за что ей такое счастье выпало и что она предпочла бы родиться обычным ребёнком.

Сначала Адью хотели просто запрятать, закрыть, чтоб, не дай бог, с ней что-нибудь не случилось или она не попала не в те руки. Но родители пообещали, что научат своего ребёнка уму-разуму и как правильно защищать себя. И только когда она пройдёт испытание, ей будет позволено покинуть клан для самостоятельной жизни. Но если она не справится, тогда её возьмут под опеку старейшины клана Лейр.

Каким-то чудом и изнуряющими тренировками ей удалось перенять всю науку родителей и понять, что первоочередная задача — это сохранять инкогнито и не выдавать свои способности, иначе это повлечёт массу проблем. В первую очередь для неё, потому что, если кто-то узнает о них, на Адью начнётся охота даже чистокровными эльфами. Они наплюют на всё для достижения своей цели.

Проблема разразившейся эпидемии в трущобах заставляла девушку принять участие. Она чувствовала, что должна помочь, хоть и очень рисковала. И из-за ощущения, которое грызло как червь уже несколько дней, она не находила себе покоя, понимая, что должна сделать важное. Все эти мысли крутились в её голове, пока она двигалась по переулку.

Обычно девушка срезала дорогу в этом месте: ведь если перемахнуть через стену тупика, можно сократить путь больше, чем наполовину. Но сегодня удача была не на её стороне, и услышав возню и тихий скулёр в переулке, девушка решила не рисковать и бесшумно взобралась на крышу соседнего дома, с которого открывался отличный обзор на тупик. Немного пригнувшись, она осторожно двинулась в сторону звуков и успела к концу представления, в котором увидела, как парень отправил в беспамятство второго мужчину.

«Хм, как интересно всё», — подумала девушка, но её внимание привлекла парочка детишек, которые жались к парню. Вдруг парень поднял малышку на руки. Адья почувствовала, что её как магнитом потянуло в их сторону, и, бесшумно спрыгнув, она оказалась между лежащими и троицей.

— Я не буду спрашивать, что здесь произошло, а спрошу лишь одно... Кому-то нужна помощь? Кроме них. — Она махнула в сторону лежащих.

Внимательный взгляд пробежал по парню, у которого она не увидела серьёзных травм. У мальчика тоже было всё в порядке, он был просто сильно напуган. Но, обратив внимание на девочку, она еле удержалась, чтобы не подлететь к ней, и даже блеск пистолета из кобуры, который она уловила, не помешал бы ей. Левое колено кровоточило и опухло, гримаса боли, которую та прятала за несмелой улыбкой, искажала заплаканное лицо. Не делая резких движений, Адя развела руки в стороны, показывая, что безоружна, и произнесла:

— Разреши осмотреть детей? Я не причиню им вреда, — бросив мимолётный взгляд из-под накидки на парня, сказала девушка и замерла.

25 мая, 12:20. Неподалёку от центральной площади. Николас Грейхарт.

Солнце уже всю освещало улицы Демгрейва, наполняя город привычной суетой. Одни спешили на работу, другие открывали лавки и магазины, а третьи, уставшие от ночных гуляний, ковыляли к ближайшим тавернам за новой порцией огненной воды. Для Николаса утро началось на плацу, где их сержант-наставник повёл отряд на патрулирование. Сегодня им выпала честь охранять центральную площадь — участок, который обещал быть «лёгким и спокойным».

Отряд из четырёх человек возглавлял сержант Майк Линковски, тридцатилетний ветеран с суровым характером и солидным опытом. За его плечами были не только походы на Чёрные Тропы, но и множество схваток с бандитами и другой нечистью. По совместительству он был ещё наставником и учителем для молодых бойцов. Сержант старался изо всех сил вбить в их дурные головы, как правильно вести службу и не сдохнуть в этом тяжёлом мире.

Два других стражника — братья Александр и Павел Михайловы — были родом из того же Бедного района, что и Николас. Александр, крепкий и немного грузный, специализировался на огнестрельном оружии, тогда как его младший брат Павел, худощавый и ловкий, стал настоящим мастером фехтования.

Патруль двигался уверенно, наблюдая за горожанами и чётко выполняя свой маршрут. Однако спокойствие ненадолго покинуло ряды, когда Александр, не удержавшись, нарушил тишину:

— Сержант, разрешите спросить? — начал он с напускной серьёзностью.

— Говори, — буркнул Линковски, не оборачиваясь.

— Может зайдём в трактир? Мы с утра и крошки в рот не брали. Там рядом есть одно местечко — кормят дёшево, но вкусно! — с притворной невинностью продолжил Александр.

— Да! — подхватил Павел. — Там такая курочка, что, съев, почувствуешь себя небожителем. Даёт силы даже мёртвому.

— Я же говорю, — не унимался Александр, — за пару медяков накроют такую поляну, что на целый день хватит!

Майк устало вздохнул, пытаясь игнорировать доводы братьев. Благо ещё Николас молчал. Но, будто назло, ветер донёс до них аромат свежее испечённого хлеба с чесноком, отчего желудок Майка предательски заурчал.

— Сержант, не мучьте себя! Вон, ваше урчание слышно на всю улицу, — с улыбкой подколол Александр.

— Ладно! — сдался Линковски, остановив отряд. — Полчаса. Александр, води нас в свою харчевню.

— Есть! — радостно воскликнул Александр и оживлённо повёл отряд к ближайшей таверне с вывеской «Закуска Маркуса».

Трактир оказался небольшим заведением, но не менее уютным. Утренний час обеспечивал почти пустой зал, где играла тихая музыка от гитары барда, а из кухни доносились аппетитные запахи и шкворчание готовящихся блюд. Солдаты заняли стол у окна, и к ним тут же подошла молодая официантка в клетчатом сарафане и белом фартуке.

— Доброе утро, господа! Меня зовут Мишель, — девушка подошла ближе к столику, мило улыбаясь. Её глаза слегка сверкали, от падающих лучей солнца, отчего её выражение лица было ещё милее. — Что будете заказывать?

Недолго думая, сержант выбрал яичницу с колбасками и тёмным пивом, братья — тушёную говядину с сидром, а Николас — жаркое из овощей и кружку медового эля.

— Отличный выбор! Сейчас всё будет, — сказала Мишель и скрылась на кухне.

— Сэр, разрешите после обеда зайти к аптекарю? Хочу купить лекарства для семьи. В нашем районе эпидемия, не хочу рисковать, — обратился Николас к сержанту.

Сержант, до этого погружённый в свои мысли и созерцанием аппетитной фигуры официантки, от которой с трудом отвёл взгляд, когда она наклонилась за подносами, открывая взору то, что должно быть скрыто, посмотрел на Николаса и кивнул:

— Хорошо. Только быстро.

— Спасибо, сэр, — ответил Николас, украдкой глянув в окно. Там мелькнули двое детей, похожих на его брата и сестру.

«Нет, показалось, — подумал он, отворачиваясь от окна. — Я же сказал вчера сестре никуда не выходить и присматривать за братьями, а им — слушаться её и помогать по дому. Порядок, сам себя не наведёт. Тем более, что эти мелкие паршивцы умудрились наворотить дел, рассыпав мешок муки, помогая его перенести. — Николас тяжело вздохнул, но уголки рта слегка приподнялись. Он пригладил рукой свою бороду и расслабив плечи, успокоился. — Нет, Анна не могла меня послушаться, а мне нужно уже отдохнуть. Эта работа точно загонит последний гвоздь в крышку гроба». — он снова взглянул на улицу, но оба ребёнка забежали в переулок, скрываясь из виду.

Тем временем через двадцать минут Мишель вернулась с заказом. Её голос был как бальзам для оголодавших мужчин:

— Приятного аппетита, господа!

Она поставила на стол тарелки с горячими блюдами и незаметно передала сержанту записку. Николас заметил эту деталь, но не стал задавать лишних вопросов. Через минуту из комнаты персонала вышла миловидная девушка, она поправила свои чёрные волосы и бросив короткий взгляд на зал, встретила взглядом с Николасом и быстрым шагом покинула трактир.

Майк раскрыл тайную записку и, прочитав её, слегка улыбнулся.

— А я гляжу, наш сержант времени зря не теряет. Да и правильно, возраст даёт уже знать... — заржал Паша и принялся уминать свой завтрак.

— Ах ты зараза такая! Я ж тебе сейчас по твоему пустому котелку этой тарелкой заряджу! — пригрозил ему Майк, но все понимали, что за этой грозной тирадой скрывалась добрая душа.

Спустя час все закончили с приёмом пищи и направились на выход. Животы были набиты до краёв, и теперь с полным удовлетворением можно было продолжить патрулирование.

Патруль, на удивление был очень спокойным. Всё шло своим чередом. Горожане шли по делам, торговцы продавали товары, дети сновали мимо прохожих, пиная камни по мостовой. Несколько часов в патруле пролетели так быстро, что и не заметили. Смена уже подходила к концу, как, проходя чуть дальше по улице, Николас краем глаза заметил в одном из переулков странную сцену: мужчина в плаще стоял рядом с девушкой, склонившейся над ребёнком, а неподалёку лежали два неподвижных тела.

— Сэр, там что-то странное, — сказал он, указывая на переулок. — Разрешите проверить?

Майк на мгновение прищурился, оценивая обстановку, и кивнул:

— Иди. Павел, с ним.

— Есть! — откликнулся Павел.

Николас и Павел направились к переулку, готовя оружие. Чем ближе они подходили, тем явственнее Николас видел, что происходит. Мужчина в плаще выглядел опасным, а девушка держалась уверенно — её жесты говорили о том, что она помогает раненой девочке. Рядом стоял мальчишка, прижавшийся к мужчине, явно испуганный. Лиц детей и девушки не было видно, а вот лицо молодого человека было заметно прекрасно. Оно было полно решимости и гнева.

Позади этой сцены лежали два офицера в луже крови. Издалека было непонятно, живы они или без сознания. Николас почувствовал, как адреналин наполняет тело. Обстановка была напряжённой, ситуация могла выйти из-под контроля в любой момент. Он посмотрел на не менее удивлённого Пашу и кивнул ему, давая понять, что готов к действию. Тот ответил взаимным кивком.

— Всем стоять! Никому не двигаться! — его голос прозвучал резко, как удар грома. Вытащив меч, Николас шагнул вперёд, готовый к любой реакции.

25 мая 13.00. Центральная площадь. Румер Гил.

Румер скептически смотрела на две приличного размера корзины, которые стояли перед ней. Нет, она, конечно, справится, но сколько они весят?! За раз дотащить столько на своём горбу — то ещё удовольствие. Мысль о том, чтобы соорудить что-нибудь из Нефи себе в помощь, девушка отмела: она слишком маленькая, хоть и сильная, но прежде всего её не стоит светить лишний раз...

Заметив поджатые губы и сомневающийся взгляд, торговец сочувствующе посетовал:

— В этот раз много, уж прости. Маркус тебе ничего не сказал, да? Вот же старый лис! А ведь всегда тебя присылает! Но ты не переживай, я тебе Беннета в подмогу дам.

Девушка наконец выдохнула и улыбнулась:

— А вот за это спасибо!

Вскоре Румер шагала по улице вместе с жилистым блондинистым парнем лет двадцати, который нёс обе корзины так, будто они ничего не весили. Беннет помогал ей уже не впервые, и вообще, казалось, всегда был очень рад, когда она заходила. Обычно от людей чувствовалось какое-то скрытое сомнение, даже если в целом они могли быть весьма милы и радушны. Наверное, из-за руки — вид у неё и правда был жутковатый. А Беннету на это было всё равно.

— Суров старик Маркус, — заметил парень, впечатывая каблуки в мостовую, — мог бы и пожалеть тебя. Ты же девушка всё-таки.

Румер покосилась на него и хитро улыбнулась:

— А не потому ли суров, что знает: ты наверняка меня проводишь и дотащишь добрую половину?

— Каков плут, однако! — негромко возмутился парень, отводя глаза и перехватывая корзины поудобнее. — Ну... В общем-то так и есть, что греха таить...

— Да я-то не против, только что у тебя и без меня работы полно.

— Работа от меня не убежит, а вот ты — да. — Беннет лукаво прищурился, оглядывая девушку с головы до ног. — Старик ведь тебя даже в зал не пускает, только когда совсем народу тьма...

— А куда мне в зал с такими-то руками? — Румер покрутила перед собой левой рукой. — Народ пугать? И без того косятся... Вот тебе — пофиг, ты не суеверный. Так что с тобой хоть поболтать можно. Ты-то мне все уши не прожужжишь про широкие плечи стражников и про то, как тебе замуж охота!

— Это ты про Мишель? — залиvisto рассмеялся Беннет. — Да уж, она у вас та ещё штучка! Кстати, о стражниках. Ты слышала, что сегодня казнят тех, кто продался бандам? Подумать только, тринадцать жизней за горсть монет... Гады!

— Так ведь справедливо. Как говорят: собаке — собачья смерть.

— Ага. И ведь наверняка такую шваль даже в Големы не возьмут потом, только башку снесут почём зря... — с досадой вздохнул парень. — Хотя они не первые. В прошлом году тоже было несколько, помнишь?

— Конечно, помню, — нарочито язвительно ответила Румер, соорудив недовольное лицо. — Как вчера же было, ну!

— Прости, Руми, вырвалось...

Руми... Нечасто её так называли. Что-то тёплое, как одеяло или чужая куртка в холод... Хотя от этого «Руми» почему-то становилось немного грустно, как будто она протягивала руки к тому, что ей не принадлежит. От этого чувства Нефть внутри беспокойно заворочалась. Она постоянно ощущала малейшие изменения в настроение хозяйки и всячески пыталась показать это своим поведением. То брыкнется, то спрячется, а бывало, что мечется по всему телу, не найдя себе места.

Торговец жил недалеко от площади, а за будничной болтовнёй путь обратно стал и без того короче — они и не заметили, как пришли. Занеся корзины внутрь, Румер вышла на улицу проводить парня. Она уже было открыла рот, чтобы поблагодарить за помощь, но в этот момент из-под колёс проезжающей мимо телеги вылетел камень и от ricochet от стены, летя прямо в лицо Беннету.

Девушка бессознательно бросилась вперёд, распахивая ладонь — Нефть выпорхнула, но раскрыться щитом не успела — бровь всё-таки рассекло. Парень схватился за лицо, посылая вдогонку вознице крепкие ругательства.

— Ты как, цел? Голова не кружится? — Румер обеспокоенно разглядывала Беннета, убирая со лба слипшиеся покрасневшие пряди. Рана, к счастью, была небольшая. — Может, к аптекарю сбегать?

— Да ладно, и так сойдёт. Не уличная драка же...

Нефть проскользнула под пальцами, возвращаясь обратно в ладонь, но случайно задела парня и втянула вместе с собой несколько багровых капель, попавшихся ей на пути. В эту секунду Румер как будто огрели чем-то тяжёлым. Мысли смешались; в голове, как в калейдоскопе, стали складываться какие-то мрачные картинки с каменными стенами, разбросанными кельмами и киянками, лежащими вповалку истощёнными людьми и чем-то бесформенным, и отвратным, снующим посреди этого бедлама... Девушка зажмурилась, взвизгнула и затрясла головой — до чего ж мерзотные виды! Только ощущение чужой руки на запястье привело Румер в себя.

— Так вот в чём дело... — тихо произнёс Беннет, сжимая пальцы крепче и отстраняя ладонь девушки от своего лица. — Тогда понятно, что имел в виду твой старик, когда говорил, что ты странненькая, как и все Гилы... — Он помолчал и добавил, опустив глаза: — Чёрт, Руми! Я вроде не трус, но у меня от этой хреновины мороз по коже! Пожалуйста, не доставай её больше! И вообще, будь осторожнее. И стража, и люди — один фиг; если узнают — сожрут и не подавятся.

Парень убедил её, что с ним всё в порядке и помощь лекарей ему не нужна, распрощался, и Румер осталась стоять одна. Глядя на удаляющуюся спину, девушке стало ужасно грустно. Пнув несчастный камешек, она засунула руки в карманы и медленно зашагала по улице, глядя себе под ноги. «А хорошо, что можно спрятать лицо за копной волос...»

Пустота внутри заполнялась какой-то безысходностью — даже самые стойкие и безрасчётные сдаются под давлением того, что понять не могут. «Значит, даже он боится. И вроде не отвернулся, а доверие как будто треснуло...» Останется ли хоть кто-то и дальше? Чувство досады и разочарования начинало захлёстывать.

Порыв ветра донёс из переулка липкий сладковатый запах. Нефть заметалась внутри руки и стала настойчиво тянуть туда. Странное, новое ощущение. Ну, хотя и чужую кровь она сегодня попробовала впервые.

Румер услышала голоса — несколько мужских, пару детских и женский. Девушка сделала ещё пару шагов и отпрянула назад — стальная броня и щит? Городская стража?! Ещё и сразу двое?! «Твою ж... только этого счастья не хватало! И ещё два стражника лежат в стороне, в луже крови... Хах, тогда понятно, что тут так понравилось Нефти...»

Румер решила не отсвечивать и понаблюдать из тени, что же здесь такое происходит.

Глава 3

«Автор»

Мир, в котором мы живём, полон случайностей — обыденных и таких непредсказуемых, что разум начинает кружиться, подобно листу с осеннего дерева, уносимый ветром.

Кто мог бы предположить, что ничтожная стычка, разразившаяся между безмозглыми солдатами и беззащитными детьми, станет той искрой, что соберёт четверых героев в одном мрачном уголке этого безжалостного города? Ха! Не обманывайтесь, полагая, что произойдёт нечто величественное, что они вдруг ощутят друг друга, как будто невидимые нити судьбы свяжут их воедино. Нет-нет-нет! Они всего лишь жалкие обыватели, потерянные в бездне Демгрейва, где каждый шаг отдаётся глухим эхом, в предвестие чего-то ужасного.

Если бы их можно было с кем-то сравнить, то это были бы грязные свиньи, с наслаждением валяющиеся в зловонной грязи, не осознавая, что их существование — лишь капля в океане страданий. Они ничто, ничтожества, жалкая пыль на мостовой, и дышат лишь потому, что никому до них дела нет. Пока что... Ха-ха-ха!

История, как зловещий вихрь, закручивается в мрачные глубины. Четверо, связавшие свои судьбы в этом безумии, стоят на краю пропасти, и лишь тень собственной души отражается в их глазах. Каждый из них, похож на хрупкую марионетку в руках судьбы, и каждый должен осознать, что выбор — это не просто решение, а вопрос жизни и смерти, что доверие — это хрупкий хрустальный шар, который может разбиться от одного неверного движения. Кто из них друг, а кто враг? В мрачном лабиринте, где каждый шаг может привести к предательству, они должны быть осторожны. Вокруг них шепчут тени, и в этих шёпотах скрываются тайны, которые могут поглотить их целиком.

Даже среди них есть тот, чьё присутствие вызывает холодок на спине. Он — тот, с кем связываться страшнее, чем оказаться на Чёрных Тропах в одиночку. Его смех, подобен треску сломанных костей, который раздаётся в тишине, и каждый его шаг отзывается эхом в воздухе. Он знает, что значит жертвовать всем ради своей цели, и его намерения могут разрушить мечты и надежды.

«Как сохранить свою кожу?» — этот вопрос терзает разум, из раза в раз каждую ненасытную душонку. Вы должны думать, сомневаться, предавать и разрушать, чтобы выжить в этом безумном городе. Каждый из них — это живое воплощение страха и надежды, а их мимика отражает внутренние терзания: глаза, полные ужаса, губы, сжатые в тонкую линию, и руки, дрожащие от напряжения.

— Помните, — шепчет он, отчего голос звучит как шорох мертвеца, — либо ты их, либо они тебя. Ха-ха-ха! Чего так напряглись? Я же просто шучу, раздуваю из маленькой тени целую бездну мрака. Или... всё же нет? Ха-ха-ха! Время покажет! Обязательно покажет!

Район Шёлковый угол, пристанище банды Тихий Шёпот.

— Шин, ты, вероятно, понимаешь, зачем я тебя вызвал? — не спеша произнёс мужчина средних лет, облачённый в строгий чёрный костюм, приближающийся к идеалу, с густой бородой, подстриженной с аккуратностью, присущей лишь внимательным людям. Его голос был глубоким, почти обволакивающим, похожий на морской бриз в жаркий день.

Помещение оказалось полутёмным — окна были завешены плотными шторами, впускающими лишь немного света от ярких ламп, разбросанных по углам. Эта холодная и слегка угнетающая атмосфера обвивала собеседников, подобно паутине. Сильные, искривлённые пальцы мужчины забарабанили по поверхности массивного стола с мелодией, напоминающей тревожный сигнал. На столе отдыхали три пистолета, как гвардейцы, дожидаящиеся своего часа.

Бледно-зелёные глаза Шина скользнули по лицу собеседника, который сосредоточенно курил трубку из слоновой кости — дым медленно поднимался вверх, извиваясь и смешиваясь с напряжённой атмосферой. Его взгляд задержался на пистолетах, их холодная сталь была почти броской на фоне тёмного дерева стола.

— Могу предположить, что это связано с нашей стычкой, — сказал Шин, держась уверенно, несмотря на внутреннее волнение. Он скрестил руки за спиной, стараясь показать собственное спокойствие, но пульсирующая вена на шее мешала сосредоточиться.

— Мистер Ландвик, Босс, вы же как никто другой должны понимать, что это была необходимая мера. — его губы растянулись в ухмылке, но в этой улыбке проскользнуло другое. Даже в этот момент он не торопился показать полное уважение. — Кривоzubые шавки будто забыли своё место и решили, что раз они на своей территории, то им всё можно.

Шин нарочито наблюдал за реакцией Ландвика, склонив голову; улыбка юноши несла в себе толику презрения.

— Сожалею и понимаю ваш гнев, — произнёс он издевательски, — ведь в том столкновении мы потеряли четырёх крепких ребят. Пускай земля им будет пухом. — В его голосе было что-то неискреннее, как будто он играл роль, где скорбь — просто очередной реквизит.

Мистер Ландвик приподнял бровь, его лицо бледнело в свете ламп, и он выдохнул облако серого дыма, делая паузу, которая длилась целую вечность. На мгновение в комнате повисло молчание — шум его барабанивших пальцев по столу стих, и лишь шипение трубки нарушало это напряжение. Затем он внезапно рассмеялся; его смех был громким и заразительным, как если бы он только что услышал отличную шутку.

— Чёрт с ними, с людьми! — хохотал он, прищулив глаза, словно пытаясь угадать, что повергло его в такой смех. — Как ты там сказал? «Кривоzubые шавки»? Шин, мальчик мой, ты не перестаёшь меня веселить!

— Босс, так вы не злитесь? — с лёгким нервным смешком поправил галстук Шин.

— Злюсь?! Ха-ха, как же мне прикажешь злиться на тебя? — Ландвик улыбался, но это была улыбка павлина на фоне дремлющего хищника. — «Кривые зубы» потеряли людей и деньги! Но главное — их авторитет и положение дали трещину. Их люди проиграли на собственной территории! Ха-ха-ха! Святые угодники, как это уморительно... Програли на своей земле!

— Очень рад, что вы довольны, Босс, — Шин поклонился, его голос стал чуть более уверенным.

— Доволен? Я счастлив! — Мистер Ландвик проявил невинность столь мастерски, что любой собеседник мог усомниться в его истинной сути. Но Шин знал, что за этой маской скрывается хладнокровный разум тёмного мира.

После того как наконец насытился смехом, Ландвик удобно устроился в кресле и принялся забивать трубку свежей порцией табака, время от времени забрасывая взгляд на Шина.

— Ты и твои люди отлично постарались, — продолжил он с лёгкой улыбкой. — Но потери есть потери! Поручаю тебе найти рекрутов. На горизонте появилась возможность раздавить одного из наших главных конкурентов, и мы её не упустим! Однако нужны люди — умелые ребята. Хотя... — он задумался, потянувшись к трубке, — бродяги тоже сойдут, но лучше поищи действительно способных. Среди молодёжи сейчас таких много. Возможности подзаработать они точно не упустят!

— Слушаюсь, Босс! — кивнул Шин. — Это всё?

— Да-да, — отмахнулся Ландвик, погружённый в свои мысли, — Можешь идти.

Шин ловко развернулся на каблуках, оставляя за собой тень, и покинул кабинет главара. Он с лёгкостью шагал по лестнице вниз, размышляя о предстоящих планах и о том, что за всей этой комедией на самом деле стоит слишком много крови и боли. Однако, что они могут значить, если деньги запросто покрывают эти незначительные мелочи.

Не успел юноша спуститься в главный холл, как к нему стремительно подскочила молодая девчушка Карина. Её светлые волосы развевались, как флаги на ветру, а глаза, полные тревоги, сверкали, отражая свет, проникающий сквозь высокие окна. Она была одной из его приближённых: верная, красивая, способная и умная. В её присутствии всегда ощущалась искра, которая притягивала к ней людей. Шин знал, что такая девушка — весьма выгодное вложение, одно из лучших, что он когда-либо делал.

— Шин! У нас проблемы! — воскликнула Карина, её голос дрожал от волнения, а губы слегка подрагивали. Она сделала шаг вперёд, и в её взгляде читалась чистая паника, будто весь мир вокруг неё рушился. — Марка убили!

Слова, произнесённые с такой силой, сродни удару грома, заставили юношу замереть. Он почувствовал, как холодок пробежал по спине.

Административный район. Главное управление городской стражи.

По коридору мчался солдат охранного гарнизона. Его дыхание было прерывистым, а сердце колотилось так, будто пыталось вырваться из груди. Он ввалился в кабинет капитана, где старый лейтенант Ларгус, первый заместитель капитана стражи, погружённый в документы, вздохнул, снимая очки и протирая глаза, полные усталости и недовольства.

— Лейтенант! — воскликнул солдат, его голос звучал как тревожный колокол. — У нас гостья! Влиятельная гостья!

Взгляд старого командира на мгновение стал удивлённым, но затем вновь принял выражение усталого безразличия. Он поднял одну бровь, недовольно глядя на солдата, который, казалось, был пропитан страхом. Его руки дрожали, а губы едва сдерживали нервные всхлипы, словно он столкнулся с самой смертью.

— Что с тобой? — спросил лейтенант, его голос был строгим и требовательным. Отчего трясёшься, как травинка на ветру?

— Лейтенант, т-там... там... — солдат запнулся, его голос дрожал, как осенний лист.

— Хватит мямлить. Докладывай! — рявкнул лейтенант, его терпение иссякало.

Парнишка сглотнул, его глаза расширились от ужаса.

— Госпожа Анжелика здесь...

— ЧТО!?! — проорал мужчина, ударив кулаком по столу с такой силой, что стражник замер, выпучив глаза. — Эта бестия здесь?! И почему я узнаю об этом только сейчас?!

Солдат задрожал ещё больше, его зрачки округлились, а ноги затрусили, будто он стоял на краю пропасти.

— Лейтенант, она прибыла так неожиданно, — произнёс он дрожащим голосом. — Мы и заметить не успели, как она уже шагала по коридорам.

— Твою мать! — гневался старый лейтенант, его лицо покраснело от ярости. — Чего этой суке здесь надо!?

Солдат озадаченно пожал плечами, не в силах ответить на этот вопрос.

— Как невежливо, Ларгус! — раздался мягкий женский голос.

В комнату вошла Анжелика. Её тело, состоящее из белоснежного пара, плавно колыхалось, а одежда, прикрывающая лишь самые интимные места, казалась продолжением её сущности. Она была помесью человека и духа воздуха, и могла принимать как человеческий облик, так и облик духа. Анжелика была белой розой в саду гнилых растений — сказочно красива и опасна. В свои двадцать три года она уже была командиром королевской гвардии, что добавляло к её и так отвратительному характеру ещё больше напускной важности.

Старый лейтенант не любил, когда она заглядывала. Она была сущей стервой. Для него было бы лучше дважды обойти весь город, чем разговаривать с этой женщиной. Тяжело вздохнув, лейтенант приложил пальцы к глазам, пытаясь подавить нарастающее раздражение.

— Чего тебе надо, Анжелика? — произнёс он, холодным и безжизненным голосом, который был направлен в сторону этой женщины, но девушка величаво проплыла по комнате, совершенно не замечая этого брезгливого отношения, и легонько коснулась щеки напуганного солдата холодной ладонью. Её улыбка была милой, но фальшивой, как и всё её существо. Затем она подошла к столу, сверкая глазами, и произнесла:

— Мне нужен Николас Грейхарт!

Ларгус удивлённо смерил её взглядом. Он ожидал любого требования или приказа, но не такого. Зачем этой гримзе понадобился Николас?

— Зачем он тебе? — заинтересованно спросил он, и в его голосе прозвучало явное недоумение.

— В ряды королевской гвардии нужны рекруты, — невзначай ответила девушка, осматривая свой маникюр с полным безразличием. — Я давненько присматривала достойных кандидатов, и мистер Грейхарт как раз подходит под это описание.

— Его здесь нет, — покачал головой лейтенант. — Он сейчас на патрулировании, вернётся через пару часов. Тебе лучше зайти в...

— Вот как, — не дала договорить Ларгусу девушка. — Что ж, тогда я подожду его здесь.

Взмахнув длинными серебристыми волосами, девушка уселась на удобный диванчик, расположенный недалеко от стола. Её взгляд метнулся к бледному солдату, и, взмахнув ручкой, приказала:

— Принеси мне что-нибудь вкусенького!

На секунду солдат замешкался, но после опомнился и, отдав честь, пульей вылетел из кабинета, споткнувшись о порог.

Джеймс несколько раз успел пожалеть о том, что ввязался в разборки со стражей, но бросить детей он не мог — как после этого смел бы называть себя мужчиной? Стоило ему сделать пару шагов, как с одной из крыш прыгнула девушка в плаще. Юноша незамедлительно отступил назад, на его руках была Анна. Пользоваться своим оружием он не мог, а раскрывать козырь в виде магии не хотел.

Будь девочка одна, ему бы не составило труда в тот же момент дать дёру и скрыться, но рядом ошивался мелкий братец, что не отходил от него ни на шаг.

— Я не буду спрашивать, что здесь произошло, я спрошу лишь одно... — произнесла она с явным беспокойством, её голос дрожал, как будто она сама не верила в свои слова. — Кому-то нужна помощь? Кроме них... — девушка указала на лежащих без сознания стражников.

Её взгляд неустанно метался по ним, от одного к другому, как оценивают товар на рынке. Дилан совершенно не привлёк её, как и сам Джеймс, а вот Анна заставила нервно заохать. Она явно желала сорваться с места, только ради того, чтобы помочь малышке, но суровый вид юноши её останавливал. Немного погодя, окончательно оценив обстановку, девушка развела руки в стороны, как бы показывая, что не несёт угрозы, и понемногу начала подходить, высказав такую фразу:

— Разреши осмотреть детей? Я не причиню им вреда.

Пускай эта особа и выглядела безобидно, но Джеймс не спешил подпускать её. Какой дурак — вот так заявиться посреди потасовки с вопросами: «нужна ли кому-то помощь? Так делают крутые креативные! — пронеслась забавная мысль в его голове. — Ну или больные убудки.»

Понять, что девушка из себя представляет, особенно не получалось. Ничего примечательного в ней не было, а накидка закрывала тело и лицо, поэтому рассмотреть её как можно чётче не удавалось. Да и эмоции не слишком выделялись, словно и они чем-то скрывались.

Крайне непонятная особа предстала перед Джеймсом, но одно он заметил: она была крайне измотана. Кожа бледная и немного болезненная, только вот девушка ничем не болела.

«Она настолько измождена?» — размышлял Джеймс, осматривая кожу девушки.

— Мисс, — наконец произнёс он, косясь взглядом, — Вам бы самой выпасты не помешало. Да и порция супа не лишней была бы.

Кто бы говорил! Сам почти не спал и ничего не ел, зато геройствовать полез. Болван! Угораздило же вляпаться в такое дерьмо. Помочь хочет? Не особо-то она похожа на лекаря или целителя, скорее уж на измождённую, своим же упрямством, дурочку. Анне и вправду требовался осмотр целителя, только он был без надобности. Джеймс сам был способен залечить её раны, тем более такие незначительные, требовалась лишь капля крови девчонки. А из этого следует что, правильно, пусть эта помощница лесом идёт!

— Очень жаль, но мы в «вашей» помощи не нуждаемся! — произнёс Джеймс и уже было собирался уйти прочь, как...

— Всем стоять! Никому не двигаться! — прозвучал молниеносный приказ.

Юноша недовольно скривился и краем глаза осмотрел новых гостей. Двое стражей... Вот это просто «великолепно»! Грёбаная девка, если бы не она...

— Ёбанный свет! — злобно прошипел Джеймс. — Зачем я в это ввязался...

Вряд ли солдаты поверят в то, что он не причастен к «нападению» на их товарищей. И это крайне удручало. Положение становилось отвратительнее с каждой секундой и не в плане безысходности, а излишней мороки!

Пришедшие стражи не выглядели очень опасными, разобраться с ними труда не составит, но только зачем ему это? Тем более дети рядом... Как же трудно соображать на голодный желудок. Джеймсу хотел жрать, пить и хорошенько расслабиться с красоткой из гостиницы. Издав прерывистый вздох, он повернулся к солдатам, и в тот же момент Дилан завопил:

— Брат! — и со всех ног бросился к вперёдистоящему солдату.

Анна тоже весьма оживилась и радостно засияла.

«Сюрпризы не заканчиваются, — мысленно удивлялся Джеймс, его сердце забило быстрее от неожиданности. — Но на этот раз он крайне приятный!»

— Дилан, Анна! — солдат с бритой налысо головой и густой бородой опешил, его голос дрожал от удивления. Он явно не мог поверить, что родные оказались в таком месте. — Как вы здесь оказались?

Мальчишка радостно обнял старшего брата, его глаза светились счастьем, и на мгновение он забыл о всех заботах и ужасах, которые с ними произошли. Было видно, что вера в брата была для него крепче любого щита. Джеймс же почувствовал, как его сердце сжалось от непонимания. Он давно забыл, что значит быть любимым и нужным, когда на тебя надеются поистине близкие люди.

— Боже, что ещё за сопли! — с раздражением закатил он глаза, стараясь скрыть свои эмоции.

Юноша не желал больше находиться здесь; свою задачу он выполнил, и остальное его не касалось. Напарник, видя, что ситуация стабилизировалась, спрятал мушкет и позволил себе расслабиться. Но девушка в плаще выглядела ещё более нервной, чем при попытке помочь детям. С чего бы это? Не в ладах с законом? Или что-то другое? Пёс его знает!

Джеймс стремительно подошёл к солдату и передал девочку.

— Ей нужна помощь лекаря, — произнёс он, сдерживая эмоции, и, не дождавшись ответа, рванул прочь.

— Спасибо большое! — прокричала ему вслед Анна, и Джеймс, улыбнувшись, помахал малышке рукой.

Убегая, юноша мельком заметил в одном из переулков ту самую девушку со шрамом. Интересный шрам, но сейчас его волновали только еда и приятный вечер с привлекательной девушкой.

«В другой раз поговорим!» — мысленно произнёс он и окончательно скрылся.

Догонять его никто не стал, и это радовало. Спустя некоторое время он вернулся на площадь и направился туда, куда собирался изначально, в «Закуски Маркуса». Завалившись в заведение по-королевски, наслаждался каждым укусом и глотком. Наконец-то он заполучил то, чего так яростно желал. Ужин прошёл великолепно! Настало время десерта. Прикупив бутылочку весьма недешёвого вина, Джеймс вернулся обратно в гостиницу, где его благополучно дожидалась Вероника.

Девушка только-только закончила работу, и, увидев озорного юношу, её щёки покраснели. Она тут же подскочила к нему.

— Вернулся наконец-то! — взяв его за руки, произнесла она, её голос звучал как мелодия. — Долго же ты!

— Сожалею, — пожал плечами Джеймс, игриво улыбаясь, — возникли... кое-какие проблемы.

Вероника подозрительно прищурилась и неожиданно поднесла его руки к носу, вдыхая запах.

— Пахнет порохом, — мгновенно произнесла она, её глаза расширились от удивления. — Ты стрелял?

— Чуть-чуть, — рассмеялся Джеймс, показывая соответствующий жест.

Он сделал всего два выстрела, и после них прошло порядка трёх часов, но она так просто распознала его... Удивительная девушка! Однако Веронике мало волновала ситуация, где юноше пришлось стрелять; она желала обещанного наслаждения. Соблазнительно расстегнув пару пуговиц на своей рубашке, она взглянула на Джеймса глазами, полными желания, в которых, как ему показалось, промелькнула искра и стремительно потащила его за собой.

— Надеюсь, ты не сильно устал? — игриво прошептав, улыбнулась она.

— Устал? — рассмеялся Джеймс. — Ничуть!

— Это замечательно!

Игривый настрой подобно пожару охватил Веронику; ей хватило одной маленькой искры, чтобы загореться так, что потушить уже было невозможно. Не дойдя до комнаты пару шагов, она запрыгнула на Джеймса, обвинив прелестные, бархатные ручки вокруг его шеи.

— Милашка, — страстно вздыхая, произнесла она, — Я такая горячая. Потушишь меня?

Их губы слились в страстном поцелуе. Джеймс сжимал девушку, она была мягкой и воздушной, как облако, от неё прелестно пахло, а заводной настрой добавлял ещё большего шарма её и без того прелестной внешности. Кое-как открыв дверь комнаты, Джеймс бросил Веронику на кровать, как раз в тот момент, когда мимо номера проходила ещё одна работница гостиницы. Юношу не сколько это не смутило, он взялся за ручку двери и посмотрев на удивлённую сотрудницу произнёс:

— Мисс, прошу нас не беспокоить. — девушка понимающе кивнула и Джеймс захлопнул дверь.

Молчание парня затянулось, и Адья начала немного нервничать и злиться.

— Мисс, — наконец произнёс Джеймс, косясь на неё взглядом, — вам бы самой выпасться не мешало. Да и порция супа не лишней была бы.

Девушка, хмыкнув в голос, ухмыльнулась и спрятала свою странную улыбочку. Её накрыло желание расхохотаться как умалишённую, но она подавила смех хмыканьем. «Чёртов засранец, будет мне указывать, что делать!» — подумала она.

— Очень жаль, но мы в вашей помощи не нуждаемся! — бросил фразу парень. Как тут же следом громогласно прозвучало:

— Всем стоять! Никому не двигаться!

Парень недовольно скривился и глянул на стражей, которые появились в начале переулка и решительно приближались, на ходу обнажая оружие.

— Да чтоб меня! — сквозь зубы процедила Адья, которая и так была на пределе.

— Ёбанный свет! — злобно прошипел Джеймс. — Зачем я в это ввязался...

Того, что её обвинят в нападении на стражей, она не боялась — слишком обособленно жил её клан. Выходцев из него было много, но они обычно держали нейтралитет и не вступали в дела города и горожан. Хотя даже если и происходило что-то, власти старались решить всё миром.

Адья наблюдала за происходящим и нервно теребила край накидки, осознавая, что её мягкость опять сыграла с ней злую шутку. «Ничему меня жизнь не учит», — подумала она. Не прошло и нескольких минут, как мальчишка с криком кинулся к одному из солдат:

— Брат!

Девочка тоже весьма оживилась и обрадовалась тому, кого увидела. Мальчишка радостно обнял брата, его глаза светились счастьем, гордостью и обожанием. Джеймс стремительно подошёл к солдату и передал девочку.

— Ей нужна помощь лекаря, — произнёс он, сдерживая эмоции, и, не дождавшись ответа, рванул прочь.

— Спасибо большое! — прокричала ему вслед Анна, и Джеймс, улыбнувшись, помахал малышке рукой.

Пока парень передавал ребёнка на руки брату, Адья незаметно достала небольшой флакончик из внутреннего кармана куртки. Зажав его в руке и не вытаскивая из-под накидки, она активировала жидкость на восстановление. Магия отозвалась тёплой волной и, сосредоточившись в ладони, наполнила эликсир нужными свойствами. Глубоко вздохнув, она подошла к детям и стражу.

— На! — она протянула открытую ладонь с флаконом. — Это поможет облегчить боль. Нужно смазать, и всё пройдёт.

И, не дождавшись ответа, положила флакон девочке в передний карман платья.

— Всего хорошего! — бросила она фразу и, перемахнув через стену тупика, скрылась.

...

Усталость снова накатила на неё с новой силой, отчего она, держась из последних сил, продолжила путь за нужными ингредиентами для эликсира. Осталось пересечь ещё несколько улиц, и она на месте.

Перемахнув через очередную стену и приземлившись, Адья на минуту остановилась и поправила сбившийся набок капюшон. Не успела девушка закончить осмотр, как ощутила потребность шагнуть в сторону — и вовремя: мимо неё пролетел небольшой камушек.

— Ну, очень смешно, — произнесла девушка, поворачиваясь. — Ничего лучше не придумал?

От тени здания отделилась сущность и материализовалась в высокого светловолосого парня, который, ухмыляясь, смотрел на девчонку.

— Я подумал о том, что ты слишком расслабилась и не хочешь усваивать урок. И меня это злит! — произнёс мужчина.

Он лёгкой походкой подошёл к ней и чмокнул в щёку.

— Я тоже тебя рад видеть, моя милая, — проговорил он.

Адья посмотрела на молодого человека и, улыбнувшись, ответила ему:

— Что-то я сомневаюсь в этом!

— Да ладно тебе! — смеясь, сказал мужчина и попытался щёлкнуть её по носу. Рука девушки взметнулась вверх и заблокировала его движение.

— Анадар, брось эти детские уловки. Ты меня больше не проведёшь!

— Не Анадар, а дядя Анадар! — поправил он.

— Иди к... своим тням! — усмехнувшись, сказала девушка. — Я уже давно вышла из того возраста, когда тебя так называла.

— Адья! — обратился к ней теневики, взял за плечи и потряс. Взгляд его стал суровым и колючим, лёгкие отблески улыбки застыли на лице, а голос приобрёл металлические нотки.

— Я не хочу! — возмущённо вскрикнула девушка.

— Адья, ты должна! — нахмурившись, прошептал парень. — Ты должна, и я устал тебе это толковать! Будь серьёзней, сколько можно играть в детство? Если бы ты ещё несколько минут там простояла, я бы не сдержался...

— А какого чёрта ты таскаешься за мной? Это твои проблемы! — прошипела девушка.

— Я переживаю, глупая девчонка! — вскрикнул парень и ещё раз её встряхнул.

— А ты не переживай, нервов не хватит! — сбросив его руки, сказала она. — И как тебя только старейшины отпустили?!

— Меня временно заменяет Яор, он со всем справляется, — ответил мужчина.

— Чайни тоже с тобой? — спросила девушка и улыбнулась.

— Да разве от него можно избавиться, если речь идёт о тебе, — засмеялся Анадар.

— И вы всё это время?! — удивлённо вскрикнула Адья.

— Да-да-да-да-да, — ответил Анадар. — Таскались за тобой в тень, прикрывая твой зад.

— Знаешь что? Идите вы оба в задницу! — вскрикнула она, развернулась и пошла прочь, зло чеканя шаг.

— Тебе не избавиться от нас! — засмеявшись, крикнул ей в спину молодой человек и, шагнув в тень, снова растаял.

...

Адья шла по улице в сторону аптеки и думала о том, что ей не избавиться от тотального контроля людей, которые за неё переживают. «Они меня маленькой считают?! Как же это бесит! Ну и пусть ходят за мной, лишь бы не мешали», — решила про себя девушка. Срезав путь через очередной тупик, она увидела в конце улицы аптекарскую лавку.

— Ура! Конец моим мучениям! — радостно прошептала она себе под нос и ускорила шаги.

Увидев заветную дверь, Адья уже почти бежала. Она так вымоталась событиями с детьми и неожиданной встречей с Анадаром, что казалось — ещё немного, и она упадёт от усталости и желания заснуть прямо на мостовой.

Толкнув дверь, она вошла в аптеку и с удовольствием вдохнула приятный запах трав, эликсиров и миктур, но нотка этилового спирта подпортила настроение. Сердце забило быстрее, и улыбка на лице немного подувала. «Чтоб его!» — подумала девушка, но отогнала грустные мысли.

Колокольчик звякнул при её появлении, пропуская вглубь помещения, и лицо Адьи стало ещё кислее, когда она увидела, кто стоит за стойкой.

— Ух ты ж... твою мать! — шепнула она себе под нос.

Этот эталон красоты будоражил сотни женских сердец, но на Адью не производил никакого впечатления. Красивый темноволосый парень с серыми глазами улыбнулся ей поверх очков и плотоядно уставился на девушку. Свой зелёный капюшон она надевала не первый раз, и Энэй точно знал, кто к нему пришёл...

— Я к дядюшке! Справлюсь без тебя! — произнесла девушка, перебив приветствие парня.

— Ты, как всегда, сама прямолинейность, — ответил он, продолжая улыбаться и, как дурачок, пускать слюни, глядя на неё.

«Я бы тебе с удовольствием врезала, как меня учил Анадар», — подумала девушка, но вслух сказала:

— Я по делу, а это важно, и время тоже, — пояснила она Энею, как деревенскому дурачку. — Ты меня задерживаешь. Поболтай с кем-то другим!

Взгляд парня немного потух, и улыбка стала растерянной.

— Ну хорошо, я всё понял, понял, не показывай свои острые зубки! — примирительным тоном произнёс парень.

И, подняв столешницу, он пропустил Адию вперёд. Девушка зябко передёрнула плечами: она прям всеми фибрами души ощутила сальный взгляд Энэя, благо накидка скрыла этот жест, и уверенным шагом пошла вдоль полок.

— Куда идти, ты же знаешь, а то могу проводить, — выкрикнул в спину парень.

— Да нет, я уж как-нибудь сама, — прошипела девушка. Дорогу она прекрасно знала, потому что выросла в этом заведении и помнила каждый его закоулок.

Николас стоял, крепко сжимая рукоять меча, готовый в любую секунду сделать выпад. Каждый мускул его тела был напряжён, как натянутая струна, готовая лопнуть от малейшего звука. Холодный, цепкий взгляд был прикован к двоим незнакомцам. Павел стоял рядом плечом к плечу, держа мушкет наготове; дуло оружия застыло, целясь в грудь неизвестного в плаще. Атмосфера в переулке была накалена до предела. Запах сырости и крови смешивался с неприятным ощущением надвигающейся беды. Николас понимал: секунда промедления или одно резкое движение — и этот тупик захлебнётся в новом кровопролитии. Больше всего на свете он хотел избежать схватки здесь, где находились напуганные дети. «Главное, чтобы они не пострадали...» — лихорадочно билась мысль в его голове.

Парень в плаще, стоявший напротив, не выказывал и тени страха. Напротив, он излучал пугающую уверенность. В его манере стоять, в том, как он изучает своего противника, а мы для него были именно ими. Он был совершенно другого уровня по сравнению с обычными уличными пройдохами или мелкими воришками. Николас сразу узнал этот типаж — перед ним стоял профессионал, хищник, зверь, способный действовать быстро и беспощадно. Но в следующую секунду мир перевернулся.

Из-за спины мужчины в плаще показался маленький мальчик. Его большие глаза, полные первобытного ужаса, внезапно обрели другие эмоции: от удивления и шока, до радости и встречи с тем, кого так хорошо знал. Николас встретился с ним взглядом и в одно мгновение вся ярость и напряжение исчезли, уступив место ледяному онемению.

— Этого не может быть... — едва слышно прошептал Николас, чувствуя, как слабеют ноги.

Его мысли были прерваны отчаянным, захлёбывающимся радостью криком:

— Брат!

Дилан рванул с места, спотыкаясь и едва не падая. Он бросился к Николасу, обхватив его руками с такой силой, будто боялся, что если отпустит, то брат растворится в полуденном мареве.

— Дилан... — только и смог вымолвить Николас, не в силах пошевелиться.

А затем его взгляд упал на девочку. Она повернула голову и это была его маленькая сестра, Анна, которая висела на руках незнакомца, как тряпичная кукла. Она была измучена, в порванной местами одеждой, лицо в кровоподтёках и ссадинах, но когда их взгляды встретились,

лись, на её губах расцвела слабая улыбка облегчения. Шок накрыл Николаса с головой. Павел, всё это время державший палец на спусковом крючке, растерянно опустил мушкет, глядя на эту сцену в полном оцепенении.

— Дилан, Анна! — наконец выдавил Николас, дрожащими руками убирая меч в ножны. Он крепко прижал к себе брата, чувствуя, как того колотит мелкая дрожь. — Как вы... Как вы здесь оказались?

К нему подошёл парень в плаще и осторожно, почти бережно, передал избитую Анну на руки Николасу. Голос незнакомца прозвучал низко и сухо:

— Ей нужна помощь лекаря. И быстро.

Не дожидаясь ответа или благодарности, парень резко развернулся. Его плащ взметнулся, и через мгновение он стремительно скрылся в конце переулка.

— Спасибо большое! — успела прокричать ему вслед Анна, из последних сил махнув рукой. Джеймс лишь коротко вскинул ладонь, помахав на прощание.

В этот момент из тени выступила девушка в накидке. Она двигалась на удивление бесшумно, ступая так, что её шагов было практически не слышно. Быстро оценив состояние Анны, она подошла вплотную, игнорируя направленные на неё взгляды стражников.

— На! — коротко бросила она, протягивая небольшой флакон. — Это поможет унять боль и остановить воспаление. Нужно смазать раны, и всё пройдёт.

Не дожидаясь согласия, девушка аккуратно вложила флакон в карман платья Анны. Её глаза на миг сверкнули из-под капюшона, прежде чем она добавила:

— Всего хорошего.

Одним ловким движением она вскочила на ящики и, перемахнув через высокую стену тупика, бесследно исчезла.

Николас тяжело выдохнул, чувствуя, как наваливается свинцовая тяжесть. Появление детей в центре города, в эпицентре стычки, было подобно грому среди ясного неба. Он опустился на одно колено, стараясь как можно осторожнее осмотреть Анну. Девочка тихо улыбалась, хотя каждое движение отдавалось болью в её теле.

— Анна, — голос Николаса невольно стал строгим, скрывая за собой жгучую тревогу. — Посмотри на меня. Что здесь произошло? Я же наказывал вам носа не высовывать из дома! Почему опять меня ослушались?

Анна замаялась, её глаза забегали по переулку, но суровый взгляд брата не оставил путей к отступлению. Она шмыгнула носом и начала рассказывать, запинаясь от пережитого стресса.

— Мы... мы слышали, как соседи шептались, что на площади будут давать бесплатную еду для детей из Бедного района. Дилан так хотел есть... в-вот я и подумала, что если мы быстро добежим, то сможем поесть. Прости, Ник... — она опустила голову и опустила голову на плечо. — Когда мы дошли до рынка, то там и правда давали хлеб. Нам выдали по два батона на каждого и мы радостные побежали обратно. Но когда мы забежали за угол, эти двое в форме преградили нам путь. Они кричали, хватали нас за руки... Говорили, что мы воры, что мы украли эту еду, а потом вообще начали кричать, что мы «шпионы» каких-то банд, — её голос дрогнул, и по щекам поползли слёзы.

— Они начали нас бить! — выкрикнул Дилан, сжимая кулаки. — Аня закрыла меня собой, а они не останавливались!

Николас почувствовал, как внутри него вскипает первобытный гнев. Кровь зашумела в ушах. «Свои же... Ублюдки! Как солдаты городской стражи могут избивать детей за кусок хлеба. Суки!» — злость переполняла его, он взглянул на лежащие тела в луже крови и от этого вида, ему совершенно было не жаль их. Он сдержал рычание, чтобы не напугать Анну ещё сильнее.

— И тогда пришёл он, — Анна вытерла слёзы ладошкой. — Парень в плаще. Он появился будто из воздуха. Я сначала испугалась, думала — бандит, но он выхватил пистолет и... и выстрелил в них. Он защитил нас. А потом та девушка тоже подошла...

Тяжесть легла на сердце Николаса. Если бы не эти двое — молодой юноша и таинственная незнакомка — его близкие могли погибнуть в этой вонючей подворотне от рук тех, кто давал присягу их защищать. Он ещё раз бросил взгляд на лежащие в лужах крови тела «коллег» и сплюнул на землю. Живы они или нет — ему было плевать.

— Пойдёмте, — глухо сказал Николас, помогая Анне подняться. Лицо девочки исказила гримаса боли, но она лишь крепче стиснула зубы.

Обернувшись к Павлу, он добавил:

— Нужно доложить сержанту. И тела... их тоже нужно показать.

— Согласен, — кивнул Павел, чьё лицо за это время стало блее мела.

Николас подхватил Анну на руки. Её лёгкое, почти невесомое тело прижалось к его доспеху, как маленький беззащитный зверёк. Дилан, вцепившись мёртвой хваткой в его рукав, шёл рядом, стараясь не отставать.

Когда они выбрались на светлую улицу, Николас сразу увидел Майка и Александра. Сержант что-то обсуждал с торговцем, но стоило ему заметить Николаса с раненым ребёнком на руках, как его лицо мгновенно преобразилось.

— Что случилось, Грейхарт? — рявкнул Майк, шагая навстречу.

Николас остановился, пытаясь унять бешеный стук сердца, и заговорил, чеканя каждое слово:

— Сэр, это мои брат и сестра. На них напали двое офицеров... там, в тупике.

Он вкратце пересказал историю, и с каждым его словом лицо сержанта становилось всё мрачнее. Майк скрестил руки на груди, в его глазах вспыхнул опасный огонёк.

— Офицеры напали на детей? — переспросил он, словно не веря, что в его гарнизоне завелась такая гниль.

— Да, сэр. Обвинили в шпионаже и избили. Сестре срочно нужен лекарь. Мне нужно увести их отсюда.

Сержант посмотрел на бледную Анну, которая выдавила из себя слабую улыбку, пытаясь подбодрить брата. Затем он перевёл взгляд на Александра.

— Ладно, — отрезал Майк. — Александр, пойдёшь с Грейхартом. Доведёте детей до лекаря, а потом — до самого дома. Чтобы ни один волос с их голов больше не упал.

— Есть, сэр! — гаркнул Александр.

— А ты, Грейхарт, сначала покажи мне этих «героев», — Майк кивнул в сторону переулка. — Посмотрим, чьих они будут.

Николас кивнул и осторожно передал Анну на руки Александру.

— Пожалуйста, будь с ней аккуратнее. Она почти не может стоять.

Александр принял девочку с неожиданной нежностью, а Дилан пристроился рядом, настороженно поглядывая по сторонам. Николас развернулся и повёл сержанта назад, в переулок.

Увидев тела, Майк замер. Он долго всматривался в лица лежащих, и его кулаки сжались так, что кожа на костяшках затрещала.

— Это хуже, чем я думал, — пробормотал он себе под нос.

Николас молчал, ожидая приговора. Он не знал, как сержант отреагирует на то, что незнакомец расправился со стражниками, как с новобранцами.

— Хорошо, Грейхарт, свободен, — наконец произнёс Майк, не оборачиваясь. — Возвращайся к своим. Я сам вызову подкрепление и разберусь здесь. Позаботься о семье. Как закончишь у лекаря — жду доклад.

Николас уже развернулся, чтобы бежать к своим, как хриплый голос сержанта, остановил его:

— И, Николас... ни единой живой душе об этом. Понял меня? — он многозначительно указал на офицеров в крови.

— Понял, сэр, — ответил Николас и, не оглядываясь, бросился догонять Александра и своих младших.

Майк стоял посреди переулка, мрачно разглядывая двух лежащих в крови офицеров. На его лице читалось отвращение, смешанное с долей холодного презрения. Раны на телах не были смертельными, но их серьёзность говорила о намерении стрелявшего — не убить, а обезвредить и заставить страдать. Майк не мог не отметить, насколько точно выстрелы были нанесены: плечо и нога — болезненные, но не фатальные места. На импульсивный поступок или случайный выстрел, это не было похоже. Здесь работал профессионал, уверенный в своей руке и умеющий использовать оружие с пугающей эффективностью.

«Меткий стрелок, да ещё и с холодной головой», — подумал Майк, с досадой глядя на испачканную кровью мостовую.

Его презрение же было направлено не на стрелявшего, в своём роде он им очень гордился, а на этих двух «офицеров». Майк узнал их сразу. Ворота гарнизона уже давно должны были быть для таких закрыты, но они по-прежнему оставались частью городской стражи, как заноза в заднице. Их постоянно кто-то, да отмазывал от всех неприятностей. Офицеры, которые предпочли продать честь за звонкую монету, давно превратились в шестерёнки в преступной машине этого города. Каждый раз, когда они упоминались в докладах, Майк едва сдерживал гнев.

— Ублюдки, — прошептал он, склонившись ближе, чтобы разглядеть их лица. Он даже не пытался скрыть своё презрение. Плкнув в морду одному из них, на душе стало чуть легче, но не сильно.

— Жалкое отродье... только детей и могут грабить. Скоты!

Сержант не сомневался, что эти двое были замешаны в очередной грязной игре, и, возможно, в этот раз они наткнулись не на беззащитных жертв, а на кого-то, кто сумел дать им отпор. Кто бы ни был этот стрелок, Майк почувствовал уважение к нему. Если такие, как эти «офицеры», начинают страдать, значит, в этом городе ещё есть люди, которые не боятся противостоять мраку.

Майк двинулся стремительно, не издавая лишнего шума. Из потайных ножен в сапоге он извлёк короткий, но верный ему кинжал — старую привычку, которая ещё не раз его выручала. Один резкий выпад, и лезвие со свистом рассекло воздух, а затем и горло первого офицера. Из широкой, кровавой улыбки-раны хлынул тёмный фонтан, густо пропитывая утрамбованную землю под ногами.

Пока первый враг безвольно оседал, Майк шагнул ко второму. Тот уже начал шевелиться, сознание медленно возвращалось к нему. Не дав опомниться, Майк медленно наклонился над ним, заглянув в затуманенные ужасом глаза. В них не было ни гнева, ни отваги — лишь животный, всепоглощающий страх, предсмертная мольба, которую уже некому было услышать. Он нахмурился, пригладив волосы рукой, и выпрямился. Взгляд его стал ещё более жёстким. Вокруг витал запах пороха и крови, а в воздухе висела напряжённая тишина.

Офицер попытался что-то произнести, но вместо слов из его перерезанного горла вырвался лишь пузырящийся, чавкающий хрип. Этот влажный, сиплый звук, смешанный с бульканьем захлёбывающейся кровью жизни, на мгновение заполнил собой весь грязный переулок, став похоронным маршем для того, кто его издавал. Майк смотрел на медленно гаснущее сознание этого выродка, и на душе становилось спокойнее, по крайней мере за то, что двумя отбросами меньше.

— Отправляйтесь в бездну, к своему хозяину. — вымолвил он.

Выпрямившись, Майк бесстрастным движением вытер клинок о мундир одного из убитых. Сталь, окрашенная алым, начисто стёрла следы недавней работы. Затем он так же ловко, почти не глядя, убрал кинжал обратно в сапог. Готово. Тишина снова воцарилась вокруг.

В этот момент из-за поворота осторожно вышел Павел, его лицо вытянулось при виде двух бездыханных тел.

— Сержант? Всё в порядке? Я слышал странные звуки.

Майк медленно повернулся к нему. Его взгляд был спокоен и холоден. Он кивнул в сторону тел, и в его голосе прозвучала беспрекословная уверенность, не оставляющая места для сомнений.

— Да, Павел. Всё просто замечательно. — на его лице появилась улыбка, которую Майк уже не увидел, когда сержант повернулся к телам.

«Всё просто идеально.»

Румер выдохнула, когда поняла, что никому из этих людей она не интересна, если они её вообще заметили. Разговора особо не было слышно — так, только отдельные фразы. Девушка и парень явно хотели побыстрее покинуть это место. Наконец, юноша передал девочку стражнику и тут же скрылся из виду. Рыжеволосая незнакомка последовала его примеру, предварительно положив что-то в карман платья ребёнка и обратившись к одному из служителей закона.

«Ну, пора и мне честь знать». — Румер аккуратно, оставаясь в тени стены, выскользнула обратно на улицу. Нефть же, кажется, уходить не хотела, она крутилась и вертелась внутри, как заведённая. Было бы интересно узнать, что будет, если дать ей свободу действий в такой ситуации, но вышедшие следом стражники с детьми напоминали: не в этот раз.

— Угомонись уже. — Девушка сказала это негромко, как будто обращаясь сама к себе. — Будет тебе ещё радость.

Нефть, крутнувшись ещё разок, замерла... обиделась? Пару раз глубоко вдохнув для успокоения и равновесия, Румер тряхнула головой, придавая себе будничный вид, и неспешно зашагала к таверне.

Но вместо того чтобы идти напрямик в заведение, Румер свернула в сторону рынка. Ей нужно было забрать заказ у торговца пряностями — пару мешочков сушёного перчика «Адское пламя», без которого знаменитая маринованная капуста Маркуса теряла всю свою ценность. Затем пришлось задержаться у портного, чтобы забрать починенный фартук, и выслушать долгую историю о его внуке, который, кажется, собирался жениться.

Эти бытовые поручения действовали на Нефть усыпляюще, и к тому времени, как Румер направилась к таверне, внутри царила почти что благодушная тишина. Она даже позволила себе не торопиться, наблюдая, как огни зажигаются в окнах домов, а город постепенно меняет дневную суету на вечернее оживление.

Когда до знакомого крыльца оставалось всего ничего, девушка заметила, как из заведения вышел тот самый парень, которого она видела в переулке. Неся в руках бутылку вина, он явно был в предвкушении чего-то очень приятного. Скептически вздёрнув бровь от самого факта повторной встречи за столь короткий срок, Румер всё же успокоила себя тем, что таверна — место проходное и там может находиться кто угодно. Подумаешь, лицо знакомое. Ну и чёрт с ним!

Открыв дверь старой кухни, она услышала знакомое шкворчание и стук ножа. Спиной к входу, закатав по локоть рукава и завязав волосы с проседью в хвост, Маркус разделявал куриную тушку.

— О, явилась! — с некоторым неудовольствием произнёс он, заметив девушку. — Нагулялась?

— Ну, если б это прогулка была, — равнодушно ответила она, достав с полки шпильки для волос и закалывая их. — Просто Беннету маленько не повезло.

— А! — коротко ответил мужчина, казалось, ответ его удовлетворил. Он указал ножом на соседний стол: — У нас солений маловато остаётся. Пока народу немного, с заказами я сам справлюсь. Замаринуй капусту под клюкву и этот... как его? Который острый из рыбы?

— Хе. Поняла, принято.

Девушка взялась за работу. Маркус молча продолжал возиться с птицей, иногда гремя посудой на плите, где что-то шипело и булькало. Запахи витали довольно вкусные. Да и методичные движения ножа и мерный хруст шинкуемой капусты успокаивали. Настроение не то чтобы улучшалось, но хотя бы разочарование становилось не таким острым.

— Господин Маркус! Господин Маркус! — Во второй двери, ведущей из кухни в зал, показалась растерянная девушка-официантка. — Там гость спрашивает про какое-то блюдо... Я не знаю, что и ответить. У нас, кажется, нет такого в меню? Может быть, вы поймёте, чего он хочет?

— Интересно, что ж такое ему понадобилось, — несколько удивлённо полюбопытствовал мужчина, вытирая руки полотенцем. — Ладно, пошли.

Хозяин вышел в зал. Едва Румер раскроила пополам новый кочан, как из коридора, шелестя юбками, на кухню влетела Мишель.

— Эмма!! — громко позвала она. — А? Ты Эмму не видела?

— Только что ушла с Маркусом в зал, — ответила Румер через плечо и поморщилась: сколько шума из ничего! — Гость там чем-то интересуется.

— А-а-а-а, вот как... Ну ладно тогда... — разочарованно протянула девушка.

Облокотившись на косяк и сложив руки на груди, она надула губки и обиженно вздохнула: — Эххх... Опять ей достался такой красавчик!.. И наверняка ещё и чаевые щедрые даст...

Румер медленно выдохнула, раздражённо закатывая глаза, промолчала и продолжила резать вилок. «Завелась шарманка...»

— Такой хорошенький! Иностранец, наверное, торговец какой-нибудь...

— Очень может быть.

— Вроде одет как щёголь, а такой обходительный! Голубенькие кисточки на его куртке такие милые, честное слово!

— Действительно, франт.

— А ещё знаешь что? Он так улыбается, мм... просто прелесть!..

— Ммм... Правда?

Поняв, что Румер нормально отвечать не собирается, Мишель фыркнула: — А ты всё продолжаешь чахнуть тут, на задворках? Ну, хотя да, куда тебя, такую красивую, к людям выпускать...

Длинный нож молниеносно блеснул и с громким стуком вонзился острием в толстую разделочную доску. Мишель, хоть и стояла далеко, отпрыгнула и испуганно взвизгнула. Пальцы Румер всё ещё покоились на рукояти, сжимая её с какой-то странной нежностью:

— Мишель, золотко моё драгоценное... — Девушка наконец обернулась и рявкнула, грозно сверкнув глазами: — Сгинь отсюда на хрен! — и добавила с милой улыбкой: — Пожалуйста.

Нефть снова завозилась, норовя выползти из-под пальцев. Похоже, тихое негодование хозяйки её воодушевляло. Румер сжала кулак сильнее: «Не хватало ещё, чтобы эта охмурёжница узнала, у неё же язык без костей!»

— Ты совсем больная, что ли?! — чуть не плача, выпалила Мишель, хлопая ресницами. — Ну и сиди тут сычом тогда!

В этот момент на кухню вернулся Маркус. Мужчина был на удивление задумчив. Он перебирал все мешочки и коробочки, которые попадались ему под руку, открыл шкафчик, заглянул в ящик стола. Это было на него так не похоже, что обе девушки тут же забыли о конфликте, с удивлением наблюдая за ним. Наконец Маркус спросил:

Глава 4

«Автор»

Время, как безжалостный судья, расставит по местам всех, кто когда-либо носил маску дружбы или братства. Оно откроет глаза на истинные лица: на тех, кто стал врагом, и на тех, кто, возможно, был им всегда. Ты уже не брат, не друг, но и не враг — ты просто тень, затерянная в их мрачных воспоминаниях. И в этом нет твоей вины.

Они, как хищные звери, сеют среди людей лишь животный страх, выстраивая себе дорогу в рай на костях тех, кто пал от их рук. Их сердца, закованные в лёд, не способны понять, что такое тепло человеческого общения. Нити судеб, сплетённые в единую ткань, никогда не разорвутся, несмотря на их попытки. Тёплые слова, такие как «вот тебе моя рука», для них — лишь пустой звук, не способный пробудить ни капли сострадания. Мир, перевёрнутый с ног на голову, кажется безнадёжным, но ты должен помнить: «чем темнее ночь, тем скорей придёт восход». Не важно, сколько усилий ты вложил в свои мечты, как долго собирал по камням свои надежды — всё может рухнуть, словно хрупкий картонный домик. Не говори, что окно в уютное вчера, где не гремят залпы, несущие смерть и страх, никогда не откроется.

Не думай о том, что лежат в руинах города, как о потерянных возможностях. Поверь, мой друг, это лишь дорога в никуда, запутанная во мраке. Не стоит верить в неизбежность зла, ведь даже в самых тёмных уголках души может пробиться свет. Лишь помни ты одно: «чем темнее ночь, тем скорей придёт восход».

Ты никогда не будешь один, пока ты есть сама у себя. Пока горишь желанием жить — не будешь одинок. В этом мрачном мире, полном теней и шёпотов, цели множатся, как зловещие тени, а препятствия, подобно острым шипам, пронзают душу. Возможно, голоса, что шепчут в темноте, подскажут тебе, куда идти, расскажут о том, кем ты станешь, сделав тот или иной шаг. Не хорони своё обугленное сердце, оно всё ещё может вспылать прежним огнём — тем самым, каким он был вчера или же много лет назад.

Ангел и демон, как два противоборствующих титана, поделят тебя изнутри, заставив выставить на обозрение доброту или же самые отвратные пороки твоей души. Вода почернеет и не станет вином, а демоны, спящие летаргическим сном, будут ждать, когда ты опустишься на город, как тайна, чтобы рассказать, за кем стоит правда. И станешь ты виною длиною в нить, но только не плачь, только не плачь... а просто иди.

Покинув свой дом, ты скажешь напоследок: «Дорогая, не плачь, я должен идти. Я не герой, но и не трус, ты пойми». Выбор твой сделан, Он ждёт впереди и не даст больше спать, не даст вернуться назад в момент, когда сердце бьёт четыре удара в такт на фоне пламени костра. Демоны ждут, демоны спят. Пока ты заряжаешь старый пистолет, патрон, как предвестник беды, скользит в ствол, и ты стреляешь в упор, рикошетом в окно, зная, что демоны ждут твоей ошибки, а Чёрные Тропы манят, подобно сладкой песне сирены.

Первозданная злость закипает внутри, и голос милой любви утихает вдаль, как последний вздох умирающего. И когда на город вновь опустится ночь, эти голоса заберут твою плоть, как хищные звери, жаждущие крови. Но только не плачь, только не плачь... просто иди, опускаясь на город, как тайна, чтобы рассказать миру, за кем стоит правда. Играй в игру на сломанных пальцах, ведь тебе больше некогда спать, ведь теперь нет пути назад.

25 мая, 16:30. Южная окраина центральной площади. Николас Грейхарт.

«Почему этот город так жесток и несправедлив? Или это сама жизнь такова — бесконечная череда боли, прерываемая лишь короткими вспышками ложного спокойствия? Что заставляет людей барахтаться в этом хаосе, рвать друг друга на части ради жадности и призрачной

власти? Разве демонов с Троп вам недостаточно, чтобы понять: наш главный враг — не сосед за забором, а тьма, что медленно пожирает саму суть человечности?» — мысли Николаса вихрем проносились в голове, оставляя горький привкус беспомощности.

Он всматривался в лица прохожих, надеясь отыскать в них хоть каплю того света, о котором читал в старых книгах. Но чем дольше он вглядывался, тем сильнее его душило отчаяние. Лица напоминали пустые, холодные маски отражающие лишь пустоту ко всему живому. Добрых, искренних людей с каждым годом становилось всё меньше, будто сам воздух города вытравливал из сердец милосердие. Большинство было готово предать, продать или переступить через ближнего ради звонкой монеты. От этого внутри, в самой душе становилось так тошно, что слова тут бесполезны.

В этот момент ему отчаянно хотелось повернуть время вспять и просто пожать руку тому молодому человеку, который так вовремя вмешался в бой и так же стремительно исчез. Николас понимал: оставаться в переулке после выстрелов для преступника было равносильно самоубийству, но профессиональный инстинкт стражника сейчас молчал, уступая место человеческой благодарности. «Огромное тебе спасибо, незнакомец. Кем бы ты ни был, сегодня ты спас моё сердце от невыносимой потери».

Тепло от обессиленной сестры, которую он прижимал к груди, постепенно вытесняло тягостные думы. Анна уткнулась носом в его плечо, её дыхание было прерывистым, но само её присутствие дарило Николасу ту самую опору, которой ему так не хватало. В её хрупком теле была сосредоточена вся его вселенная, и чувство ответственности за эту жизнь заставило его выпрямить спину.

Рядом молча шагал Александр. Обычно болтливый, фонтанирующий шутками и сплетнями, сейчас он был пугающе серьёзен. Его взгляд постоянно сканировал крыши и подворотни. Николас знал: Саше не нужно ничего объяснять. Когда Александру было двенадцать, его старший брат ушёл на смену в Бедный район и растворился в его тенях. Его нашли спустя три дня в сточной канаве. Убийц не искали — в те годы смерть рабочего никого не волновала, а сейчас и подавно, — но шрам на душе Александра не затянулся и спустя десятилетие.

Позади них, стараясь не отставать, семенил Дилан. Младший в семье, он изо всех сил старался казаться взрослым, не плакал и не жаловался, хоть и на его невинное детское время легло тяжкое бремя. Но Николас всем сердцем чувствовал, как внутри мальчика бушует вихрь эмоций: там была и ярость на несправедливость, и детский страх перед людьми в форме, которые должны были их защищать, а вместо этого принесли боль и страданий, как тогда, когда умерли их родители...

Когда они подошли к массивному зданию с облупившейся вывеской «Лечебница Вилкиса», Николас на мгновение замер.

Это старое здание, повидавшее на своём веку смену эпох и правителей, казалось незыблемым утёсом в море городского безумия. История его основания всегда поражала Николаса. Родители рассказывали ему, что когда-то это был обычный, непримечательный жилой дом, каких в городе тысячи. Но стены помнят всё.

Всё изменилось, когда сюда приехал молодой странник — доктор Вилкис. В свои девятнадцать лет он обладал знаниями, граничащими с магией. Вилкис творил чудеса, вытаскивая людей буквально с того света, когда другие врачи лишь разводили руками. Он был если не богом медицины, то определённо её самым преданным жрецом. Самым удивительным было то, что он никогда не брал платы. На все попытки отблагодарить его золотом или подарками он лишь кротко улыбался, повторяя, что истинное счастье — в бескорыстном служении.

Городская администрация, видя такую популярность, даже решила на редкий для них шаг — спонсирование лечебницы. Но золотой век медицины закончился вместе с жизнью основателя. После смерти Вилкиса всё пошло прахом. Тени прошлого сгустились, когда случился тот страшный пожар в его библиотеке. Пламя за ночь сожгло бесценные альманахи, уникаль-

ные методы диагностики и рецепты, по которым учились лучшие умы города. Знания обратились в пепел, а администрация, сославшись на «утрату научной базы», прекратила поддержку. Многие шептались, что пожар не был случайностью — слишком уж многим мешал бесплатный приют для бедняков.

Тем не менее лечебница выстояла. Она оставалась единственным местом в городе, где не спрашивали кошелек прежде, чем осмотреть рану. Пусть оборудование здесь было старым, а коридоры требовали ремонта, дух старого доктора всё ещё витал в этих стенах.

Николас толкнул тяжёлую дверь. Внутри воздух был пропитанным едким запахом карболки, сушёных трав и антисептиков. Этот запах всегда вызывал у него смешанные чувства — страх перед болезнью и надежду на исцеление.

В центре вестибюля стояла массивная деревянная стойка, за которой сидела молодая девушка-секретарь. Она была погружена в заполнение бесконечных ведомостей, но стоило им войти, как она подняла голову. В её взгляде не было привычного для чиновников безразличия. Увидев раненую девочку на руках у стражника, она быстро отложила перо и вежливо обратилась к пришедшим:

— Добрый день, господа. Чем я могу вам помочь?

Николас подошёл ближе к массивной стойке, чуть развернув Анну, чтобы тусклый свет магических ламп упал на её бледное, покрытое свежими синяками и ссадинами лицо. Стараясь, чтобы голос звучал ровно, он произнёс:

— Нам нужен доктор, который осмотрит мою сестру. Срочно. На неё напали... бандиты в переулке. Побои, сильные ушибы тела, и я боюсь, что у неё сотрясение мозга.

Он намеренно соврал про бандитов. Сказать правду, что это сделали стражники, означало спровоцировать кучу ненужных вопросов, заполнение дополнительных рапортов и привлечение внимания начальства, которого Николас сейчас хотел избежать меньше всего. Ему нужно было просто вылечить Анну.

Девушка-секретарь, чей взгляд при виде избитой девочки мгновенно наполнился сочувствием, кивнула:

— Да, конечно. Но правила едины для всех. Вот вам бланк, необходимо заполнить все пункты, после чего я проверю данные и направлю вас к дежурному доктору.

Получив шершавый лист бумаги из рук девушки, Николас вздохнул и, пристроив Анну поудобнее на одной руке, другой начал вписывать данные. «Бюрократия, чтоб её... Даже здесь, где время может стоить жизни, нужно мараить бумагу». Дрожащей от напряжения рукой он выводил буквы, стараясь не думать о том, как несправедлив этот мир к таким, как Анна.

Спустя несколько минут он вернул заполненный документ секретаря.

— Так, посмотрим... Анна Грейхарт... четырнадцать лет... Ага. Место проживания: Бедный район, улица Кряжистая... Ага. — Девушка внимательно вчитывалась в каждую строчку, сверяя данные с какими-то своими реестрами. Прошло томительных пару минут, прежде чем она сделала несколько быстрых записей в журнале и, подняв взгляд на Николааса, сказала: — Да, всё верно. Теперь проходите вместе с ней в кабинет на втором этаже, направо, в конце коридора. Вас там примет доктор Босфиль. — Показывая на скрипучую деревянную лестницу справа от себя, она протянула ему заполненный бланк и ещё пару направлений.

— Спасибо большое, — Николас вымученно, но благодарно улыбнулся девушке. Затем, повернувшись к Александру, который замер у входа, словно каменное изваяние, сказал: — Пригляди, пожалуйста, за этим сорванцом. Я быстро. Лекарь посмотрит и мы сразу уходим.

Александр молча кивнул товарищу. Его лицо было непроницаемым, но в глазах читалась та же тревога, что грызла и самого Николааса. Взяв за плечо Дилана, который порывался пойти следом за братом, Александр направился к выходу, чтобы подождать на улице.

Поднявшись на второй этаж, где пахло ещё более остро и неприятно, Николас подошёл к нужной двери. Он осторожно постучал костяшками пальцев по тёмному дереву и, не дождав-шись ответа, прокрутил ручку. Дверь оказалась заперта.

— Доктора Босфиля сегодня нет, молодой человек, — произнёс скрипучий голос. Нико-лас обернулся, мимо проходил пожилой врач в заляпанном халате, неся охапку каких-то трав.

— Но секретарь внизу сказала, что он здесь и примет нас! — возразил Николас, чувствуя, как внутри закипает раздражение.

— Она у нас недавно работает, милоч. Постоянно всё путает. Босфиль уехал ещё утром на вызов в Богатый район. Вероятно, ошиблась. Пойдёмте вниз, уточним у старшей смены, кто сейчас свободен и может осмотреть девочку.

Николас, подавив стон разочарования, поудобнее перехватил Анну, которая уже начала засыпать на его руках, и двинулся следом за старым врачом. Спускаясь по лестнице, он краем глаза заметил внизу, у входа, мужчину в рваной, грязной одежде. Оборванец был покрыт синя-ками, ссадинами и запёкшейся кровью, будто его только что протащили через весь город за лошадью. Он шатался из стороны в сторону, хватаясь за стены, и дышал так хрипло, будто каждый вдох давался ему с болью. Неожиданно, не дойдя всего пары шагов до стойки, мужчина рухнул на каменный пол. Его тело выгнулось дугой, и он начал биться в сильных конвульсиях. Девушка-секретарь взвизгнула от испуга, но тут же выскочила из-за стойки. Старый доктор, шедший впереди Николаса, бросил травы и поспешил к упавшему.

— Назад! Всем назад! — рявкнул доктор, пытаясь зафиксировать голову бьющегося в припадке мужчины.

Николас, инстинктивно почуяв неладное, крепче прижал Анну к себе и отступил в нишу под лестницей, чтобы не путаться под ногами у медиков. Отсюда ему было прекрасно видно происходящее.

Тело мужчины тряслось всё сильнее, его конечности бились о камни с глухим, пугающим стуком. Вдруг из его рта, вместе с хриплым рыком, вырвалась густая, обильная пена. Николас нахмурился, вглядываясь:

«Почему пена зелёная? Яркая, почти светящаяся... Она же должна быть белой или жел-товатой при припадке...»

Но он не успел додумать эту мысль. В следующее мгновение раздался отвратительный, влажный звук, похожий на хлопок перезревшего плода, который с силой швырнули о стену. Тело мужчины просто взорвалось изнутри. Во все стороны полетели кровавые ошмётки плоти, осколки костей и брызги той самой густой, ядовито-зелёной субстанции. Один из таких оскол-ков угодил в шею доктору. Тот упал навзничь, держась за горло, из которого выливалась кровь.

Николас, реагируя быстрее, чем успел осознать происходящее, резко развернулся спиной к эпицентру взрыва, закрывая собой сестру. Он сжался в комок, подставляя под удар свой стальной доспех.

Дикая, испепеляющая боль пронзила его спину, будто его окатили расплавленным метал-лом или прижгли калёным железом. Он вскрикнул, его колено подогнулось, и он рухнул на одно колено, но чудом удержал равновесие, не выпустив Анну из рук. Девочка, почувствовав резкое движение и услышав звук взрыва, слабо застонала, прижимаясь к нему сильнее.

Пронзительные, полные первобытного ужаса крики секретаря и старого доктора оборва-лись так же внезапно, как и начались, сменившись булькающим хрипом. Николас, преодолевая боль, осторожно обернулся через плечо и замер, заворожённый открывшейся ему ужасающей картиной.

Зелёная жижа, разлетевшаяся от взрыва, оказалась чудовищной кислотой. Девушка-сек-ретарь и врач корчились на полу в невыносимых муках. Кожа на их лицах и руках медленно, с шипением сходила пластами, растворяясь под действием химического реагента, обнажая

мышцы и кости. Ядовитая субстанция пожирала их плоть с такой скоростью, что их тела превращались в бесформенные, кровавые куски мяса прямо на глазах.

— Что здесь, сука... происходит?! — выкрикнул Николас, чувствуя, как ужас ледяной рукой сжимает его горло. Он прижал Анну к себе ещё крепче, стараясь закрыть ей обзор своим телом.

Анна открыла глаза. Услышав крики и почувствовав запах горелой плоти, она посмотрела через плечо брата. Её лицо исказилось в безмолвном крике ужаса, и она мгновенно зажмурилась, вцепившись в доспех Николаса мёртвой хваткой.

Николас с трудом дышал. Каждый вдох давался с трудом, а каждый сантиметр кожи на спине напоминала невыносимой болью. Казалось, что сам воздух внутри лечебницы стал ядовитым и теперь разъедает его кожу через прорехи в одежде. Рваные края ожогов на спине, там, где зелёная жижа попала на металл и просочилась под доспех, слипались со сталью, спаивая в одно целое. Боль была такой сильной, что перед глазами начали плыть кровавые пятна. Но всё это отступало на второй план перед тем ужасом, что царил в вестибюле.

На полу лежали тела — или то, что от них осталось. Люди, оказавшиеся в эпицентре взрыва, больше не напоминали людей. Кровь и плоть оборванца, смешанные с зелёной кислотой, продолжали своё страшное дело, буквально растворяя трупы и ещё живых пострадавших. Ядовитая волна пожирала всё на своём пути. Глаза некоторых жертв остекленели, но из их разорванных горл всё ещё вырывался предсмертный хрип — жизнь отказывалась покидать мучеников.

Николас стиснул зубы так, что послышался хруст. Он отчаянно боролся с тошнотой и желанием просто забиться в угол и завывать от ужаса. Это было бесполезно, но он чувствовал: он должен, обязан выбраться отсюда и спасти Анну. Это было единственное, что сейчас имело значение. Он попытался подняться, опираясь на здоровую ногу.

— А-а-а... чёрт тебя дери! — дикий, животный крик вырвался из его груди. Боль прострелила всё тело, как раскалённая игла, вонзаясь в позвоночник и пронзая всё до самых костей. Спина словно взорвалась новым огнём. Его нога подогнулась, и он вновь рухнул на одно колено, едва не выронив сестру. Анна, крепко прижатая к его груди, беззвучно всхлипнула. Она чувствовала, как дрожит брат, и понимала, что случилось что-то ужасное.

— Аня... Анна, посмотри на меня, — Николас осторожно повернул к себе её испуганное, бледное лицо, пытаясь заставить себя улыбнуться. Его собственное лицо было мокрым от холодного пота, покрыто слоем пыли и копоти, а в глазах стояли слёзы боли.

Её глаза, распахнутые от пережитого ужаса, блестели на фоне смертельной бледности. Она открыла рот, пытаясь что-то сказать, но из её горла вырвался лишь беззвучный всхлип.

— Всё будет хорошо, слышишь? Всё будет хорошо, — произнёс он слабо, стараясь, чтобы его голос звучал мягко и уверенно, хотя сам в это уже едва верил.

Он попытался подняться вновь, собирая в кулак всю свою волю. Тело отчаянно сопротивлялось, мышцы тряслись от запредельного напряжения, а в спине раздавался отвратительный, влажный звук — это обгоревшая кожа с мясом отрывалась от раскалившегося металла доспеха.

— Брат, ты в порядке? — едва слышно пропищала Анна. Её голос был тихим, но её беспокойство за него чувствовалось в каждом слове, перекрывая её собственный страх.

Николас, сжав зубы так, что изо рта пошла кровь, покачал головой.

— Со мной всё хорошо, Анечка, — произнёс он, тяжело и хрипло дыша. — Главное, что ты цела.

Оглядевшись, он увидел, что обстановка вокруг стала ещё более жуткой. Пол был залит кровью, остатками человеческой плоти и невообразимым количеством зелёной склизкой субстанции, которая продолжала с шипением разъедать каменные плиты пола и деревянные кон-

струкции. Воздух стал невыносимо ядовитым, пропитанным едким запахом горелого мяса, химикатов и палёного металла. Дышать становилось всё труднее.

— Анна, — голос Николаса стал ледяным и серьёзным. — Слушай меня внимательно. Я донесу тебя до выхода. Чего бы мне это ни стоило, мы отсюда выберемся. Просто доверься мне.

Анна не ответила. Она лишь молча моргала, её испуганные, огромные глаза смотрели прямо в его, пытаясь найти там ответы. Затем, не сказав ни слова, она кивнула и изо всех сил обвила шею брата своими тонкими, дрожащими руками. Она прижалась к нему так крепко, боясь, что если отпустит хоть на миг, то потеряет его навсегда в этом аду. Зажмурив глаза, она замерла.

Николас глубоко, со свистом вдохнул, собирая последние, жалкие крохи сил. Он вновь попытался встать. Боль пронзила его раскалённым клинком, вошедшим под лопатку. Спина полыхнула адским огнём, мышцы задрожали, и на мгновение ему показалось, что сознание сейчас покинет его. Но он стиснул зубы, подавляя крик, и сделал первый шаг. Один шаг. Ещё один. Каждый шаг отдавался в истерзанном теле такой болью, которая затмевала рассудок. Пол казался зыбким, будто бы Николай шёл по колено в густой грязи. Мир перед его глазами смазывался, превращаясь в хаотичное, безумное движение теней, света и кровавых пятен.

Пространство между стойкой регистрации и заветной дверью лечебницы, которое раньше казалось Николасу крошечным, теперь представлялось бесконечной, мучительной пустыней. Каждый метр был испытанием воли, каждый шаг — победой над смертью. Но Николай продолжал идти, преодолевая невыносимую боль в спине, слабость в ногах и удушье. Его дыхание становилось всё более хриплым, походившим на клёкот умирающей птицы, пот градом катился по лицу, заливая глаза, но он не останавливался ни на секунду. Он нёс Анну.

И вот, наконец, его нога, обутая в тяжёлый сапог, переступила порог. Он почувствовал благословенный прохладный воздух улицы на своей опалённой коже. Ещё шаг... Ещё один... Свет залил его глаза...

Ноги подкосились, будто подрезанные, и он рухнул на твёрдую землю, не в силах больше сделать ни движения. Сестра вскрикнула, её хватка на его шее ослабла, но Николай уже не слышал её. Боль стала слишком сильной, обрушившись на него гигантской, неборимой волной, поглотившей всё его существо, все его мысли и чувства. Зрение угасало, мир схлопывался в узкую точку. Но в последние мгновения, перед тем как окончательно погрузиться во тьму, он успел заметить, как к ним наперерез, с искажёнными от тревоги и ужаса лицами, бегут Александр и Дилан.

— Они здесь... Она в безопасности... — прошептал Николай пересохшими губами, прежде чем его сознание окончательно угасло, оставив его в тёмной, безмолвной пустоте.

25 мая 19.30. Северная окраина центральной площади. Аптека дядюшки Корокса. Адья Лейр Митран.

Проведя в лавке больше четырёх часов, Адья наслаждалась царившей в ней атмосферой. Этот приятный, обволакивающий запах сушёных трав и благословенная тишина были бы просто волшебными, если бы не некоторые элементы... Которые так и норовили заглянуть на склад, пытаясь привлечь к себе внимание. Навязчивые посетители раздражали девушку, и в своей голове она уже успела придумать сто одну изощрённую кару для того тупого красавчика в пёстром камзоле, что мешал ей работать.

Когда она наконец вышла из аптеки, на город тихо опустились сиреневые вечерние сумерки. Вздохнув, Адья на мгновение замерла на пороге, погружённая в размышления. Разговор с дядюшкой Короксом, давним другом её семьи, оказался насыщенным, полным неожиданных откровений и мудрых, порой колючих советов. Она называла его дядюшкой с самого детства — сначала в шутку, копируя взрослых, а потом и всерьёз, ведь он всегда относился к ней с той же суровой строгостью и искренней заботой, что и к собственным племянникам.

Каждое его слово теперь гулко отзывалось в голове, заставляя её переосмыслить многие привычные вещи.

Девушка пошла в обратном направлении, по-прежнему желая срезать путь, как делала это обычно. Но в этот раз она предпочла двигаться по крышам, бесшумно скользя в тених и ловко перепрыгивая с одного карниза на другой. Каждый её шаг был точным, выверенным, похожий на грациозный танец над бездной, в котором не было места ошибкам. Адья не боялась, что её заметят: сумерки уже сгустились, растворяя очертания предметов в густой вечерней синеве и делая её почти невидимой для праздных гуляк внизу.

Мягко спрыгнув на мостовую в очередном тупике возле площади, девушка поправила одежду и выбившиеся из причёски рыжие пряди. Она машинально проверила, все ли карманы закрыты и надёжно ли застёгнута сумка с ценными ингредиентами. Всё было в порядке, но впереди оставалась ещё половина пути, и расслабляться было нельзя. Но тут случилось то, чего она так опасалась: в животе громко, требовательно заурчало, и тело скрутило от внезапного, болезненного приступа голода.

«Salus» — эликсир бодрости — действовал безупречно. Он снимал накопленную усталость по щелчку пальца и возвращал ясность мысли, но цена за этот магический долг была непомерно высока. От него просыпался такой зверский, поистине первобытный аппетит, что принявший его был готов пожирать всё подряд, практически мгновенно перерабатывая различную еду в чистую магическую энергию. Дядюшка буквально заставил её выпить этот состав, как только увидел на пороге своей лаборатории её измождённое лицо, предварительно в пух и прах отругав за то, что она совершенно не бережёт себя.

— Вот чёрт! Немного не дотянула... — прошипела девушка, чувствуя, как адский голод с каждой секундой вгрызается в её внутренности всё сильнее.

Есть хотелось до безумия, до дрожи в коленях, отчего казалось, будто желудок готов переварить сам себя, а внутренности разрывались на части. Этот голод было невозможно сравнивать с обычным — он полыхал внутри, диктуя каждой клетке организма единственную цель: немедленно получить топливо, будь хоть жаренный стейк или дождевые черви. Адья чувствовала, что готова вгрызться в первый попавшийся кусок дерева, лишь бы унять этот невыносимый гул в животе. Ускорив шаг и буквально вылетев из переулка на площадь, она случайно сбила с ног проходившую мимо компанию молодых людей. Коротко извинившись, она поспешила ретироваться, не желая тратить драгоценные силы на пустые препирательства, и бросилась на поиски ближайшей таверны.

Увидев знакомую вывеску «Закуски Маркуса», она почти бегом пересекла площадь, не замечая толпы, которая начала стремительно собираться с наступлением темноты. Сердце забилося чаще, пульс ускорился, а взгляд был прикован к спасительным огням заведения. Инстинкты обещали ей, что всё закончится, как только она сделает хотя бы пару шагов в её сторону.

Толкнув плечом тяжёлую дверь, девушка шумно ввалилась в зал, где только начинал собираться вечерний народ, закончивший смену на фабриках. Пройдя через всё помещение, она заняла место в самом углу у окна, подальше от лишних глаз, и, громко свистнув официантке, дала понять, что не намерена ждать ни секунды.

К ней подошла ничем не примечательная официантка, но Адья, не дав той даже раскрыть рта для приветствия, резко бросила:

— Мясa, хлеба, жареной картошки и побольше овощей! И как можно быстрее! — она нервно хлопнула ладонью по дубовому столу.

Официантка подскочила от неожиданности, но, взглянув в лихорадочно блестящие глаза посетительницы, мгновенно поняла намёк и опрометью бросилась на кухню.

Начались томительные минуты ожидания, превратившиеся для молодой полукровки в истинную пытку. Голод сжигал её изнутри, его тянущая сила проникала в кости, создавая ощу-

щения чёрной дыры внутри, обжигающая болью в животе и давящая на грудную клетку. В шуме таверны, среди звона посуды и ленивых разговоров, каждое мгновение казалось Адье бесконечным циклом мучений.

Она злилась на себя за то, что не успела дойти до дома. Ещё немного и вот они — родные стены, тёплая кровать и горячий ужин, что мог бы заглушить её терзания от эффекта зелья. Теперь же её тело, полное фантомных болей и раздражения, было вынуждено терзаться здесь, на виду у всех. Взгляд метался по залу, но ничто не могло отвлечь её от жгучего чувства, становящегося почти невыносимым. Она чувствовала себя зверем в клетке, и каждая секунда на скамье только подпитывала внутреннюю ярость.

Вообще-то Адья старалась обходить подобные места стороной — не из-за каприза, а зная о печальной, почти фатальной зависимости своего клана. Но в этот раз холодный разум был окончательно сломлен откатом от эликсира. И тут случилось то, чего Адья подсознательно боялась даже больше, чем голодной смерти. Жадно втянув воздух ноздрями, она почувствовала терпкий, кружащий голову аромат свеженалитого яблочного эля. Бармен как раз наполнил кружки компании юнцов, решивших провести этот вечер за выпивкой.

Остатки самообладания слетели, подобно сухим листьям в штормовую погоду. Рука девушки сама собой взметнулась вверх, и она крикнула, перекрывая гул голосов:

— Эля, любезнейший! Поживее!

Бармен понимающе кивнул и потянулся за глиняным кувшином. Когда перед ней на столе оказался тёмный сосуд с узким горлышком, источающий приторно-сладкий аромат яблок и брожения, время окончательно застыло. Она смотрела на горлышко сосуда и втягивала дурманящий аромат напитка. Двигая кончиком носа, она улавливала запах, который подействовал на неё как никогда прежде; всё её существо восторженно откликнулось на зловещий зов предков. Ужас перед последствиями и дикая радость смешались в голове в неразличимый коктейль. Голод и жажда, ненасытные и злые, окончательно вырвались наружу. Забыв о приличиях, Адья вцепилась в кувшин и жадно приложилась к горлышку. Она чувствовала, как горечь и сладость обжигают язык, проваливаясь внутрь. Тонкие струйки пролитые мимо рта, стекали по щекам и подбородку, смачивая одежду и накидку. Но это не останавливало её от этого безумно-вкусной амброзии. В голове складывалось ощущение, что само время и жизнь текут в её горло вместе с этим прохладным напитком.

Из ступора её вывел резкий свист, раздавшийся за соседним столиком. Опустив кувшин и тяжело дыша, она посмотрела на того, кто посмел её потревожить, и встретила взглядом с тем самым парнем, которого сбила с ног, выбегая из переулка.

— Это многое объясняет, — с наглой усмешкой протянул он, обернувшись к своим приятелям. — Красотка просто умирала от жажды!

Его друзья дружно расхохотались.

Тепло сладко поползло по венам, заставляя девушку млеть от внезапного прилива блаженства. Она отбросила всё: стеснительность, былую осторожность, все свои вечные сомнения и правила. Алкогольный яд радостно бурлил в теле, пока её губы невольно растянулись в хмельной, вызывающей улыбке, а мир вокруг вдруг стал невероятно ярким и дружелюбным. Каждый шорох и запах обострились, наполняясь новым, глубоким смыслом. Каждая клеточка её тела впитывала этот огонь, мышцы расслабились, а тяжёлые думы утекали прочь, не смея задерживаться и секунды. Голод, усталость, страх перед будущим — всё исчезло. Осталась только эта обманчиво-сладкая и бесконечная лёгкость.

— Вы что, не можете молчать? — девушка резко развернулась к соседнему столику, её глаза сверкали от ярости. — Или вам не хватает хлеба и зрелищ этим скучным вечером?

Компания парней, до этого всю хохотавшая, притихла. Один из них, с нагловатой ухмылкой, лениво протянул:

— А что, не нравится? Может, мы слишком сильно тебя развлекаем?

В голосе Адья зазвучала ледяная насмешка:

— О, конечно, просто глаза не могут оторваться. Вы, наверное, думаете, что я вам зави-
дую, да? Но, увы — я уже пресытилась зрелищами таких вот... персонажей. — последнее слово
она выплюнула с явным презрением.

Парень явно не ожидал такого резкого отпора и заметно смутился, потирая затылок.

— Что-то ты, девочка, больно нервная, — пробормотал кто-то из его друзей, пытаясь
сохранить лицо.

— А я-то думала, что у нас тут весело! Видно, ваше присутствие — это как раз тот
момент, когда от тоски хочется пить без остановки. — Адья усмехнулась, её изумрудные глаза
вспыхнули от злобы и алкогольного азарта. — Но завидовать вам не буду, уж извините. Слиш-
ком мелко.

Когда наконец принесли еду, Адья не стала церемониться. Она буквально вцепилась в
тарелку, придвинув её к самому лицу, и принялась жадно есть, запихивая в рот огромные куски
и совершенно не заботясь о манерах. Приборы были забыты напрочь, только руки и пальцы
могли насытить её в этом водовороте изобилия. Картошка, истекающее соком мясо, овощи —
всё смешивалось в безумном ритме в одно целое, а со стороны казалось, будто она не ела целую
вечность. Её движения были резкими, почти хищными, как у голодного зверя, дорвавшегося
до долгожданной добычи.

Задохнувшись от темпа, она на мгновение замерла, чтобы перевести дыхание. Жирные
от сока пальцы тут же инстинктивно потянулись к глиняному кувшину, но пальцы нащупали
лишь пустоту — он был пуст. Не отрывая взгляда от тарелки, она выкрикнула, не стесняясь,
на весь зал:

— Эй! Добавьте ещё! Живее!

Громкий крик эхом отозвался в притихшем помещении. Посетители вздрогнули и в неко-
торой панике перевели взгляды на неё. Адья же, не обращая внимания на косые взгляды толпы,
снова вернулась к поглощению пищи. Это было больше похоже на какой-то дикий ритуал —
поглощать всё и сразу, не давая времени ни себе на раздумья, ни окружающим на осуждение
— чем на обычный приём пищи.

Когда к ней подошла официантка с новым подносом, Адья моментально почувствовала
её «особенность». Это была девушка с чёрными волосами, которые в живописном беспорядке
падали на плечи. Её глаза, тёмные, почти бездонные, явно скрывали в себе тысячи мыслей,
которые невозможно было прочесть с первого взгляда. Светлая кожа с едва уловимым серым
подтоном придавала ей загадочный вид, юного создания, не из мира сего. В каждом движении
незнакомки сквозила спокойная, храбрая невозмутимость, но Адья уловила в её походке нечто
чуждое — едва заметное движение на её коже, как тень от света юркнула прячась под рубашку.

«Что это было? Тень двигалась?» — думала Адья, но голос официантки прервал её.

— Вот ваш напиток, — произнесла девушка. Голос был низким и немного резким,
лишённым всякой суеты. В нём чувствовалась стальная уверенность человека, который видел
в этой жизни и не такие сцены.

Адья не ответила ни слова. Она выхватила кувшин и осушила его до дна в несколько жад-
ных глотков. Тепло мгновенно пронзило вены, возвращая миру чёткость и уют. С непринуж-
дённой грацией алкоголика она издала громкую отрыжку, которую обычно издают гномы или
орки после хорошей посиделки и удовлетворённо откинулась на спинку стула. В этом состо-
янии ей было плевать на чужие взгляды — алкоголь уже выстроил вокруг неё комфортный
кокон и выковал броню от чужого мнения.

Официантка даже не шелохнулась. Ни один мускул на лице не дрогнул, лишь в её гла-
зах скользнуло нечто похожее на мимолётную улыбку, которая давала понять, она привыкла
читать подобные сигналы без лишних слов. Адья почувствовала, что-то знакомое внутри, что
эта встреча взглядами была не проста. Обычный обмен напитками... Не-е-ет... В черноволо-

сой незнакомке чувствовалась глубина, которая интриговала, заставляя внутри всё трепетать. Адья с вызовом взглянула на неё, добавив в голос нотку игривости:

— Ну-ка, милая, поведай мне о всём разнообразии хмельных радостей, что у вас подают. — она позволила себе лёгкое изящество в жесте, не скрывая интереса и играя взглядом по её фигуре, начиная с ног и заканчивая её притягательными глазами. — Что здесь стоит отведать, чтобы прочувствовать истинный вкус этого... заведения?

Официантка, не меняя выражения, начала перечислять напитки с точностью знатока: крепость, аромат, тончайшие нюансы вкуса и что, с чем лучше подойдёт. Она говорила о лёгких элях, дурманных ликёрах, которые заставляли забывать обо всём, и горьких настойках, которые созданы лишь для того, чтобы поднять на ноги мертвеца.

— Мне нужно что-то... особенное, — перебила её Адья, сжимая горлышко пустого кувшина, медленно обводя его пальцем по кругу. — То, от чего сердце пустится в пляс, а по жилам потечёт бурлящая кровь. Чтобы я почувствовала, что по-настоящему живу, а не просто... существую.

Черноволосая наклонилась чуть ближе и произнесла почти шёпотом, тщательно подбирая слова:

— Есть один напиток... он называется «Пламя Вечного Леса». Это смесь редких трав и алкоголя, который моментально воспламеняется при малейшем прикосновении огня. Его вкус — горячий, немного обжигающий, но после него ты чувствуешь, как внутри всё воспламеняется и наполняется силой.

Адья усмехнулась, хищно прищурившись:

— Вот это то, что мне нужно!

Черноволосая посмотрела на неё с явным интересом, оценивая масштаб трагедии и решительность гостьи. После короткой паузы она тихо спросила:

— Ты ведь не местная, верно?

Адья, усмехнувшись, протянула руку:

— Адья!

Незнакомка приняла рукопожатие, и её ладонь оказалась неожиданно прохладной:

— Румер! Рада знакомству. — добавила она с лёгкой улыбкой

— Ну что, Румер, давай! Удиви меня! — Адья азартно потёрла ладони, предвкушая продолжение банкета.

Девушка без лишних слов, повернулась и направилась к бару, где уже начала готовить этот уникальный напиток. Адья же с интересом наблюдала за её движениями, уже предвкушая, какой эффект окажет этот напиток на неё.

Закончив с приготовлением, Румер аккуратно поставила бокал с напитком перед загадочной посетительницей и немного отступила, чтобы чиркнуть спичкой и поджечь напиток. Пламя должно было вспыхнуть ровно настолько, чтобы прогреть эфирные масла трав, но не обжечь гостью. Однако в этот самый момент Румер почувствовала лёгкое, прохладное движение на своей руке — Нефи, её вечно любопытный и, без сомнения, проказливый спутник, соскользнула вниз. Скользким жгутиком она намеренно ткнулась в жидкость, решив немного напакастить и посмотреть, что из этого выйдет.

В следующую секунду раздался едва слышный хлопок и огонь вспыхнул слишком резко, слишком ярко, разом охватывая бокал и взмывая вверх яростными языками пламени. Воздух мгновенно наполнился сухим жаром, вспышка озарила полутёмное помещение, заставив ближайших посетителей в страхе вздрогнуть и отодвинуться. Но самое скверное произошло мгновением позже — яростный огонь перекинулся на лёгкую ткань накидки незнакомки, которая всё это время скрывала её лицо и плечи. Материя вспыхнула, как вспыхивают сухие листья, и пламя принялось стремительно пожирать её, ползая по плечам живыми рыжими змеями.

Необычного, почти изумрудного оттенка огонь лизал дорогую ткань плаща, на глазах превращая её в чёрные обугленные ошметки. Румер замерла, видя, как пламя, которое спровоцировала Нефи, ведёт себя как нечто одушевлённое; в её глазах мелькнуло истинное отчаяние. Она бросилась к столу, порываясь чем-то накрыть бокал или сбить огонь, но было уже поздно. Лёгкий страх охватил её, и она растерянно огляделась по сторонам, не зная, как исправить содеянное.

Видя панику в глазах официантки, Адья не стала ждать помощи. Она мгновенно сбросила горящий капюшон, резким движением стянув его в сторону, чтобы не дать огню перекинуться на волосы. Сконцентрировавшись на тушении, она парой быстрых хлопков погасила остатки пламени, и только в этот миг осознала: её лицо теперь открыто для всех. В тот момент, когда обгоревший капюшон окончательно упал на плечи, гул в таверне смолк. Все взгляды переключились на неё. Дымка от угасающего огня медленно рассеивалась, и черты Адьи стали ясно видимы. То, что увидели посетители, повергло их в шок — перед ними сидела эльфийка.

Парни, сидевшие за соседним столиком, застыли в немом удивлении. Их челюсти едва не коснулись стола, а взгляды намертво приклеились к её изящным заострённым ушам и ярким, почти светящимся магическим зелёным глазам. Молча они обменялись красноречивыми взглядами, пытаясь осознать, как в захудалой закуской оказалась представительница этого гордого народа.

Адья, понимая, что играть в прятки больше нет смысла, сдержанно выпрямилась. Её скулы слегка порозовели от неловкости и выпитого эля, но голос оставался спокойным и твёрдым, будто ничего из ряда вон выходящего не случилось.

— Ну что, ребята, теперь всё увидели? Утолили любопытство? Если хотите, я могу поделиться парочкой секретов, но не думаю, что ваш мозг готов к такой нагрузке.

Тишина в компании длилась ещё несколько секунд, прежде чем один из парней, всё ещё не в силах поверить своим глазам, наконец выдавил:

— Ты... настоящая эльфийка? Это же просто невероятно! В нашем-то районе...

Адья взглянула на него с нагловатой усмешкой и поправила растрепавшиеся волосы.

— А я и не говорила, что я обычная горожанка. Эльфийка, да. А теперь давайте продолжим вечер, если вы не возражаете.

Пускаться в долгие объяснения своего происхождения она не собиралась — это, в конце концов, никого не касалось. Эльфийка так эльфийка; спорить и доказывать, что она лишь полукровка, было лень, да и зачем расстраивать людей, жаждущих легенды? Её глаза сверкнули авантюрным блеском, и она залпом выпила горячее, обжигающее содержимое своего бокала, даже не поморщившись. Опустив пустую тару, она уставилась на Румер прямым, пронизывающим взглядом, в котором читался нешуточный интерес.

— «Пламя Вечного Леса», говоришь? — мягко переспросила Адья, с характерным стуком возвращая бокал на стол.

Румер, заметив, что эльфийка явно разглядела Нефть, притаившуюся на руке, окончательно растерялась. На её лице отразился неподдельный испуг.

— Это что ещё за фокус такой был? — с лёгким сарказмом вполголоса произнесла Адья, так, чтобы слышала только черноволосая. — Ты что, тайная волшебница, или это твой личный секретный ингредиент?

— Простите, я... я не знаю, как это вышло, — прошептала Румер, нервно теребя пальцы и стараясь спрятать руку с Нефтью за спину.

Не обращая внимания на её смущение, Адья продолжала изучать её с весёлым любопытством.

— Да не переживай ты так. Это всего лишь огонь, — тихо добавила эльфийка, и в её голосе проскользнули тёплые нотки.

Румер, хоть и продолжала заметно нервничать, не могла не поддаться этой странной уверенности, исходящей от гостьи. Видя, как спокойно Адя отреагировала на вспышку и разоблачение, она почувствовала, что ледяной ком беспокойства в её душе начинает таять.

— Вкусно, — с озорной улыбкой подытожила Адя. — Теперь можно и продолжать веселье, не так ли?

Румер осторожно кивнула, чувствуя, как её страх постепенно растворяется в том странном, почти гипнотическом спокойствии, которое источала Адя. Она решила, что пришло время сделать шаг назад и поскорее скрыться на кухне, пока ситуация не приняла новый оборот, но Адя, заметив это движение, резко дёрнула её за руку. Румер, не ожидавшая такого напора, потеряла равновесие и с коротким вскриком, полным неожиданности, опустилась на скамью прямо рядом с эльфийкой.

Адя по-хозяйски обняла её за плечи, бесцеремонно притянув поближе, наглядно демонстрируя: «Никуда ты не уйдёшь, голубушка». Она посмотрела на Румер уверенным, слегка затуманенным хмелем взглядом, и её голос стал обволакивающе тёплым:

— Ты что, серьёзно думала, что просто развернёшься и всё закончится? — она усмехнулась, и Румер показалось, что в её глазах заплескались весёлые искорки. — Здесь ты и останешься. Все мы иногда падаем, Румер. Но знаешь, это не конец. Это просто момент, когда начинается что-то совершенно новое. Так что успокойся. Всё будет хорошо. По крайней мере, ты теперь не одна.

Румер, совершенно ошарашенная этим порывом искренности, почувствовала, как напряжение наконец покидает её плечи. Она тихо, облегчённо выдохнула и, всё ещё немного смущённо и настороженно, посмотрела на Адю снизу вверх.

— Ты действительно считаешь, что после такого, всё может быть в порядке? — спросила она, но в её голосе уже не было того парализующего ужаса, что сковал её мгновениями ранее.

Адя, не выпуская её из объятий, уверенно кивнула:

— Конечно. Я тебе говорю — ты остаёшься, и никуда тебя не отпущу. Я вообще терпеть не могу, когда люди трусливо сбегают от хороших моментов. Ты будешь здесь, со мной. А если захочешь — я буду рядом столько, сколько потребуется.

В этот момент на пороге таверны возник новый посетитель, с ног до головы закутанный в плотный серый плащ. Его фигура на мгновение застыла в дверном проёме, прислушиваясь к разношёрстному шуму зала, а затем его взгляд, надёжно скрытый глубокой тенью капюшона, принялся методично изучать обитателей заведения. Выбрав цель, незнакомец уверенно двинулся вперёд. Его шаги были твёрдыми и бесшумными, как у человека, который точно знает, за кем пришёл.

Адя заметила его сразу — ещё до того, как он пересёк половину зала. Даже сквозь алкогольную дымку и полумрак таверны она узнала эту характерную, чуть пружинистую походку. Когда фигура наконец замерла у их стола, капюшон качнулся, и из-под ткани донёсся знакомый голос, пропитанный крайним облегчением и долей праведного гнева:

— Адя! Мы тебя обыскались! — воскликнул парень. — Анадар уже в бешенстве! Если ты не выйдешь отсюда через пять минут, он разнесёт эту таверну по камешку. А ты прекрасно знаешь, как он это делает...

Это был Чайни — закадычный друг Ады, с которым они были неразлучны с самой юности. Их дружба прошла через сотни драк, литры выпитого дешёвого эля и такие авантюры, от которых у любого здравомыслящего стражника волосы встали бы дыбом. Именно Адя всегда подбивала его на самые безумные выходки, а Чайни, вечно вздыхая и ворча, поддерживал её, зная, что сопротивление этой занозе бесполезно. И хоть он и привык вытаскивать её из вечных передраг, но чаще всего просто шёл следом, улыбаясь и готовясь к очередному сумасшествию.

Румер, услышав слова парня, удивлённо вскинула бровь, глядя на притихшую эльфийку. Адя же скривилась так, будто у неё внезапно разболелись все зубы сразу. Их взгляды пере-

секлись: в глазах Румер застыло беспокойство и недоумение, а в глазах Адья ясно читалось жгучее раздражение, граничащее с детской досадой.

— Адья, может, всё-таки... — начала Румер, нервно поправляя выбившийся локон. — Уже действительно поздно. Тебе не кажется, что пора? Да и за тобой пришёл такой... внушительный господин. Наверное, лучше не...

Адья в ответ лишь усмехнулась и возмущённо зарычала:

— Ой, умоляю тебя, Румер! Как же скучно дома! Там только Анадар со своими вечными правилами и запретами. А здесь... здесь хотя бы весело!

Чайни, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, перебил её:

— Ты обещала, что не устроишь беду, но, похоже, я, как всегда, ошибался. Анадар злится. Это не шутки, Адья. Давай, собирайся, иначе будут неприятности. Очень большие неприятности. — голос парня звучал непривычно решительно.

Адья лениво откинулась на спинку стула и дерзко ухмыльнулась:

— Ладно. Я уйду. Но только при одном условии: если Румер пойдёт со мной. Я не собираюсь коротать остаток этой ночи в одиночестве среди ваших кислых мин. И вообще, я заметила, что вы слишком плотно за мной следите. Не нужно так.

Румер, ошарашенная таким поворотом, едва не поперхнулась:

— Что?! В смысле «пойду с тобой»?! Я вообще-то на работе, я персонал! Я не могу просто бросить всё и уйти! — она на секунду замялась и добавила тише: — Разве что... проводить до дома особо буйных и неадекватных клиентов...

— Вот и прекрасно! — Чайни поджал губы и так активно закивал, что капюшон едва не слетел. — Веди её прямо сейчас, не то этому заведению кранты! Адья, время! Тик-так, тик-так!!

Адья резким, хоть и слегка пошатывающимся рывком поднялась из-за стола. Пьяная или нет, она понимала: если Анадар самолично войдёт в зал, весело не будет никому.

— Прощайте, дорогие мои собутыльники! — громко провозгласила она на всю таверну, комично-величественно склонив голову. — Час пробил. Я ухожу в изгнание, а вы продолжайте прозябать здесь в скуке!

Выйдя из таверны в обнимку с Чайни и Румер, Адья сразу заметила Анадара. Он застыл неподалёку в тени соседнего здания, широко расставив ноги и скрестив руки на груди. От его мощной фигуры буквально исходили волны ледяного раздражения, которые не сулили ей ничего хорошего. Румер, увидев его, зябко поёжилась и попыталась незаметно отступить назад, но Чайни, разгадавший её манёвр, крепче перехватил её за локоть.

— Куда это ты собралась? Как сказала наша общая подруга: «Я тебя не отпущу», — с озорной улыбкой прошептал он.

Они приблизились к стоящему в тени мужчине. Когда троица наконец остановилась перед ним, Анадар хмуро окинул взглядом Румер, затем задержал тяжёлый взор на покачивающейся Адье и твёрдо отчеканил:

— Теперь. Домой.

В его голосе не было открытой угрозы, но тон не оставлял ни малейшего шанса на возражения или побег.

Адья бросила последний, полный тоски взгляд на залитую лунным светом улицу, прощаясь с недостижимой свободой, и раздражённо буркнула:

— Ладно, ладно... Ик!.. Но в следующий раз... Ик! Я... устрою вам сюрприз!

Всю обратную дорогу Адья, вопреки ожиданиям Анадара, не затихла, а начала во всё горло распевать дорожные песни местных пьянчуг. Запрокинув голову к звёздам, она с чувством выдала:

— О-о-о, ветер странствий, веди меня... домой! Но если по пути встретишь трактир — загляни туда со мной!

Румер приснула в кулак, Чайни едва не споткнулся, содрогаясь от беззвучного смеха. Анадар лишь шумно выдохнул сквозь зубы.

— Эй, Анадар! А ты знаешь, почему у эльфийских жён никогда не бывает претензий к мужьям? — пьяно хихикнула Адья, толкая мужчину в бок локтем. — Потому что у эльфов такие длинные уши, что они всё слышат с первого раза!

Румер снова зашлась в приступе смеха, Чайни едва ловил ртом воздух, а Анадар лишь тяжело застонал, в очередной раз искренне жалея, что оставил тихую и спокойную службу в тених ради этой невыносимой, взбалмошной девчонки.

Адья прищурилась, икнула и, поймав свирепый взгляд Анадара, поняла, что терять ей абсолютно нечего. Она покрепче ухватила за плечи друзей, набрала в грудь побольше воздуха и затянула на всю улицу новый вариант, от которого у стражников в соседнем квартале наверняка завяли бы уши:

— Коль пригубишь двести грамм — ты милашка и мадам! Коль зальёшь в себя литрб — всё в округе зашибись, и ты — богиня, на лицо!

Она сделала эффектную паузу, дождалась, пока Анадар откроет рот, чтобы её прервать, и выдала финальный аккорд, почти переходя на вопли:

— Анадар, у нас святой, ходит с мордой каменной! Он молчит, как сыч в дупле, выпить бедному нельзя! Дядюшка, ты не тужи, девкам «меч» свой покажи! Только смотри без войны, чтоб не треснули штаны!

Румер в ужасе и восторге закрыла рот руками, а Чайни просто сполз по стене ближайшего дома, задыхаясь от истерического хохота. Даже Анадар на секунду сбился с шага, не зная, то ли придушить её прямо здесь, то ли просто пойти и утопиться в ближайшем фонтане от позора.

— Адья, клянусь всеми богами, — прошипел он, хватая её за шкурку и ускоряя шаг, — Ещё одно слово, и я зашью тебе рот!

25 мая 19.30. Таверна «Закуски Маркуса». Румер Гил.

Тихое и размеренное начало дня к вечеру превратилось в сущую каторгу — посетителей набилось столько, что все в трактире буквально зашивались. Даниэль, наш бессменный бармен, только и успевал рычать, требуя всё новые и новые бочонки с тёмным пивом и крепким сидром. Эмма бледной тенью носилась туда-сюда с тяжеленным подносом, лавируя между локтями подвыпивших работяг. Глядя на всю эту суету и понимая, что мы вот-вот захлебнёмся в заказах, Маркус не выдержал:

— Румер, марш в зал! Раз Мишель сегодня нет, будешь за неё! А я тут на кухне сам справлюсь как-нибудь.

Что ж, слово хозяина — закон. Шум, пьяный хохот, извечный звон тяжёлых кружек, лягз ножей о глиняные тарелки — эта какофония звуков резко ударила Румер по ушам после относительной прохлады и тишины кухни. Но выбирать не приходилось. Поправив передник, она включилась в работу и вскоре уже снова вместе с Эммой между столами, дежурно, но мило улыбаясь: «Чего желаете, господа?» и «Приятного аппетита, заходите ещё!»

Продолжая бегать от гостя к гостю, Румер краем глаза наблюдала за подозрительной компанией в углу зала. Несколько парней то и дело хихикали, бросая сальные шуточки и явно подначивая одинокую девушку в глубоком капюшоне за соседним столом. Из-за общего гула разговора слышно не было, но по напряжённым спинам и вызывающим выражениям их лиц Румер поняла: если в трактире сегодня и вспыхнет драка, то эпицентр будет именно здесь. Когда Эмма принесла таинственной незнакомке заказ, бровь Румер невольно поползла вверх. Еды было столько, что хватило бы небольшому отряду стражников. «Она что, реально собирается съесть всё это в одиночку?! Вы серьёзно?!» — пронеслось в голове.

— Эй, добавьте ещё!

Слова эхом прокатились по залу, прозвучав неожиданно властно и громко. От неожиданности Эмма едва не выронила поднос, заставленный грязной посудой. Даже Даниэль на секунду замер у открытого крана, удивлённо глядя на столик гостьи — она что, уже умудрилась уговорить целый кувшин?! Румер коротким жестом показала бармену, что сама принесёт то, чего желает гостья.

Направляясь к девушке с новой порцией яблочного напитка, Румер внимательно разглядывала её. «Нечасто к нам заглядывают такие... хм... голодные визитёры». Гостья была стройной, почти изящной. Из-под капюшона выбивались непослушные пряди ярко-рыжих волос, а на окружающих с нескрывтым вызовом зыркали изумрудно-зелёные глаза. «Красивая. Даже слишком красивая для обычного человека... Хотя кого у нас только не встретишь...» — подумала Румер, подходя ближе.

— Вот ваш напиток!

Поставив на щербатый стол кувшин, Румер вдруг почувствовала, как Нефть внутри неё заволновалась, настойчиво пытаясь выбраться из ладони. Видимо, густой запах яблок и какая-то странная энергия, исходящая от гостьи, вскружили голову не только посетителям, но и её маленькому спутнику. Пока Румер изо всех сил старалась удержать внутри эту любопытную чёрную кляксу, сохраняя при этом маску безразличия, незнакомка залпом опустошила ёмкость. С довольным, почти кошачьим видом она откинулась на спинку стула. Судя по её лихорадочно блестящим глазам, алкоголь уже начал делать своё дело, размывая границы дозволенного.

— Ну-ка, милая, поведай мне о всём разнообразии хмельных радостей, что у вас подают. — она позволила себе лёгкое изящество в жесте, не скрывая интереса и играя взглядом. — Что здесь стоит отведать, чтобы прочувствовать истинный вкус этого... заведения?

Румер принялась перечислять — коротко, ёмко и предельно понятно, как и полагается опытному персоналу. Она чеканила крепость, описывала ароматы и послевкусие. Какие напитки подойдут для определённых блюд, а какие не стоит брать. Упомянула, что чаще всего заказывают гвардейцы, чем предпочитают лечить разбитые сердца молодые повесы и от чего приходят в неопишуемый восторг капризные дамы...

— Мне нужно что-то... особенное, — бесцеремонно перебила её девушка, подавшись вперёд, сжимая горлышко пустого кувшина. — То, от чего сердце пустится в пляс, а по жилам потечёт бурлящая кровь. Чтобы я почувствовала, что по-настоящему живу, а не просто... существую.

«О-о-о, да у нас тут тяжёлый случай экзистенциального кризиса», — хмыкнула про себя Румер. — «Хотя, если её так развезло с обычного сидра, что же будет после этой дьявольской смеси? Она ведь в разы крепче... Жить-то ты, может, и захочешь, а вот твоя буйная головушка завтра утром спасибо хозяйке точно не скажет». Тем не менее Румер наклонилась поближе и заговорщицки понизила голос:

— Есть один напиток... он называется «Пламя Вечного Леса». Это смесь редких трав и алкоголя, который моментально воспламеняется при малейшем прикосновении огня. Его вкус — горячий, немного обжигающий, но после него ты чувствуешь, как внутри всё воспламеняется и наполняется силой.

Адья усмехнулась, хищно прищурившись:

— Вот это то, что мне нужно!

Румер промолчала, с профессиональным интересом наблюдая за гостьей. «Рисковая девка... Хотя это больше похоже на обычное пьяное безрассудство. Ну, как говорится, хозяин — барин. Будем надеяться, что её организм не решит выдать всё съеденное обратно прямо на стол».

— Ты ведь не местная, верно? — спросила Румер, подмечая странный акцент и манеры.

Вместо пространного ответа та уверенно протянула руку и назвала своё имя — Адья. Румер ответила на рукопожатие, отметив, что ладонь госты горячая.

— Румер. Рада знакомству! — добавила она с лёгкой улыбкой.

— Ну что, Румер, давай! Удиви меня!

«Ох, поверь, ты удивишься... Это я тебе обещаю», — подумала Румер, направляясь к бару.

У стойки творился форменный ад. Даниэль едва справлялся: народ требовал выпивки здесь и сейчас, подставляя пустые кружки одну за другой. Эмма только что унесла очередной поднос с шестью порциями тяжёлого эля. Когда Румер шепнула бармену, что ей нужен «Лес», бедолага аж вздрогнул.

— Лес?! Сейчас?! — он округлил глаза, едва не пролив пиво. — Румер, ты издеваешься? Замесить эту взрывную микстуру в таком потоке людей?! Ты как себе это представляешь?! У меня рук не хватает!

— Слушай, давай я сама тогда сделаю? — предложила она, видя его отчаяние. — Ты же сам меня учил, я помню пропорции.

Лицо парня мгновенно просветлело. Он благодарно кивнул и тут же переключился на очередного орущего клиента с пустой кружкой. Румер уверенно потянулась к полке с особыми настойками.

Вскоре перед Адьей стоял бокал с мерцающей жидкостью красивого тёмно-зелёного цвета, напоминающего магическое зелье. Оставалось лишь чиркнуть спичкой, чтобы всё это запылало благородным пламенем. Но беда пришла, откуда не ждали...

Румер слишком поздно поняла, что Нефть всё-таки улучила момент, выползла из-под кожи и попробовала напиток. Девушка лишь краем глаза успела заметить, как под её собственными пальцами в ладонь втягивается тонкий чёрный хвостик. В ту же секунду раздался сухой хлопок, и пламя вспыхнуло — само! Оно было неестественно зеленоватым и куда сильнее, ярче, чем полагалось по рецепту. Огонь мгновенно перекинулся на лёгкую накидку рыжей госты. Румер оторопела — и от дерзкой выходки Нефти, и от масштаба случившегося. Она понимала, что нужно немедленно тушить девушку, но тело слушалось из рук вон плохо, став каким-то деревянным и пугающе медлительным от шока. Видимо, заметив её ступор, Адья сама решительно ликвидировала пожар, сорвав с себя дымящуюся материю.

«Ушки... она эльф?! Настоящий эльф?!»

Посетители вокруг зашумели, удивлённо обсуждая увиденное, но в голове Румер вместо их слов почему-то проскальзывало тонкое, довольное хихиканье, как будто смеялся капризный ребёнок, радующийся удачной проделке. В полной растерянности она наблюдала, как эльфийка залпом выпила остаток полыхающей жидкости и что-то спросила, буквально буравя её своими яркими зелёными глазами.

— «Пламя Вечного Леса», говоришь? — мягко переспросила Адья, с характерным стуком возвращая бокал на стол.

«Судя по их выражению... она точно заметила Нефть». От этой мысли по спине Румер пополз ледяной холодок. «Если Маркус узнает, что её «зверушка» набедокурила, чуть не спалив посетительницу и — упаси боги! — само заведение... лучше было даже не пытаться представить последствия. В лучшем случае её просто вышвырнут на улицу без гроша в кармане.»

— Это что ещё за фокус такой был? — с лёгким сарказмом вполголоса произнесла Адья, так, чтобы слышала только черноволосая. — Ты что, тайная волшебница, или это твой личный секретный ингредиент?

— Простите, я... я не знаю, как это вышло, — прошептала Румер, нервно теребя пальцы и стараясь спрятать руку с Нефтью за спину.

Что ещё она могла ответить? «Видите ли, во мне живёт странная чёрная субстанция, которая любит яблочный спирт и горючие смеси. Она у меня способная, но совершенно бес-

толковая, так что вы уж нас извините за погром! Так, что ли? Да ни в жизнь!» Но, к удивлению Румер, Адья не собиралась возмущаться или закатывать скандал, скорее наоборот. Правда, озорной блеск в её глазах и явный хмель намекали на то, что замять инцидент просто так не выйдет и «расплата» за шалость Нефти всё-таки последует.

Именно так всё и случилось. Цепкие, неожиданно сильные пальцы упали на плечи Румер, буквально уронив её на скамью. «Птичка попалась» — Адья явно не намеревалась её отпустить ни под каким предлогом. Радовало лишь то, что эльфийка не сердилась, а даже как-то по-своему, грубовато, успокаивала её... Но сам факт хулиганского поведения Нефи, которая теперь тихонько затаилась внутри и не высывалась, был просто возмутителен. Бесспорно, после целого вечера безумной беготни было приятно на миг расслабиться в тёплых объятиях, но расслабляться было нельзя — после таких выкрутасов следовало бдеть в оба! Тем более что угар сидра и «Леса» уже окончательно ударил Адье в голову — та была порядочно пьяна.

Для полного «счастья» рядом вскоре нарисовался какой-то парень — судя по чертам лица, тоже эльф, — который искал именно эту рыжую авантюристку. Его слова о том, что некий Анадар разнесёт таверну к чертям, если Адья не выйдет немедленно, заставили сердце Румер ёкнуть. «Час от часу не легче! Что за день сегодня такой? Полнолуние, что ли, на подходе? Если я не сожгла заведение, так этот разгневанный господин поможет...» Адья же уходит явно не торопясь и сидела с наикислейшей миной, надеясь, что незванный гость сам догадается раствориться в воздухе.

— Адья, может, всё-таки... — начала Румер, нервно поправляя выбившийся локон. — Уже действительно поздно. Тебе не кажется, что пора? Да и за тобой пришёл такой... внушительный господин. Наверное, лучше не...

Но нет, увещевания не помогали. Да и парень, Чайни, явно начинал терять терпение и торопил её всё настойчивее. Адья же даже не шелохнулась и крепче сжимая руку, прижимала к себе Румер. «Как же мне отсюда выбраться, пока они решают свои проблемы...», но мысли прервал отрывок разговора, который поверг Румер в шок.

— Ладно. Я уйду. Но только при одном условии: если Румер пойдёт со мной. Я не собираюсь коротать остаток этой ночи в одиночестве среди ваших кислых мин. И вообще, я заметила, что вы слишком плотно за мной следите. Не нужно так.

— Что?! В смысле «пойду с тобой»?! — подобное наглое заявление от гостей здесь звучало впервые. Даже вдрызг пьяный старик Беннет до такого абсурда ни разу не додумался. — Я вообще-то на работе, я персонал! Я не могу просто бросить всё и уйти! — Румер понизила голос и замялась, понимая, что выбора у неё, по сути, нет: либо остаться и объясняться с Маркусом по поводу прожжённого плаща, который он не мог не заметить, либо... — Разве что... проводить до дома особо буйных и неадекватных клиентов...

Следующие минуты были как в тумане, мысли кружились, заглушая все звуки, лишь обрывки фраз от Адьи на прощание легли в память, возвращая её в реальность.

— Прощайте, дорогие мои собутыльники! — громко провозгласила Адья на всю таверну, комично-величественно склонив голову. — Час пробил. Я ухожу в изгнание, а вы продолжайте прозябать здесь в скуке!

Когда наконец вся троица вышла из душного зала на свежий воздух, Румер увидела мужчину, стоявшего неподалёку в тени дома. От него веяло таким холодом и раздражением, что даже на расстоянии становилось неуютно. Видимо, это и был тот самый страшный Анадар. Последняя надежда выкрутиться из этой истории окончательно угасла, когда Чайни — тот, кто пришёл за Адьей, — крепко сжал её руку, не давая сбежать обратно в таверну.

— Куда это ты собралась? Как сказала наша общая подруга: «Я тебя не отпущу», — с озорной улыбкой прошептал он.

Дорога до дома вышла весёлой, даже слишком. Адья развлекалась как могла — пела непристойные баллады, которые обычно любили распевать матросы в порту, задорно смеялась

на всю улицу, шутила невпопад — в общем, делала всё, чтобы окончательно вывести Анадара из себя. Однако тот держался со стоическим спокойствием, лишь иногда позволяя себе трагично вздыхать. Он то и дело перебирал тонкими пальцами длинную белую косу, лежащую на плече, и раздражённо зыркал на рыжую бестию своими необычными ярко-жёлтыми глазами. Но шутки и вправду были забавными — Румер поймала себя на том, что давно так искренне не смеялась. «Про уши эльфийских жён надо обязательно запомнить и рассказать Даниэлю — он будет в полном восторге!»

Когда наконец заливисто хохочущую Адью завели в двери дома, Румер облегчённо выдохнула: смех смехом, но в компании такого типа, как Анадар, стоило держать ухо востро — кто знает, что ещё могло не понравиться этому суровому господину? Уходя, он бросил на неё оценивающий, холодный взгляд, но, видимо, счёл девушку совершенно безобидной и ничего не сказал. Чайни последовал за ним, однако в дверях на мгновение застеснялся и шепнул:

— Ты не обижайся на неё — она у нас... странненькая. За ней глаз да глаз нужен, не то хлопот потом не обернёшься. Пригляди за ней хотя бы до утра, пожалуйста? Она к тебе явно привязалась.

Но просить об одолжении особого смысла не было — Адья уже буквально висела на Румер, крепко обнимая её и доверительно положив подбородок ей на плечо, улыбаясь довольной улыбкой и пуская слюну. Чайни, видимо, понял, что деваться девушке некуда, и, сочувственно усмехнувшись, тихо закрыл за собой дверь.

— Руме-е-ер! — надув губы, протянула заплетающимся языком Адья, когда они попытались сделать хотя бы пару шагов вглубь комнаты. — Налей ещё чего-нибудь! Анадар свалил в закат, и я очень-очень рада! Это великое событие надо отметить! Ик!

— Нет, хватит с тебя! Ты и так уже едва лыка вяжешь, — строго отрезала Румер, пытаясь удержать равновесие под тяжестью эльфийки.

— Ну Руми-и-и-и! Только одну капельку!

— Сказала «нет»! — эхом откликнулась Румер, настойчиво увлекая её за собой. — Утром тебе будет так плохо, что ты проклянёшь всё на свете. Пожалеешь потом!

— Я хочу праздновать! И я буду праздновать! — Адья явно желала продолжать веселье, вот только ноги её окончательно подкосились. Она чуть не рухнула на пол, благо Румер успела подхватить её под мышки. «Надо бы как-то уговорить эту яблочную бражницу, пока она себе тут голову случайно не разбила...» — подумалось девушке. Она мягко повела гостью к кровати, надеясь поскорее уложить её спать.

— Будешь, будешь, только завтра! — Румер аккуратно посадила Адью на край постели, но в ту же секунду едва не оказалась опрокинутой рядом — та мёртвой хваткой вцепилась ей в талию.

— Не-е-е-е, теперь будем обниматься!

— Да ну ты боже мой, что ж такое!

— Ничего не знаю... обниматься! — упрямо буркнула Адья, зарываясь носом в рубашку Румер.

— Ладно, ладно, иди сюда! Обниматься так обниматься, только успокойся.

Присев на кровать и сомкнув руки за плечами Адьи, Румер вдруг поймала себя на мысли, что и сама немного расслабилась. Тепло чужого тела, ровное биение сердца, рыжая прядь волос, щекочущая нос — всё это дарило редкое, почти забытое ощущение защищённости. Чужие руки, обхватившие её кольцом, казались сейчас самым надёжным местом в мире. Было даже приятно, хотя где-то на задворках сознания всё ещё ворочалась тревожность.

Вскоре послышалось тихое, мерное сопение — уткнувшись носом в шею Румер, Адья мгновенно провалилась в сон. Осторожно высвободившись и уложив её на подушку, Румер укрыла эльфийку одеялом и наконец-то смогла оглядеться. Комната оказалась весьма необычной. На столе в беспорядке громоздились хитроумные конструкции из стекляшек, соединён-

ных тонкими трубками, а вокруг были разбросаны исписанные мелким почерком бумаги. Шкаф до самого верха был забит какими-то склянками, колбочками и пузатыми пузырьками. С нижних полок торчали скрутки сушёных стеблей и холщовые мешочки с непонятными бирками.

С интересом разглядывая это изобилие, девушка размышляла: «Похоже, она или медик, или алхимик. Столько всего, как в лучшей аптеке Вилкиса... Хах, забавно, что среди всего этого богатства не нашлось ни капли чистого спирта!»

Нефти внутри спокойно не сиделось. Она так и норовила вылезти и лично изучить, что же это за странное место. Поняв, что сдерживать её поползновения бесполезно, Румер раскрыла ладонь — и чёрная клякса радостно поскакала напрямик к шкафу. Первым объектом её интереса стали тканевые свёртки; она возилась в них, шурша сухими листьями, как мышь в стог сена. Вдоволь натешившись, Нефть взобралась на полку и заскользила между плотно стоявшими склянками, то и дело пытаясь поддеть пробку и заглянуть внутрь.

— А ну кыш оттуда! — тихо шикнула на неё Румер, испуганно глядя на спящую хозяйку дома. — Мы не у себя. Гуляй смирно! Мало тебе было фаер-шоу в таверне?! Разобьёшь же что-нибудь!

Как назло, именно в этот момент на пол с глухим звоном полетела небольшая склянка. На тёмных половицах заблестела разлившаяся лужица медно-рыжей жидкости. Нефть, конечно же, мгновенно спикировала следом. Сидя перед отражением, она трогала лужу «лапкой» и — ну конечно! — снова попробовала её на вкус. Румер обречённо вздохнула: «малое дитя, честное слово!»

— Может, хватит уже надо мной издеваться, а? Ты почему не слушаешься? Если есть хочешь — так и скажи, незачем тащить в рот всё подряд!

Вместо ответа Нефть как-то странно дёрнулась — не то икнула, не то чихнула — и стрелой понеслась к хозяйке, испуганно нырнув обратно в ладонь. Румер почувствовала, как та угнездилась где-то возле локтя, буквально забившись в угол, как нашкодивший щенок. Стало тревожно. В ту же секунду до носа донёсся странный запах — на первый взгляд приятный, сладковатый, но с резким, едким послевкусием, от которого мгновенно запершило в горле. Видимо, этот тяжёлый аромат источала жидкость из разбитого флакона. С каждым новым вдохом голова Румер становилась всё тяжелее, а веки наливались свинцом.

Она бросилась к окну, надеясь распахнуть его и проветрить комнату, но не дошла всего пару шагов. Когда она поравнялась с кроватью, Адя, приоткрыв один глаз, неожиданно ловко выбросила руку вперёд. Румер, чья координация уже была нарушена парами зелья, мгновенно оказалась опрокинутой на матрас.

— Ага-а-а, попалась! — услышала она сонное, полупьяное хихиканье. — Ну почему ты всё время пытаешься убежать, а?

Адя крепко прижалась к её спине, и её руки сомкнулись на талии Румер, не оставляя ни малейшего шанса выскользнуть из этого плена.

— Я что... страшная такая?.. — обиженно забормотала эльфийка в затылок Румер. — Что вы все такие вредные сегодня?.. Никто... никто не хочет просто побыть рядом...

Голос Ады, несмотря на всю пьяную прыть, звучал по-настоящему расстроено, а хватка была на удивление крепкой. Румер пару раз вяло попыталась высвободиться, но силы быстро покидали её. Голова была словно налита свинцом, а спать хотелось так невыносимо, что сопротивление казалось бессмысленным.

«Ну и чёрт с ним...» — мелькнула последняя мысль.

Через минуту Румер окончательно провалилась в глубокий сон.

...

Под полукруглыми сводами тёмного коридора гулко катился нестройный звук шагов. Прямо перед Румер маячили две мужские спины. Один из путников был пониже ростом и явно моложе. Он шагал неуверенно, будто боясь резкого звука собственных каблуков, и нервно прижимал к груди потрёпанную тетрадку, изредка поправляя непослушную прядь волос. Второй же, на вид лет тридцати, напротив, двигался решительно и резко. Статный, стройный, он гордо держал голову, однако его ледяное спокойствие почему-то пугало до дрожи.

— Как же здесь тихо... — мужчина, что был ниже ростом, опасливо огляделся по сторонам и вздрогнул. Румер успела заметить, как в слабом, подрагивающем свете керосиновых ламп блеснули стёкла его очков. — Сколько с вами работаю, господин, а никак привыкнуть не могу. Считай, я тут единственный человек на все эти подвалы...

— Единственный?.. — собеседник презрительно фыркнул, даже не обернувшись. В его голосе зазвучала такая ядовитая усмешка, будто помощник сморозил несусветную глупость.

— Ну... в смысле, живой... — пробормотал парень, виновато втянув голову в плечи.

— Ты же знаешь, я люблю машины, а не людей, — голос мужчины звучал тихо, но от этого мертвенно-равнодушного тона по коже пробежал мороз. Пройдя ещё несколько шагов, он добавил: — Но в таком виде люди меня вполне устраивают. И я буду удовлетворён лишь тогда, когда ядро станет безупречным.

— Но вы же сами знаете, Совет никогда не одобрит эту идею... Да и вашу... эм-м-м... веру они тоже особо не приветствуют.

— Веру? — мужчина коротко рассмеялся, и этот смех был сухим, до жути противным, как треск ломающихся костей. — Для меня нет разницы, кем именно даровано знание. Важно лишь, какой результат оно даст в итоге. До смерти хочу увидеть эти перекошенные от ужаса лица, когда они поймут, что их хваленая магия больше никому не нужна!

В последних словах прорезалась затаённая, накопленная годами ненависть. Мужчина остановился под лампой возле массивной двери, и его наконец-то можно было разглядеть. Копна чёрных вьющихся волос до плеч, узкие, вечно сжатые губы, тонкие брови вразлёт и цепкий, пронизывающий взгляд, от которого Румер стало не по себе. Его можно было бы назвать красивым, если бы не безжалостность, сквозившая в каждой черте лица и на корню уничтожавшая всё обаяние. Однако Румер поймала себя на странном желании: ей хотелось подойти к нему поближе — почему-то рядом с этим опасным человеком тревога немного отступала, сменяясь чем-то иным.

Он толкнул дверь. Внутри оказалась комната, от пола до потолка выложенная стерильно-белым кафелем. В одну из стен были вмонтированы квадратные железные дверцы. В помещении стоял собачий холод и отвратительно пахло чем-то едко-медицинским — парень в очках сразу зашёлся в сухом кашле. Он потянул за ручку одной из дверец и с натугой выдвинул металлическую полку. Там лежало что-то большое и тяжёлое — ассистент двигал груз с явным усилием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.